

В.А.ОЗЕРОВЪ.

СОЧИНЕНІЯ

В. А. ОЗЕРОВА.

ЧАСТЬ I.

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ,
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ИВАНА ГЛАЗУНОВА.
1816 ГОДА.

Новымъ изданіемъ печатанъ позволено

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министра Просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной Библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. — Санктпетербургъ, Марша 14 дня, 1816 года.

*Цензоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Иванъ Тимковской.*

О

ЖИЗНИ И СОЧИНЕНІЯХЪ
В. А. ОЗЕРОВА.

Давно ли Музы опечесхва оплакивали смерть посѣдѣвшаго въ славѣ любимца своего, Державина! И нынѣ еще поражены онѣ новымъ ударомъ, не менѣе для нихъ чувствительнымъ. По крайней мѣрѣ Державинъ совершилъ свое поприще и заплашилъ послѣднюю дань природѣ въ шѣ лѣта, въ копорыя человѣкъ перенесъ уже важнѣйшую ушрапу — ушрапу всего того, что, такъ сказать, живаго было въ жизни. — Наслѣдство, оставленное имъ потомству, плодъ трудовъ долгихъ и безмятежныхъ лѣтъ, должно служить утѣшеніемъ въ горестной пошерѣ. Судьба и люди, едва ли не въ первый разъ, постоянно благопріятствовали генію въ лицѣ Державина — и онъ, доживши до глубокой старости, проспился съ жизнію, какъ съ прекраснымъ вечерѣющимъ днемъ. Зависть не допрогивалась оскорбительною рукою до поэтическихъ лавровъ его, и по крайней мѣрѣ въ глазахъ Поэта и современниковъ, скрывая свое негодованіе, казалось изменила древней враждѣ ко всему тому, что ознаменовано печашію величія. Примѣръ чудесный и можетъ быть единственныи въ лѣтопи-

сяхъ славы. Но оплакивая Озерова, мы должны сѣповать какъ о преждевременной смерти, такъ и о самой жизни его, игралищъ враждующей судьбы и людей, коихъ злоба бываетъ еще изобрѣшательнѣе и постояннѣе. — Смерть положила предѣлъ днямъ Озерова на 47 году опъ рожденія; но бѣдствія и зависть, пробужденныя рукоплесканіями, уже за нѣсколько передъ шѣмъ поставили преграду успѣхамъ его, похишивъ у опечесства надежды, за исполненіе копорыхъ досташочными поруками были прежніе пруды Озерова, начавшаго новую эпоху въ исторіи трагическаго нашего театра. Спранная и горестная истинна! Учасъ Великихъ Мужей, коихъ слава бываетъ собственностію народа, зависитъ часто опъ малаго числа людей, а иногда опъ одного только лица. Не опъ того ли, что благодарностъ скудна въ способахъ изъясняшся, особенно же медленна, а завистъ напрошивъ богаша въ средстввахъ, догадлива и никогда не дремлетъ? И часто первая прерываетъ свое пресупное молчаніе тогда только, когда поздній голосъ ея шщешно уже раздашся можетъ надъ прахомъ сердца нѣжнаго, пошухшаго въ уныніи и ожидавшаго благошворнаго ея взыванія, какъ новой жизнеподашельницы новыхъ силъ и надеждъ! Напрошивъ же первая побѣда естъ для послѣдней рѣшительный знакъ къ дѣйствію: неушомимо преслѣдуетъ она опъ успѣха къ успѣху довѣрчиваго любимца славы, какъ жадный заимодавецъ, заспавляя его расплачивашся при каждомъ новомъ правѣ, пріобрѣшенномъ на уваженіе опечесства, и такимъ образомъ гоняся до конца за жершвою своею, падаетъ безсильная при надгробномъ камнѣ, сей

священной преградѣ, безсмертіемъ поставлен-
 ной ея ненасытной враждѣ. Щастливъ облечен-
 ный славою на гоненіе, воинъ ли онъ, гражда-
 нинъ ли или питомецъ Музъ, когда душа его,
 облеченная спасительною твердостью и крѣп-
 кая собственными своими силами, служишь
 только щещно цѣлю спрѣль для непріа-
 зни, скользящихъ по ней и слѣдовъ не оста-
 вляющихъ! Но горе тому, кто съ дарова-
 ніемъ получилъ опъ природы и душу чув-
 ствительную, ввѣрившую свои наслажденія и
 горести самовласною чуждаго произвола! Слеза-
 ми кровавыми заплакишь онъ за рукоплесканія,
 мгновенно похищенные у въпренной толпы,
 сего дня ослѣпленный, а завтра смотрящей съ
 убійственнымъ равнодушіемъ на бореніе любим-
 ца своего съ злобою враговъ. Должно еще замѣ-
 шить, что успѣхи драматическіе болѣе и про-
 должительнѣе прочихъ подспрекающе зависъ.
 Эпическое или лирическое твореніе, славимое
 при началѣ и дѣйствующее только на честь пу-
 блики, теряетъ со временемъ свою гласность и
 наконецъ спановишся собственностью малаго
 числа читателей. Хорошая трагедія или коме-
 дія, налагающая дань на все общество, не спарѣетъ
 никогда. Каждое представленіе, возобновляя удо-
 вольствіе публики, справляетъ раны зави-
 сши, которая не только врагъ достоинства,
 сколько успѣхамъ. Вольеръ, вооружившій про-
 шивъ себя толпу враговъ, но умѣвшій всегда съ
 равнымъ искусствомъ вести какъ оборонитель-
 ную, такъ и наступательную войну, жалуюсь
 однажды на непріятности имъ прешерпѣвае-
 мыя, говорилъ въ письмѣ: если я еще напишу
 трагедію, то куда мнѣ дѣваться?

Озеровъ умалчивалъ о своихъ неудовольствіяхъ, и одаренный сердцемъ чувствительнымъ къ обидамъ, не умѣлъ ни презирать вражды, ни бороться съ нею, и наконецъ оставилъ столицу и поприще славы своей!

Заслуги Озерова, преобразователя Русскихъ трагедій, копорыя можно, не опредѣляя достоинства обоихъ Писателей, сравнить съ заслугами Карамзина, образователя прозаическаго языка, обращающъ на себя благодарное и любопытное вниманіе просвѣщенныхъ друзей словесности. Оба оставили между собою и предшественниками своими великое разстояніе. Судя по твореніямъ, копорыя заслужили они, не лѣзя не признавать, что ими вдругъ подвигнулось искусство, и если бы не при насъ случилось сіе важное преобразование, трудно было бы повѣрить, что оно не приготовлено было твореніями, опъ насъ утраченными. Но для нѣкоторыхъ людей сей Геркулесовскій подвигъ не существуетъ. Они постоянно коснѣютъ при мнѣніяхъ прошедшаго вѣка. Просвѣщеніе, грядущее исполинскими шагами, усовершенствовавшее науки, обогатившее казну человѣческихъ понятій, преобразовавшее самыя Государства, до нихъ не коснулось. Просвѣщеніе прошло мимо ихъ, и они его не замѣтили. Обремененные съ излишествомъ старыми понятіями и не умѣя даже ими владѣть, какъ безпечный наслѣдникъ, копорый не только что не думаетъ о новыхъ пріобрѣтеніяхъ, но съ трудомъ вычисляетъ и то, что ему досталось, они негодуютъ на новую жазву, собранную шайкомъ опъ нихъ трудолюбивыми и щедрыми благошворителями. Успѣхи разума и искусства

не подвигающа для сихъ людей неподвижныхъ. Оставшись на спезѣ просвѣщенія, современнаго ихъ младенчеству, они напоминаютъ Эдипа, который, будучи упомленъ дорогою садится на камень и говоритъ: *мой вѣкъ на камнѣ кончу себѣ*. Ихъ разумъ, достигшій вѣхоспи при постоянномъ ребячествѣ, и представляющій картину развалинъ недоспроеннаго зданія, не измѣняя первымъ урокамъ, удивляется, что смѣютъ писать трагедіи послѣ Сумарокова, и довольствуясь повѣствованіями Елагина, ужасается святошества смѣльчака, дерзающаго готовитъ Русскую исторію. Пускай доканчиваютъ они тяжелый сонъ жизни своей на вѣковомъ камнѣ подъ усыпительнымъ надзоромъ невѣжества и предразсудковъ: мы обратимся къ Озерову, который писалъ не для ихъ вѣка.

Къ сожалѣнію я не могу, говоря о заслугахъ Озерова какъ автора, основать на немъ вниманія читателей, какъ на человѣка; я не зналъ его лично. Но впрочемъ, если бы свидѣтельство друзей его и не утвердило меня въ увѣреніи о прекрасномъ образованіи его сердца; то я убѣдился бы въ немъ истинною и словами Карамзина, который говоритъ, что автору надобно имѣть доброе и нѣжное сердце, если онъ хочетъ быть другомъ и любимцемъ души нашей. Не знаю также и подробностей жизни Поэта, столь всегда любопытныхъ и занимательныхъ, когда они относятся къ лицу, достойному нашего вниманія. Мы любимъ заглядывать въ пишинѣ домашней жизни человека, привлекающаго взоръ нашъ на поприщѣ большаго свѣта и, такъ сказать, поворачивать, сличать его съ самимъ собою. У насъ

писателей знаютъ только по однимъ ихъ книгамъ, и извѣстія о нихъ ничто иное, какъ послужные списки. Хорошо другу умершаго писателя обращать вниманіе попомощва на знаки благоволенія, полученные покойникомъ отъ начальниковъ тогда, какъ творенія его не свидѣтельствуютъ о благоволеніи къ нему Аполлона. Но когда можно говорить о качествахъ души, о домашнихъ добродѣтеляхъ человека, извѣстнаго намъ по одной его славі: то умалчивая о чинахъ его, припомня съ Княжнинымъ, что *Рафаель не бывалъ Коллежскимъ Ассесоромъ*, лучше опредѣлимъ его права не на адресъ-календарь, но на любовь гражданъ, уже плащущихъ дань уваженія умственнымъ его способностямъ.

Соберу однако же всѣ извѣстія о немъ, которыя дошли до меня, и если не могу начертать полного образа, то означу хотя легкія черты характера или души Озерова, по словамъ одного родственника его, которому не нужно было родства, чтобы быть ему другомъ.

Озеровъ, получилъ воспитаніе въ Кадетскомъ корпусѣ, хорошее по тогдашнимъ понятіямъ, но недоспашочное для человека, готовящагося быть писателемъ. Французскій языкъ и Французская словесность были единственными сокровищами, открытыми его взору. Первыми его учителями и образцами въ языкъ были Княжнинъ и Болпинъ: уже гораздо послѣ того познакомился онъ съ истинными образователями Русской прозы и Русскихъ стиховъ. Въ уединеніи тихой жизни узналъ онъ Державина, Дмипріева и Карамзина, почувствовалъ имъ цѣну и по нимъ

учился. Рожденный съ пылкими спраспиями, съ воображеніемъ романическимъ, онъ не могъ прошивишься волшебной прелести любви, и привязанносшь къ одной женщинѣ, доспойной владычеспвовашь въ его сердцѣ, рѣшила судьбу почти всей его жизни. Для нее онъ жилъ нѣсколько лѣтъ, почти всѣ лѣта своей молодоспи; съ нею пишался воспоргами плапониической спраспи; часто предчувспвовалъ щаспіе, но не былъ щаспливъ; ибо любезная ему женщина была замужняя и добродѣпельная. Для нее онъ игралъ во Французскихъ прагедіяхъ, чипалъ романы и писалъ Французскіе спихи. По щаспію онъ измѣнилъ со временемъ Французскому языку; но сохранилъ вкусъ къ чпенію романовъ и въ зрѣлыхъ лѣтахъ и послѣ попері любимой женщины, какъ бы для того, чптобы учаспіемъ въ вымышленныхъ нещаспіяхъ любви напоминашь себѣ шѣспраданія нѣжноспи, къ коимъ сердце его привыкло. Нѣтъ сомнѣнія, чпто чпеніе романовъ дало его поэзіи цвѣтъ романизма, замѣпный почти во всѣхъ его произведеніяхъ и удивишельно, какъ съ такимъ расположеніемъ не искалъ онъ для содержанія прагедій своихъ повѣспей изъ рыцарскихъ вѣковъ. Долговременная сердечная связь имѣла также вліяніе и на характеръ нашего прагика. Давно говоряшь, чпто любовники похожи на дѣшей, а Озеровъ сохранилъ что-то дѣпское и во всѣхъ опношеніяхъ жизни. Онъ, былъ добродушенъ, своенравенъ и забывчивъ, по подозришеленъ, по легковѣренъ и къ людямъ и къ надеждамъ. Иногда самолюбіе доводило его до малодушія; иногда опъ излишняго смиренія онъ впадалъ въ опчаяніе. Главнымъ свойспвомъ его сердца была любовь къ друзьямъ; онъ часто дѣ-

лался ихъ невольникомъ, видѣлъ, чувствовалъ ими; но готовъ былъ разсердиться за малѣйшую неосторожность, и также не могъ устоять противъ малѣйшаго знака любви. Смерть милой ему женщины удалила его на время отъ свѣта, который въ глазахъ его украшался ею, и отъ словесности, которая сначала была для него не болѣе, какъ забава. При образованіи природномъ долго не могъ онъ искать наслажденій и щасія въ трудахъ ума, искавъ ихъ единственно въ мечтахъ сердца. Пробужденіе отъ сладостныхъ сновидѣній было развитіемъ давно спавшихся его способностей. Слѣдующая черта дала ясное понятіе о нѣжности и щекопливости благородной души его. Онъ служилъ по Гражданской части и имѣлъ успѣхи по службѣ, но мало радовался ими. Однажды его начальники спросили: не нужно ли сдѣлать перемѣны въ его департаментѣ? Озеровъ счелъ сей вопросъ за совѣтъ итти въ отставку и, тотчасъ вышелъ.

Приспупая къ разсмотрѣнію произведеній Озерова, скажемъ нѣчто о Русскомъ театрѣ.

Драматическое искусство у насъ еще въ колыбели. Не смотря на нѣсколько прагическихъ и комическихъ сценъ, мелькающихъ въ маломъ числѣ драматическихъ швореній, изъ коихъ всякое болѣе или менѣе ознаменовано общею печатію отверженія, наложенною на нашъ театръ рукою Таліи и Мельпомены, кажется можемъ сказать рѣшительно, что до сего времени мы не имѣли еще ни одной оригинальной комедіи въ стихахъ (*), и до Озерова не видали трагедіи.

(*) Фонъ Визинъ умѣлъ быть оригинальнымъ и хорошимъ стихотворцемъ, но писалъ прозою комедіи,

Сумарокову, сему писателю, хотѣвшему съ жадностію обнять всѣ отрасли ученой славы, и у котораго не лѣзя опныть ни ума, ни дарованія, предназначено было судьбою проложитъ у насъ пути къ разнымъ родамъ сочиненій, но самому не достигнуть ни одной цѣли. Какъ Моисей, онъ навелъ другихъ на Обѣщанную землю, но самъ не вступилъ въ ея границы. Ослѣпленные современники вѣнчали неупомимаго писателя похвалами: добродушное пошомство довольствуется бытъ опголоскомъ старины, не налагая на себя тяжелаго труда бытъ дѣйствующимъ судіею славы Сумарокова, и такимъ образомъ творецъ Русскаго театра, хотя и не лишенный почести сего имени, уже почти не имѣетъ мѣста на ономъ. Можетъ бытъ и совсѣмъ поглотила бы его бездна забвенія, есѣли бы не проходило на мысль благочестивымъ и суевѣрнымъ поклонникамъ старины, предпочищающимъ всегда славу усопшихъ славѣ живыхъ, спавишь намъ безъ зазрѣнія совѣсти въ образецъ басенъ на Русскомъ языкѣ басни Сумарокова и въ образецъ прагического слога напыщенные и холодные порывы пришворнаго изскупленія Димитрія самозванца. Должно замѣтитъ однакоже, что въ трагедіяхъ, Сумароковъ также выше комедій своихъ, какъ Княжнинъ въ комедіяхъ выше трагедій Сумарокова и своихъ собшвенныхъ.

Княжнинъ первый положилъ швердое основаніе какъ прагическому, такъ и комическому

до нынѣ лучшія на нашемъ театрѣ, и даже единшвенныя, какъ по истиннѣ представленныхъ нравовъ и характеровъ, такъ и по разговору, который блисшаетъ непринужденнымъ остроуміемъ.

слогу. Лучшая комедія въ сшихахъ на нашемъ театрѣ, естъ неоспоримо *Хвастунѣ*, хопя и въ ней кришика найдешъ много недоспашковъ, и вкусъ не всѣ сшихи освятилъ своею печашью. Но за то сколько сценъ испинно комическихъ, являющихъ блестящія дарованія авпора! Сколько щаспливыхъ сшиховъ, вошедшихъ непри-мѣнно въ пословицы! Сколько цѣлыхъ мѣспъ, свидѣтельспвующихъ, такъ сказать, о зрѣло-спи слога Княжнина! Въ доказательспво тому замѣшимъ, что дурный сшихъ, площадное и не-приспойное выраженіе, оскорбляя вашъ слухъ, поражаетъ васъ въ *Хваспунѣ* также, какъ хо-рошій и удачный сшихъ пробуждаетъ васъ въ другой комедіи. *Утѣшенная вдова* до сего времени можетъ служишь у насъ образцовою по досто-инспву прозаическаго и комическаго слога, шон-кой насмѣшки и веселоспи. Въ *Чудакахѣ* бли-спаетъ шже дарованіе и еще болѣе комической веселоспи. Въ другихъ его комедіяхъ вездѣ раз-сыпаны искры дарованія и соль остроумныхъ шушокъ, замѣняющихъ погрѣшности плановъ его и несходспво въ списываніи лицъ.

Княжнинъ, какъ трагикъ, заслуживаетъ бо-лѣе укоризнъ, не имѣя блестящихъ достоинспвъ, вознаграждающихъ за ошибки его въ комедіяхъ. Языкъ въ послѣднихъ всегда кажется еспе-спвеннымъ: языкъ въ его трагедіяхъ всегда принужденъ и холоденъ. Въ *Дидонѣ* видимъ не любовницу, въ *Рославѣ* не пламеннаго друга оше-чеспва. О *Рославѣ* можно замѣишь, что имя хваспуна ему приличнѣе, нежели дѣйспвишель-ному хваспуну. *Верхолетѣ* болѣе лжець и обман-щикъ: *Рославѣ* естъ трагическій хваспунъ.

Княжнинъ, сказывающъ, признавался, что *Рославъ* написанъ имъ по желанію собрать въ одно всѣ черпы высокаго, разсыпанныя во Французскихъ трагедіяхъ. Одно епо желаніе, признанное или умолченное — все равно, но главное въ трагедіи его, — можешь служишь ему обвиненіемъ. Въ опвѣщахъ *Рослава* слышенъ всегда авторъ; въ словахъ: *я здѣсь не въ первый разъ*, внятенъ сердечный голосъ негодующаго *Фингала*. Я часто слыхалъ рукоплесканія, заслуживаемыя стихами трагедій *Княжнина*; но признаюсь, не видалъ никогда въ глазахъ зрителей краснорѣчиваго свидѣтельсва участія, принимаемаго сердцемъ ихъ въ бѣдствіяхъ его героевъ или героинь; не видалъ сихъ слезъ, невольной и лучшей дани, приносимой прагическому дарованію опъ распревоженныхъ чувствъ состраданія, или страха обманутаго воображенія. Должно сказать, что пороки въ составленіи трагедій *Сумарокова* и *Княжнина* не могутъ бытъ оправданы временемъ. Въ то время какъ они писали, сокровища иносстранныхъ шеатровъ совершенно были имъ открыты; не говорю о древнихъ источникахъ, копорые тогда, какъ и самый языкъ древнихъ, были забыты. Въ трагедіяхъ того и другаго встрѣчаемъ мы не рѣдко частныя подражанія *Корнелю*, *Расину* и *Вольперу*. Можно похищать блестящую мысль, щастливое выраженіе; но жаръ души, но тайна господствовашъ надъ чувствами другихъ сердецъ не похищается, и не лзя ей научишься опъ правилъ піишки. Главный недостатокъ *Княжнина* происходитъ опъ свойствъ души его. Онъ нерожденъ бытъ прагикомъ.

О трагедіяхъ послѣдовашихъ его, покоящихся послѣ однодневной жизни въ *Россійскомъ театрѣ*, нѣчего и упоминашь. Не спану говоришь и о трагедіяхъ, въ новѣйшее время перенесенныхъ съ иностранныхъ театровъ на нашъ усердными переводчиками; о сихъ несчастныхъ эмигрантахъ (разумѣется не безъ исключенія), жалкихъ и разительныхъ свидѣтельстввахъ измѣненія судьбы человѣческой, сохранившихъ у насъ одно прежнее имя, но оставившихъ на отечественной землѣ и богатство свое и славу ошцовъ!

Кажется, рѣшительно можно сказать, что у насъ не было трагедій, и величество Мельпомены не царствовало на трагической сценѣ. Актеры съ пышными именами выходили передъ зрителей, говорили стихи, иногда хорошіе, чаще дурные; зрители рукоплескали, чаще звали: но и рукоплесканія ихъ были данію звучности стиховъ, блестящимъ выраженіямъ истинны, сильнымъ изреченіямъ, сохраненію нѣкоторыхъ условій искусства, и тайна трагедіи не была еще постигнута. Явился Озеровъ, и Мельпомена приняла владычество свое надъ душами. Мы слышали голосъ ея, повелѣвающій сердцу, играющій чувствами; сей голосъ столь краснорѣчивый въ *Расинѣ* и *Вольшерѣ*. Въ первый разъ увидѣли мы на сценѣ не актеровъ, пожалованныхъ по произволу автора въ *Греческихъ*, *Римскихъ* или *Русскихъ* героевъ, и представляющихъ намъ галерею портретовъ не на одно лице, которое узнавать надобно было по надписи.

Но прежде нежели представимъ Озерова на Русской сценѣ, на степени его достойномъ,

взглянемъ на первые пруды, предшествовавшіе *Эдипу*, коимъ началась новая эпоха въ исторіи театра и словесности нашей.

Первый шагъ Озерова въ области поэзіи былъ переводъ изъ Колардо героиды *Элоизы къ Абеларду*. Въ краткомъ предисловіи, напечатанномъ при переводѣ, увѣдомляешь онъ читателей, что предлагаетъ имъ первый опытъ свой въ стихахъ и извиняешься въ смѣлости сослѣзаться съ щастливымъ соперникомъ, утвердившимъ во Франціи свою славу переводомъ изъ *Попая* письма, извѣстнаго любителямъ словесности, и сдѣлавшагося такъ сказать, молищенникомъ любви; онъ признается, что чтеніе стиховъ Колардо, родило въ немъ вдохновеніе Аполлона и воспламенило воображеніе, не проницаемое до того волшебнымъ жезломъ поэзіи. „Читая Колардо, говоришь Озеровъ, я былъ восхищенъ. Мнѣ открылся путь Парнасскій и я почувствовалъ вдохновеніе Аполлона, о которомъ прежде и мысли не имѣлъ.“ Такъ добродушный Лафоншенъ, до конца жизни не прождавшій пайны славы своей, пайны темной для однихъ его глазъ, обязанъ былъ чтенію оды Малерба открытіемъ своего дарованія. Поставишь переводъ на ряду съ подлинникомъ — не возможно; но не признашь въ переводчикѣ Колардо грядущаго Поэта, было бы несправедливо. Многіе стихи, не смотря на тогдашнее младенчество языка нашей поэзіи, могли бы украсишь и въ теперешнее время лучшее изъ нашихъ стихотвореній. Вообще разсказъ и порывы сердца удачнѣе прочаго сохранены переводчикомъ, еще не посвященнымъ, но въ пайнѣ облеченнымъ любимцемъ

Мельпомены. Его прочія мѣлкія спихотворенія не свидѣтельствуютъ о піиическомъ дарованіи, развернувшись въ трагедіяхъ, а лирическія пѣсни доказываютъ, что Озеровъ не былъ лирикомъ.

Смерть Олега Древлянскаго, представленная въ 1798 году на Петербургскомъ театрѣ, была первою трагедіею Озерова, и первою и послѣднею данію, заплаченною имъ вѣку Сумарокова и Княжнина. Вспомня, что предшественниками *Федры* были *Александръ* и враждующіе братья, дань принесенная Расиномъ вѣку Рошру и Корнеля, удивимся ли тому, что *Олеѣ* не предвѣщаль *Эдипа* и *Поликсены*? Рѣдко случается, чтобы дарованіе съ перваго шага спало на эту дорогу, которую оно прокладываетъ себѣ возмужавшими силами: обыкновенно, оно шащипся нѣсколько времени по слѣдамъ предшественниковъ, а тамъ уже вдругъ освобождается отъ ига суевѣрнаго подражанія, и уклоняясь на неизпытанный путь, открываетъ новое поприще для новыхъ послѣдователей. Въ планѣ трагедіи: *смерть Олега*, въ самомъ составѣ списа, видны погрѣшности Княжнина, не искупленные красотою, ему принадлежащими. Красотамъ подражать не можно; ихъ не лзя ни похитить, ни присвоить. Напрошивъ того, недоспашки писателей переходятъ изъ рукъ въ руки во владѣніе рабскихъ его подражателей. Расинъ, побѣдившій Корнеля когда переспалъ братья его себѣ въ примѣръ, былъ ниже его, когда хотѣлъ сравниться съ нимъ. Озеровъ, усовершенствовавшій искусство Княжнина, былъ дурнымъ его ученикомъ, когда искалъ славы его соперничества. Къ щасію Озерова, публика,

которой сужденія не всегда безошибочны, по какому-то предчувствію не попалась въ обманъ, и справедливо опровергнувъ трагедію Озерова не ослѣпила его соблазномъ успѣха. Щасливый пріемъ Олега, усыпивъ геній трагика, можешь бышь — убилъ бы Эдипа. Черезъ нѣсколько лѣтъ сочинитель, скрывавшійся опъ глазъ свѣта, явился снова на трагической сценѣ; но вооруженный новыми силами, обѣщавшими ему побѣду. Бѣдствія Эдипа и семейства его, епо неизчерпаемое сокровище трагедіи, наслѣдство, переданное вѣкамъ героическими трагиками, не были еще присвоены Русскою сценою. Сія добыча, достойная Озерова, ожидала его. Софокль въ Эдипѣ Царѣ имѣлъ многихъ послѣдователей; у однихъ Французовъ есть около десяти подражателей. — Эдипъ въ Колонскомъ предмѣстіи рѣже переносимъ былъ на новѣйшій театръ. Озеровъ, избравши его, основался на Софоклѣ, пользуясь и другими Французскими подражаніями: Эдипомъ и Адмета, трагедіею Дюсиса, который, не знаю почему, сливъ въ одно двѣ отдѣльныя трагедіи раздѣлилъ участіе, и оперою Эдипъ въ Колонскомъ предмѣстіи, однимъ изъ щасливѣйшихъ подражаній древнему театру. Содержаніе Эдипа извѣстно. Сія прекрасная трагедія, зрѣлое и жизни исполненное произведеніе Масшипаго старца, почитается однимъ изъ лучшихъ памятниковъ древности. Софокль, обвиняемый сыномъ въ несостояніи правилъ имѣніемъ по старости лѣтъ и упадку разсудка, прочелъ для оправданія своего передъ судьями Эдипа въ Колонскомъ предмѣстіи, окончаннаго имъ въ самое то время. Восхищенные судьи опослали со стыдомъ обвинителей и съ торжествомъ проводили Софокла до дома. Сія

трагедія, освѣтившая вечеръ славы Греческаго пѣвца, озарила утро славы нашего прагика и была зарею новаго дня на Русскомъ театрѣ. Но вѣроятно, современники наши хладнокровнѣе древнихъ въ своихъ сужденіяхъ, и едва ли голосъ клеветы для слуха ихъ не доходилъ голоса дарованія. Сравнивать подлинникъ съ подражаніемъ не должно. Древніе въ трагедіяхъ своихъ имѣють великое преимущество надъ нами. Трагедія Греческая заимствовала свою силу опъ всего, что было священо для Греческаго сердца. Слава предковъ и современныхъ гражданъ, народныя преданія и обычаи, таинства религіи, торжественныя обряды Богослуженія, были, такъ сказать, сокровищемъ Греческихъ прагиковъ. Мы можемъ постигать красоту ихъ искусства, но и постигнувъ ее, будемъ единственно холодными зрителями дѣйствія, а не участниками онаго. Смерть Эдипа, залогъ благоденствія Аѳинъ, можетъ ли производить надъ зрителями чуждыми по дѣйствію, которое имѣла она на Аѳинскомъ театрѣ? До какого же совершенства должны были достигнуть древніе прагики, чтобы внушить и намъ, отдаленнымъ опъ нихъ вѣками, а еще болѣе совершенною противоположностію понятій и чувствъ, то уваженіе, которое имѣемъ къ ихъ твореніямъ и если позволено здѣсь употребленіе, то не лзя ли сравнить Греческую трагедію, въ отношеніи къ намъ: съ прекраснымъ портретомъ Рафаэлевой кисти, копорой мы цѣнимъ по одному искусству живописи, но копорымъ прежній его обладатель дорожилъ еще болѣе по вѣрному и живому изображенію человека, близкаго его сердцу?

Вѣрнѣйшее подражаніе древнимъ прагикамъ, согласно съ правилами, копорыя они завѣщали намъ своимъ примѣромъ, было бы не подражать имъ; можно рѣшительно сказать, что они никогда не избрали бы для своихъ твореній содержанія, совершенно чуждаго народу своему и образу его мыслей. Эпопея, принадлежащая къ повѣсповоательному роду, можетъ переносить насъ подъ чуждое небо и живописать воображенію картины, копорыя шѣмъ болѣе удовлетворяютъ любопытству нашему, чѣмъ новѣе и неизвѣстнѣе онѣ для насъ. Но трагедія, копорая шворишь изъ насъ нехолодныхъ слушателей опдаленнаго повѣсповованія, а обманывая насъ, дѣлаешь созерцателями и участниками дѣйствія, не должна ли, чтобы совершенно овладѣвъ вниманіемъ души нашей, представлять намъ лица знакомыя и пробуждающія въ насъ великія и священныя воспоминанія? И придерживаясь перваго сравненія съ живописью, для лучшаго объясненія мысли моей, я уподобилъ бы Эпопею картину, изображающей глазамъ нашимъ природу, хотя и чуждую, но всегда величественную и всегда сродную намъ по общимъ отношеніямъ къ человеку, а трагедию картину семейственной, копорой живѣйшія права на сердце наше основаны на отношеніяхъ частныхъ. Обращимся къ Озерову.

Онъ, какъ благоразумный художникъ, воспитывалъ дарованіе свое въ Греческой школѣ и зналъ, что для театра нашего еще въ младенчествѣ полезны могутъ быть и правила и самыя примѣры наставниковъ, коихъ искусство возрасло до зрѣлости трудами ихъ генія и не

соспарѣлось съ вѣками. Къ тому же опнимаю-
 опъ Эдипа и все то, что, такъ сказать, пе-
 ряется для глазъ нашихъ, его несчастіе, благо-
 родная швердосць, нѣжная любовь дочери его
 имѣють еще довольно правъ на соспраданіе ду-
 ши, и повѣсть Эдипа останешся всегда бога-
 тымъ и щаспливымъ наслѣдствомъ древнихъ,
 копорымъ успѣшно могутъ пользоваться и но-
 вѣйшіе прагики. Озеровъ въ соспавленіи сво-
 ей прагедіи опступалъ и опъ Софокла и опъ по-
 дражашелей его иногда съ успѣхомъ, иногда
 и нѣтъ. Первое дѣйствіе Софокла перенесено
 имъ во второе, вѣроятно для того, что-
 бы познакомиць зришелей съ судьбою и опно-
 шеніями сыновей его къ нему и, такъ сказать,
 изложиць историческое содержаніе прагедіи:
 сія предоспорожностъ, излишняя на пеашрѣ
 Аѣинскомъ, могла показаться законною на на-
 шемъ. Характеръ Тезея обнаруживаешся ясно;
 приѣмъ Креона и опвѣщаніе на прозьбу о союзѣ
 Тезея, предспавляють благородство и справе-
 дливосць Царя, друга и благошворишеля своихъ
 подданныхъ. Красота и звучное великолѣпіе
 стиховъ замѣняеть сухосць и холодностъ пер-
 ваго дѣйствія, не опкрывающаго глазамъ глав-
 ныхъ лицъ и рѣшишельнаго содержанія праге-
 діи. Софокль при самомъ началѣ возбужда-
 етъ въ зришеляхъ соспраданіе къ несчастному
 Царю изгнаннику и уваженіе къ дочери, раздѣ-
 ляющей нищету и бѣдствіе опца. Трагедію
 Озерова можно начать со втораго дѣйствія и
 ущербъ будеть на споронѣ одного Поэта, а не
 прагика. Но за то второе дѣйствіе вполне на-
 граждаетъ за излишнее, можетъ быць, ожида-
 ніе его. Оно выдержано до конца и ознаменова-

но высокою простою, столь плънительною въ Греческихъ прагикахъ. Вѣрные и спрогіе почишатели сохраненія древней испинны могутъ съ нѣкоторою справедливостію замѣшить, что Эдипъ, привлеченный таинственною судьбою къ храму Эвменидъ, и въ пророческомъ духѣ чающій найти подъ сѣнію убѣжище и конецъ странническимъ бѣдствіямъ, не долженъ былъ впасть въ ужасное изступленіе, которымъ онъ объявъ, узнавъ ошъ дочери, что они находятся близъ храма богинь месши. Замѣшая также и то, что во все продолженіе прагедіи, Эдипъ не облеченъ покровомъ священной таинственности, которымъ онъ закрывается у Софокла ошъ взоромъ толпы, до самой смерти, такъ сказать, разгадывающей въ глазахъ земли великую загадку его жизни, обреченной небомъ на невольныя прешупленія и посшоянныя бѣдствія. Характеръ Креоновъ также не почерпнутъ изъ Греческаго источника, или по крайней мѣрѣ не имѣетъ печати, ему сродной. Злодѣи, гордящіеся своими прешупленіями и съ ошврашительнымъ чистосердечіемъ судящіе себя безприсрашно, какъ судіи посшоронніе, не находяшя ни въ природѣ, ни въ произведеніяхъ геніевъ, ей подражавшихъ; но рождающя ошъ безпечноштіи или безсилія прагиковъ, копорые, не умѣя или не желая дать себѣ труда живописатьъ разительною и швердою кистію характеръ предполагаемый, заспавляющъ его называющя именемъ, когда искусство пребуетъ, чтобы онъ ошгаданъ былъ зришелями. Сей родъ изображенія ешъ одинъ изъ главнѣйшихъ пороковъ Русской прагедіи и шоржесшвуетъ въ *Димитріи Самозванцѣ*. До сей поры онъ еще сохраняется на

нашемъ театръ. Въ первомъ явленіи претъяго дѣйсвія Эдипа, Креонъ съ излишнею искренностію сообщаетъ Нарцессу исповѣдь свою, хотя и весьма поэтическую, но приносящую болѣе чести стихотворцу, нежели прагику.

Характеръ *Полиника* начертанъ мастерскою рукою. Въ самомъ раскаяніи его прорывающіяся движенія злобы и ненависти къ брашу, и зришель въ *Полиникъ*, оплакивающимъ преступленія свои у ногъ отца, и гошоващемся жертвовать жизнію за него и сестру, угадываетъ еще мятежнаго, необузданнаго и непримиримаго брата Эпеклова. Анпигона Озерова совершенная Анпигона. Такова она у Софокла, такова и въ природѣ. Ни на одно мгновение, ни въ одномъ движеніи, ни въ одномъ словѣ не измѣняетъ себя. Пѣнишельный образецъ дочерней любви, прогашельное сочепаніе нѣжности и швердосши, чувствительности и благороднаго презрѣнія къ бѣдствіямъ; однимъ словомъ, щастливое соединеніе всѣхъ женскихъ добродѣтелей. Въ первый разъ слышали мы на сценѣ голосъ женскій. Анпигонъ не авторъ подсказываетъ, но сердце ея. Замѣшимъ здѣсь, что Озеровъ съ вернѣйшимъ успѣхомъ ловилъ сходство женскихъ лицъ; кисть его при изображеніи ихъ была разборчивѣе въ краскахъ, почнѣе въ ошпѣнкахъ и щашельнѣе въ ошдѣлкѣ. Взгляните на Анпигону, Моину, Ксенію, Гекубу и Поликсену! Каждый изъ списковъ ихъ носитъ на себѣ печать истинны и нѣкопорымъ образомъ свидѣтельствуетъ о приспращіи къ себѣ автора, такъ сказать, любовавшагося шрудомъ своимъ. Можетъ быть почерпнулъ онъ сію вѣрность изображенія въ нѣж-

номъ образованіи души своей, отражавшей съ большею живостию и ясностію женскія добродѣтели, можешь быть заимствовалъ онъ ее отъ частаго обращенія съ женщинами, очищающими какъ вкусъ нашъ, такъ и самыя чувства. Но обратимся къ Эдипу, который къ сожалѣнію переспаетъ бытъ Эдипомъ въ пятомъ актѣ. Озеровъ въ окончаніи своей трагедіи совершенно отспалъ отъ Софокла, и, такъ сказать, срываетъ съ Эдипа священную печать тайнственнаго попеченія о немъ боговъ, чудныхъ къ нему въ гоненіи и милости. Нашъ трагикъ измѣнилъ прекрасному концу Греческаго Эдипа, освященнаго передъ смертію, уже нехилаго слѣпца, имѣющаго нужду въ подпорѣ смертныхъ; но слѣпца руководимаго промысломъ боговъ и твердою спою идущаго къ могилѣ, назначенной ему отъ нихъ наградою за долгія спрдаданія и пристанищемъ послѣ жишейскихъ преволненій. Сей прекрасной кончинѣ предпочель онъ холодную смерть Креона въ угожденіе ложному правилу, проповѣданному намъ новѣйшими трагиками, что нравственная цѣль трагедіи должна быть казнь порока и поржесство добродѣтели. Но трагикъ не есть уголовный судья. Обязанность его и всякаго Писателя есть согрѣватьъ любовію къ добродѣтели и воспалять ненавистію къ пороку, а не заботиться о жребіи и приговорѣ Провидѣнія. Великіе трагики и изъ новѣйшихъ чувствовали сію истинну, и Вольперъ, поражая Зомира и щадя Магомета, не былъ ни гонителемъ добродѣтели, ни льстецомъ порока. Озеровъ, какъ сказываютъ, сперва и хотѣлъ перенести въ свою трагедію прекрасный конецъ Софокловый; но одинъ актеръ, въ школѣ Сумарокова воспитанный, испугалъ его, предсказывая,

что публика дурно приметъ конецъ, споль прошивный общимъ понятіямъ о цѣли драматическихъ твореній, и родилъ въ немъ мысль развязать свою трагедію смертію Креона. Озеровъ принялъ его совѣтъ и лишилъ себя и насъ щасливаго, можетъ быть, единственнаго случая познакомиться съ сверхъестественными окончаніями древняго театра. Такимъ образомъ вкоренѣлые предразсудки и уполномоченные представители ихъ въ обществѣ заграждаютъ произвольными мерами путь генію, еще недовольно возмужавшему, чтобы съ поспоянною смѣлостію призрѣлъ ихъ въ полетѣ своемъ. Еслииногда въ Эдипѣ Озеровъ былъ послушнымъ ученикомъ древнихъ наставниковъ: то по крайней мѣрѣ съ блистательнымъ успѣхомъ оказался онъ достойнымъ воспитанникомъ, а часто и щасливымъ соперникомъ новѣйшихъ образцовъ. Эдипъ въ Аѣинахъ будетъ занимать всегда одно изъ почешныхъ мѣстъ на новѣйшемъ театрѣ въ отношеніи къ твореніямъ современной словесности чуждыхъ народовъ, а въ отношеніи къ нашей пославилъ онъ Озерова на ряду съ величайшими нашими Поэтами, и на степень первѣйшаго нашего трагика. Въ первый разъ сія трагедія была играна на Петербургскомъ театрѣ въ 1804 году и вскорѣ послѣ того напечатана при посвященіи, писанномъ прозою къ Державину, кошорый освѣчалъ ему стихами, уже опывающимися старостію Поэта и не споящими прозы Озеровой. Публика, руководимая наешоу разъ вкусомъ, приняла новую трагедію съ живымъ удовольствіемъ. Журналы тогдашняго времени подтвердили ея одобреніе, и между Поэтами, привѣтствовавшими успѣхъ новаго

прагика, былъ и другой пѣвецъ вѣка Екашеринны — Капнистъ. Эдипъ въ Аѳинахъ представлялъ также на театрѣ Эрмишажа, и авторъ имѣлъ удовольствіе слышать отъ Государя похвалу и одобреніе своимъ трудамъ. Въ одномъ изъ современныхъ періодическихъ изданій сказано было, что нѣкопорыми любителями опечесшвенной словесности было положено собрать подписку для вышія золотой медали въ честь автора Эдипа. Мудрено ли, что сердце чувствительное, питающееся одобреніями и доверчивое къ надеждамъ, поддавалось усланительнымъ приманкамъ улыбающагося успѣха и въ безпечномъ очарованіи своимъ внимательное къ одному голосу похвалы, не замѣчало скрипнаго ропота зависти? Осторожность не плѣняется успѣхами, и проницательнымъ взглядомъ различаетъ свойства похвалъ и искренность хвалищелъ; но пламенная и простая душа предается обману и поздно узнаетъ, что слава вплетаетъ шипы въ вѣнцы, которыми надѣляетъ она своихъ любимцевъ.

Изъ благословенной Эллады, цвѣтущаго опечесшва изящнаго и искусствъ, Муза Озерова перенесла его подъ дикое и шуманное небо, прославленное однообразными, но сильными для души пѣснями — Сѣвернаго Гомера! Пѣвецъ Греческій открываетъ богатый рудникъ прагикамъ: Оссіанъ не столь щедрою рукою разсыпаетъ свои сокровища. Воображеніе Гомера богато, роскошно и разноцвѣтно, какъ вѣчная весна, царствующая на опеческихъ его поляхъ. Воображеніе Оссіана сурово, мрачно, однообразно, какъ вѣчные снѣга его родины. У него одна мысль, одно чувство: любовь къ опечесшву, и сія лю-

бовъ согрѣваетъ его въ холодномъ царствѣ зимы и
 становится обильнымъ источникомъ его вдох-
 новенія. Его герои—рашники; поприще ихъ славы
 —бранное поле; олшари—могилы храбрыхъ. Сѣвер-
 ной поэзіи прилично искасть источниковъ въ
 баснословныхъ преданіяхъ народа, имѣющаго нѣ-
 что общее съ ея народомъ, когда разборчивая
 строгость не позволяешь ей дополнишь своими
 вымыслами скудныя средства, открытыя оше-
 щественною исторіею. Сѣверный Поэтъ перено-
 сится подъ небо, сходное съ его небомъ, созер-
 цаетъ природу, сродную его природѣ, встрѣча-
 етъ въ нравахъ сыновъ ея проспошу, въ подвиг-
 ахъ ихъ мужество, копорыя раждають въ немъ
 темное, но живое чувство убѣжденія, что пред-
 ки его горѣли шѣмъ же мужествомъ, имѣли шу-
 же проспошу въ нравахъ, и что свойство сихъ
 однородныхъ дикихъ сыновъ Сѣвера оплиты бы-
 ли природою въ общемъ льдисшомъ сосудѣ. Са-
 мый языкъ нашъ представляетъ болѣе красоту
 для живописанія Сѣверной природы. Цвѣтъ поэ-
 зіи Оссіана, можетъ быть, удачнѣе обильнаго
 въ ошпѣнкахъ цвѣта поэзіи Гомеровою перене-
 сенъ на нашъ языкъ. Нѣкоторыя Русскіе перево-
 ды пѣсней Сѣвернаго Барда подтверждаютъ сіе
 мнѣніе. Но ровное и, такъ сказать, одноцвѣт-
 ное поле его поэмъ обѣщаетъ ли богатую жатву
 для трагедіи, пребующей дѣйствія сильныхъ
 страстей, непрестаннаго ихъ боренія и вели-
 кихъ послѣдствій? Не думаю. И посему-то Фин-
 галъ Озерова можетъ скорѣе почестъся велико-
 лѣпнымъ трагическимъ представлениемъ, нежели
 совершенною трагедіею. Не основываю мнѣнія
 моего на томъ, что содержаніе Фингала раздѣ-
 лено на три акта, а не на пять. Правило, ос-

нованное на предразсудкѣ, можешь и должно всегда вспрѣчать ослушниковъ въ шѣхъ, копорыхъ голосъ дарованія ихъ вызываетъ изъ толпы. Большая часть трагедій выиграли бы поперю двухъ акшовъ и почти всѣ исключительно поперю одного. Новѣйшіе, рабски слѣдуя древнимъ, приняли ихъ мѣрку, не заботясь о выкройкѣ ихъ, и забывая, что въ Греческихъ трагедіяхъ хоры всегда занимающъ большее мѣсто и раздѣляющъ съ дѣйствіемъ вниманіе зрителей. Съ другой стороны Греки не столь жадны были, какъ мы, и содержаніе ихъ пяти акшовъ едва ли спановишся у насъ на два. Въ трагедіи Фингалъ одно только трагическое лице: — Спарнъ. Сынъ его Тоскаръ убитъ былъ Фингаломъ, и всѣ чувства родительскія, нѣжная любовь къ сыну, сѣпованіе о немъ, соединились въ одно: въ желаніе мести. Фингалъ побѣдитель и убійца, Тоскара влюбленъ въ его сестру Моину, копорая опшѣчаетъ его спраши. Спарнъ скрываетъ свое негодованіе опъ дочери, не раздѣляющей ненависти его къ побѣдителю сына, и вмѣсто обѣщаннаго брачнаго торжества, хочешь принести Фингала въ жертву мести своей, на холмѣ надгробномъ Тоскара. Вотъ, одна трагическая спорона поэмы Озеровой! Онъ съ искусствомъ умѣлъ прошивопоставишь мрачному и злобному Спарну, таящему во глубинѣ печальной души преступныя надежды, взаимную и протосердечную любовь двухъ чадъ природы, искренность Моины, благородство и довѣрчивость Фингала, и сочешашъ въ одной картинѣ свѣжія краски добродѣтельной спраши, владычествующей прелестью очарованія своего въ сердцахъ невинныхъ, съ мрачными красками угрюмой и кровожаднѣй-

шей месши, и хитрость злобной спаросши съ доврчивою смѣлостію добродѣтельной молодосши. Какъ прагикъ, онъ воспользовался всѣми выгодами предметовъ избранныхъ, и чѣмъ бѣднѣе въ средствахъ, тѣмъ рѣшительнѣе и искуснѣе былъ онъ въ распоряженіи. Въ тѣсномъ кругу дѣйствія характеры Спарна, Фингала и Моины являющіяся во всѣхъ оппѣнкахъ. Какъ Поэтъ схватилъ онъ смѣлою рукою богатства Сѣверной поэзіи, и разбросанныя сокровища соединилъ въ одно цѣлое. Трагедія *Фингалъ*, поржество Сѣверной поэзіи и поржество Русскаго языка, богатаго живописью, смѣлостію и звучностію. Рѣчи Моины, упренный голосъ весны, пробуждающій сладостнымъ очарованіемъ тишину безмолвныхъ рощей; сѣшование мрачнаго Спарна, унылый голосъ осени, бесѣдующей съ ночью бурей; съ нимъ говорятъ

И вѣтровъ страшный ревъ,

И моря грозный шумъ, и толный скрипъ деревъ. Въ *Фингалъ* ничто не забыто, ни прагикомъ, ни поэтомъ. Тотъ и другой взялъ съ Оссіана полную дань. Щастливый преемникъ Озерова можетъ принявъ послѣ него за Эдипа, частію сравниваться съ нимъ, а частію и превзойти его; но едва ли дерзнетъ кто нибудь по слѣдамъ его искасть добычи въ поэмахъ Оссіана. Онъ найдетъ поле, уже пожатое и обнаженное рукою щастливою и искусною въ выборѣ. Представленіе Фингала говоритъ воображенію, сердцу и глазамъ зришелей. Тутъ все у мѣста: пѣніе Бардовъ, хоры Жрецовъ, сраженія. Всѣ сіи принадлежности, во многихъ трагедіяхъ часто излишнія, въ *Фингалъ* же нужныя, тѣсно связаны съ главнымъ содержаніемъ и, такъ сказать, идутъ не за сочинителемъ, а за дѣй-

спвующими лицами. Несправедливо будетъ сказать по нѣкоторымъ отношеніямъ, что Озерову скорѣе надлежало бы составить оперу изъ Фингала. Спарнъ, господствующее и почти дѣйствующее лице въ трагедіи, начертанъ сильными красками, и кистію рѣшительно трагическою. Въ трагедіи Спарнъ уединяется; въ оперѣ онъ совершенно отдѣлился бы отъ общей картины и разрушилъ согласіе единства. Фингаль представленъ былъ въ первый разъ на Пепербургскомъ театрѣ въ началѣ Декабря 1805 года и напечатанъ съ посвященіемъ Алексѣю Николаевичу Оленину, по словамъ сочинителя присовѣтовавшему ему

Народовѣ Сѣверныхѣ Ахилла описать.

Въ обыкновенныхъ посвященіяхъ находишся припворное уваженіе отъ лица посвящающаго и припворная ласка къ лицу покровителя. Въ двѣнадцати стихахъ Озерова есть поезія и чувство. Заслуженныя похвалы сочинителя трагедіи, по представленіи ея, не умалились отъ напечатанія. Новыя лавры вплешены были признашельноспію въ вѣнецъ сочинителя Эдипа: новые тернія готовились ему рукою зависпи. Въ 1807 году, когда взоры Россіи устремлены были на борьбу храбрыхъ сыновъ ея съ силою грознаго врага, готовившаго цѣпи рабства Европѣ, Озеровъ въ трагедіи *Димитрій Донской*, напомнилъ согражданамъ своимъ о великой эпохѣ древней славы Россіи, когда на Задонскихъ поляхъ нанесенъ былъ сильный ударъ власти Мамаю, кичливаго прошивника Русской свободы. Озеровъ возвратилъ трагедіи истинное ея достоинство: пишашъ гордость народную священными воспоминаніями и вызывашъ изъ древности подвиги великихъ героевъ, благопворишелей современни-

камъ, служащихъ образцемъ для попомства. Историческія трагедіи, или по крайней мѣрѣ трагедіи, основанныя на вымышленной повѣсти, вставленной въ историческую раму, должны всегда имѣть преимущество предъ другими. Но имѣетъ ли право трагикъ одѣвать по своему лица, заимствованныя имъ изъ исторіи, и можетъ ли удовольствоваться тѣмъ, что предлагаетъ ему исторія? Древніе позволяли себѣ воскрешать изъ мертвыхъ лица, которыя уже схоронены были ими, и измѣняя хронологической истиннѣ исторіи, смѣшанной у нихъ всегда почти съ баснословными преданіями, не менѣе уважаемыми. Мнѣ кажется, что и новѣйшіе трагики могутъ опустать отъ частной исторической истины, съ тѣмъ только, чтобы быть ей вѣрнымъ въ общемъ смыслѣ. Трагику, на примѣръ, позволено измѣняя исторіи въ подробностяхъ и по желанію своему переносить героя за двадцать лѣтъ впередъ или назадъ въ его жизни, забывающаго о семейственныхъ связяхъ его; но характеръ историческій героя долженъ быть для него святынею, до которой не можетъ онъ допрогиваться своею рукою. Трагикъ, представившій намъ пирана благошворителемъ своихъ подданныхъ, или благороднаго друга свободы рабомъ пресмыкающимся у трона, равно виновенъ передъ исторіею и передъ трагедіею. Но Озеровъ, представившій Димитрія любовникомъ Ксеніи въ день битвы Донской, когда онъ въ исторіи является уже супругомъ великой Княгини Евдокии, пользовался свободою, законною принадлежностію искусства. Щастливъ былъ бы Озеровъ, если бы довольствовался сею трагическою вольностію; но увлеченный рома-

ническимъ воображеніемъ, онъ нанесъ преступную руку на самый историческій характеръ Димитрія и унижилъ героя, чѣмъбы возвысилъ любовника. Не только въ Димитріи, но едва ли во всей опечесшвенной исторіи, найдется образецъ списка, предсшавленнаго намъ Озеровымъ. Его Димитрій и въ самыхъ благородныхъ движеніяхъ души своей и въ самомъ подвигѣ славы, напоминаетъ намъ не Великаго Князя Московскаго, но болѣе полуденнаго рыцаря среднихъ вѣковъ. Позволю себѣ и болѣе обвинить Озерова: невѣрный блюститель истинны въ изображеніи историческаго Димитрія, не избѣгаетъ онъ справедливой укоризны и за Димитрія, созданнаго его воображеніемъ. Предупреждая обвиненія судей, прагикъ влагаетъ въ уста Бренскаго, Бѣлозерскаго, Смоленскаго и самой Ксеніи, рѣшительный приговоръ осужденія поступкамъ Димитрія, законнымъ во всякое другое время, но преступнымъ въ день боя, когда опечесшво, пребуя жертвы его спраши и обиженнаго самолюбія, ожидаетъ отъ него своего освобожденія. Не унижается ли достоинство Димитрія, когда Ксенія, не менѣе его спрашная, находитъ довольно мужества въ душѣ, чѣмъбы заглушить голосъ любви, и произвольною жертвою не укоряетъ ли она его въ постыдномъ малодушіи? Кончина Бренскаго, на смерть посланнаго Димитріемъ, не есть ли ужаснѣйшая и постыжнѣйшая укоризна ему? Самый соперникъ Димитрія не испоргаетъ ли невольную дань уваженія, отказываясь отъ руки Ксеніи, и не долженъ ли признасться каждый зритель вмѣстѣ съ Димитріемъ, что онъ превзошелъ его? Между тѣмъ въ ешомъ самомъ обвиненіи не найдемъ ли мы убѣ-

дишельнѣйшаго доказательствѣ искусства пра-
тика, который будучи какъ бы въ распрѣ съ са-
мимъ собою, попеременно водить Димитрія отъ
спыда къ шоржеству, невольно привязываетъ
насъ къ его участи, и побуждая сердце на зло
разсудка, заставляя осуждать его слабости и
принимая въ нихъ живѣйшее и господствующее
участіе. Можетъ быть въ семъ случаѣ прагикъ
многимъ обязанъ Поэту. Роли Димитрія и Ксеніи
писаны съ начала до конца рукою истиннаго По-
эта. Говоритъ ли онъ о храбрости, о благородной
любви къ опечеству? Въ рѣчахъ его слышатся
звуки мужественнаго голоса Корнея. Слы-
шится ли нѣжная любовь? Трогательные звуки
чувствительной души Расина доходя до глу-
бины сердца. Великолѣпное начало трагедіи
напоминаетъ красоту первыхъ явленій *Тан-
креда* и *Брута*. Оно украшено исторически-
ми воспоминаніями, частными и мѣстными
подробностями, придающими картинѣ осо-
бенную прелесть на Русской сценѣ. Описаніе
Димитрія послу есть одинъ изъ краснорѣчивѣй-
шихъ описаній нашей поэзіи. Второе дѣйствіе,
открывающееся прекраснымъ явленіемъ Ксеніи,
полно движенія, жара, и сначала до конца не
задерживается и не останавливается ни на одно мгно-
веніе. Рассказъ въ пятомъ дѣйствіи отличенъ
необыкновенною описательною красотою и мо-
жетъ служить образцомъ въ семъ родѣ. По боль-
шой части подобные рассказы охлаждають дѣй-
ствіе и могутъ называться узаконенными ошиб-
ками новѣйшихъ трагедій; но здѣсь онъ замѣ-
няетъ дѣйствіе и имѣетъ особенную красоту,
основанную на положеніи несчастной Ксеніи (ко-
торая желаетъ узнать о жребіи бѣшвы, сопря-

женномъ съ жребіемъ Димитрія, но не смѣешь явно открывать участія, принимаемаго ею) и на тайнственності незнакомаго война, рѣшившаго побѣду. Явленіе раненнаго Димитрія прекрасно. Священныя раны его, искупившія свободу опечеснва, грозящая утрапа жизни, совершившаяся утрапа всѣхъ надеждъ души его, краснорѣчивая сила нещасія: все говоришь въ его пользу. Онъ рѣшилъ побѣды; но слава не льститъ сердцу, убившему въ живѣйшихъ чувствахъ. Димитрій побѣдилъ и нещасливецъ миритъ съ собою и прошивниковъ своихъ, оскорбленныхъ его упорствомъ, и зритель, спротивъ судьей его поступковъ необдуманныхъ. Вообще трагедія, кромѣ ея драматическаго достоинства, согрѣша какою-то поэтическою любовью къ опечеснву, которая отражается съ живописію и силою въ Русскихъ сердцахъ, и коюрой напрасно будемъ искать въ твореніяхъ Сумарокова, Княжнина и самаго Хераскова, пѣснопѣвца Россіи. Она и при началѣ своемъ имѣла разительное отношеніе къ современнымъ обстоятельствамъ; но послѣ происшествій 1812 года, копорыя нѣкоторымъ образомъ предсказаны во многихъ стихахъ *Димитрія*, еще болѣе становится на нашемъ театрѣ народною трагедіею. Здѣсь невольно сливается съ воспоминаніемъ о ней воспоминаніе и другой трагедіи, копорой Творецъ и дарованіемъ и преждевременною смертію, пресѣкшею при самомъ развѣшаніи, исполняющуюся надежду прекрасной жизни, раздѣляетъ съ Озеровымъ данъ нашихъ слезъ и уваженія. Трагедія *Пожарскій* если не изобилуетъ трагическими красотою *Димитрія*, то можетъ по крайней мѣрѣ по достоинству своему поэтиче-

скому заняты, хотя и въ нѣкоторомъ разстояніи, первое по ней мѣсто.

Новое твореніе Озерова, принятое съ восторгомъ, было послѣднею эпохою его щасія и успѣховъ. Съ горестію подходимъ къ послѣдному памятнику его дарованія, свидѣтельствующему о зрѣлости таланта прагика и о печальной истинѣ, что чувствительное сердце рѣдко уживается со славою. Частныя неудовольствія, легкія можетъ быть для другаго, но нестерпимыя для нѣжной и благородной души, удалили Озерова въ деревню. Геній оспается вѣренъ любимцу своему, забытому людьми, и покровительствуетъ гонимаго щасіемъ; но слабое сердце человѣческое живетъ и согрѣвается постороннимъ одобреніемъ: собственное для него не всегда удовлетворительно, и душа осыпается при молчаніи равнодушія. И что въ обольщеніяхъ опдаленной славы, если она не подательница настоящаго щасія? Въ тишинѣ деревни, Озеровъ кончилъ въ 1809 году трагедію *Поликсену*, которая съ удовольствіемъ принята была публикою; но сдѣлалась, какъ сказываютъ, для автора испочникомъ многихъ непріятностей, и чувствительное сердце Поэта сохранило до гроба живую память о нанесенномъ оскорбленіи. Расинъ, обогащившій Федрою своихъ современниковъ, нашелъ въ нихъ приспρασныхъ и несправедливыхъ судей; Озеровъ испыталъ почти ту же участь, написавъ *Поликсену*, совершеннѣйшее произведеніе своего дарованія, и слѣдственно лучшую трагедію нашу. Не смотря на нѣкоторыя погрѣшности въ планѣ, *Поликсена* полнѣе и совершеннѣе въ цѣломъ прежнихъ трагедій Озеро-

ва. Характеры Пирра, Агамемнона, Гекубы, Поликсены выдержаны до конца. Масперсво киспи Озерова, замѣченное прежде въ изображеніи женскихъ характеровъ, поржеспвуешъ здѣсь съ новымъ блескомъ. Я, согласно съ праведливымъ мнѣніемъ кришика, по многимъ опношеніямъ споль богатаго средспвами цѣнишь достоинсва Русской прагедіи и сличаю ея съ ея образцами, (*) почишаю лишнимъ лице Неспора, играющаго въ *Поликсенѣ* такую же бесполезную ролю, какую играетъ Князь Бѣлозерскій въ *Димитріи*; съ пою только разницею, что Озеровъ щедрѣе надѣлилъ хорошими спихами Греческаго словоохотнаго спарца. Однако же позволю себѣ сомнѣваться въ справедливости нѣкоторыхъ другихъ укоризнъ, сдѣланныхъ прагику, и осмѣлюсь оправдать его. Пирру прилично было требовать въ жертву именно Поликсену, а не Гекубу и не Кассандру, попому, что цѣна жертвы возвышалась въ глазахъ сына правомъ ея свободы. Прахъ Ахилловъ не довольспвовался бы почестію, еспьлибъ жертвою была плѣнница; а Гекуба и Кассандра, не смотря на высокое рожденіе подпали общему жребію. Одна Поликсена оспавалась въ свободѣ: она одна могла бытъ доспойною и исключительною наградою героя. Иную жертву Ахиллъ долженъ бы былъ дѣлить съ другимъ вождемъ и получить опъ него соизволенія. Надменному ли Пирру ходатайспвовать за прахъ родишеля и моить о снисходительности равнаго себѣ? Пойдемъ далѣе. Улиссъ пре-

(*) См. Кришику Поликсены, напечатанную въ *Вѣстникѣ Европы* нынѣшняго года.

буешь не награды за похищеніе Поликсены; но замѣны плѣнницы своей, освобождаемой Гекубы, копорая только послѣ объявленія ей свободы идешь въ спавку Агамемнонову, пользуясь правомъ, ей дарованнымъ. Кассандра не произвольно оплучается изъ спана Агамемнонова, но по приказанію его съ шѣмъ, чтобы упѣшишь скорбную машь: она сказываешь о томъ, и слова ея объясняють и оправдывають въ глазахъ зришеля нечаянный ея приходъ. Первыя три дѣйствія исполнены движенія и жизни. Споръ Пирра и Агамемнона предложенъ съ большимъ искусствомъ; явленіе Гекубы съ Улиссомъ сильно и краснорѣчиво; бесѣды мапери съ дочерью до вышней степени прогашельны. Четвертый актъ есть данъ принужденная, самовласшію обычая, опредѣлившаго трагедіи пять дѣйствій. Послѣдній силенъ прагическою занимашельностію. Добровольная смерть Поликсены есть щаспливая, хотя и романическая развязка, и слѣдующее за шѣмъ послѣднее явленіе, ни мало не охлаждаетъ дѣйствія, произведеннаго смертію Поликсены. Кассандра, сеспра нещаспной жершвы неисповыхъ Грековъ, въ пророческомъ изспупленіи предсказываешь имъ бѣдспвія, ожидающія ихъ, и нѣкоторымъ образомъ миришь зришелей съ жестокими богами, осудившими на плачевное спраданіе все ея семейство. Въ послѣднихъ словахъ Неспора, заключающихъ трагедію, мы слышимъ опголосокъ души Поэша. Обманувшійся во многихъ надеждахъ, разсперзанный въ живѣйшихъ чувспвахъ сердца, онъ взоромъ разочарованнымъ глядѣль на жизнь и съ удовольспвіемъ думаль о смерти, спокойномъ убѣжищѣ упомянутыхъ спранниковъ земли. Сіи спихи, послѣдніе

изъ извѣстныхъ, оставшихся по немъ, и какъ пѣснь лебедя, предсказывающая его кончину, скрывающъ шайное предчувствіе ужасной судьбы, омрачившей Западъ жизни чувствительнаго Поэта. Въ деревнѣ началъ онъ *Медею* и написалъ уже при дѣйствіи; но что съ ними сдѣлалось, не извѣстно. Сказываютъ, что въ припадкѣ унынія кинулъ онъ ихъ въ огонь. Еще были у него заготовлены два плана новыхъ трагедій: *Вельгарда Варяга мугеника при Владимирѣ*, и *Осады Дамаса*. Въ послѣдней намѣревался онъ подражать одной Англинской трагедіи. Судьба и люди не дозволили ему обогатить нашъ театръ и усовершенствовать трагическое искусство, нѣкопорымъ образомъ родившееся и умершее съ нимъ. Излишнимъ, кажется, доказывать, что ни Княжнинъ, ни Сумароковъ не были его образцами, и смѣшно напоминать, что произведенія, послѣдовавшія за его трагедіями, не имѣютъ никакого съ ними сходства. Лучшія изъ первыхъ и послѣднихъ слѣплены съ одного образца и могутъ почесаться мертвыми подражаніями Французской классической трагедіи, въ копорыхъ иногда кое-какъ сохранены узаконенныя условія, проповѣданныя драматическими пиитиками. Трагедіи Озерова занимаютъ между ими средину, и въ самыхъ погрѣшностяхъ своихъ представляютъ намъ опскупленія опъ правилъ, исполненныя жизни и носящія свой образъ. Онъ уже нѣсколько принадлежатъ къ новѣйшему драматическому роду, такъ называемому *романтическому*, копорый принятъ Нѣмцами опъ Испанцевъ и Англичанъ. Опъняя достоинство Озерова, какъ прагика, справедливостъ принуждаетъ насъ замѣтить, что прагику на

равной степени совершенства съ другими писателями должно всегда браться съ большими препятствіями для достиженія своей цѣли, а шѣмъ болѣе у насъ, гдѣ и самый языкъ, еще не смягченный употребленіемъ, столь часто упорствуетъ противъ усилій писателя. Занимающійся инымъ родомъ словесности одерживаетъ свои побѣды въ единоборствѣ. Трагикъ дѣйствуетъ противъ многочисленной силы, и если и иногда можетъ слабѣть въ частныхъ пораженіяхъ, то по крайней мѣрѣ долженъ необходимо въ цѣломъ одержать рѣшительную побѣду. Удовлетворивъ спрогому и взыскашельному вкусу публики, всегда недоброжелательной, онъ есть полководецъ, выигравшій генеральное сраженіе, противъ непріятелей, оспаривавшихъ ему каждый шагъ побѣды. Успѣхъ его, съ одной стороны пробуждающій спрданіе зависти, съ другой имѣетъ еще нужду утвердиться полнѣйшимъ одобреніемъ беспристрастныхъ и просвѣщенныхъ судей, истинныхъ цѣнителей трудностей его подвига. И такъ, какъ прагикъ, Озеровъ, неоспоримо стоить въ лѣтописи опечесственной словесности побѣдителемъ своихъ предшественниковъ и опаснымъ соперникомъ для послѣдователей. Какъ Поэтъ имѣетъ онъ преимущества, такъ сказать, ему особенно принадлежащія. Озеровъ прагикъ можетъ и долженъ служить образцемъ на театрѣ нашемъ. Какъ Поэтъ, хотя и неоспоримо утвердившійся на чредѣ первѣйшихъ нашихъ Поэтовъ, не можетъ и не долженъ онъ быть образцовымъ. Въ самыхъ красотахъ слога онъ болѣе щастливъ, нежели правиленъ. Одаривъ Русскій языкъ богатствомъ, до него еще безъизвѣстнымъ, не щадитъ онъ его во многихъ слу-

чаяхъ. Часто намекаетъ шамъ, гдѣ нужно выразишь, и останавливается шамъ, гдѣ надобно бышь быспрымъ. Часто употребляетъ онъ во зло присвоенную Русскимъ языкомъ переноску словъ, и сбиваясь въ испинномъ ихъ значеніи, довольствуется словомъ близкимъ къ настоящему. Нѣтъ въ стихахъ его той свободы, той мягкости, которая заставляетъ читателя забывать о трудѣ стихотворца, и вѣроятно въ составѣ его стиха сохранились слѣды первыхъ его учителей. Почеркъ дѣйствио измѣняется съ лѣтами, но не можетъ совершенно преобразоваться, и суровость языка временъ Княжнина глухо отзывается еще въ поэмахъ Озерова. Но за то, гдѣ говоритъ сердце, какая сила краснорѣчивая! Какая истинна и вѣрность въ звукахъ чувствительной души! Какая увлекающая прелесть въ порывахъ мечтательнаго воображенія! Какое глубокое уныніе, измѣняющее сердцу, непріученному къ жизни щастіемъ! Гдѣ болѣе найдемъ мы живыхъ красокъ въ описательномъ родѣ, какъ не въ его трагедіяхъ? Гдѣ болѣе примѣровъ искусства пользоваться подробностями и вставлять ихъ въ общую картину съ сохраненіемъ единства и припомъ съ разнообразіемъ? *Димитрій Донской* усѣянъ историческими воспоминаніями, мѣстными подробностями. *Фингалъ* есть нѣкоторымъ образомъ пантеонъ Сѣверной поэзіи; въ *Поликсенѣ* взята обильная дань съ *Иліады*, и въ епомъ смыслѣ можно, по выраженію Эсхилла, назвать ее *барельефомъ* пиршества Гомера. Съ ешой стороны Озеровъ у насъ заслуживаетъ особенное одобреніе, тѣмъ болѣе, что онъ ни въ одномъ изъ нашихъ Поэтовъ не нашелъ тому примѣра. Не всегда въ устройствѣ

цѣлой картины должно искашь свидѣтельствва о геніи живописца: часшо одна черша, непримѣтная для глазъ непросвѣщенныхъ, ошкрываетъ тайну прозорливому взгляду опышнаго наблюдателя. Не смопря на прозаическіе и жесткіе стихи, разбросанные въ его трагедіяхъ, вообще стихи его звучны и полны. Едва ли не у него должно искашь лучшихъ нашихъ Александрійскихъ стиховъ.

Изчисля заслуги Озерова, принесенныя Русскому театру, благодарностъ заспавляетъ упомянуть и о томъ, что онъ произведеніями своими образовалъ актрису, которая на нашей сценѣ, первая посшигла тайну трагическаго искусства. Если Французы обязаны были Расину за Шаммеле, безъ сомнѣнія и мы должны благодарить Озерова за Семенову. Великій трагикъ шворишь великихъ актеровъ. Озеровъ создалъ Ксенію и Моину: Семенова поняла Поэша и оживошворила чершы его воображенія.

ЭДИПЪ ВЪ АӨИНАХЪ,

Т Р А Г Е Д І Я

ВЪ ПЯТИ ДЪЙСТВІЯХЪ

въ стихахъ съ хорами.

Представлена въ первый разъ на С. Петербургскомъ
театрѣ придворными ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА актерами въ 23 день Ноября 1804
года.

Второе изданіе.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
печатано въ Типографіи Ивана Глазунова
1816 года.

STILLER & AGENT

1844

STILLER & AGENT

1844

STILLER & AGENT
1844

1844

STILLER & AGENT

1844

1844

ЭДИПЪ ВЪ АΘИНАХЪ.

Т Р А Г Е Д І Я.

Новымъ изданіемъ печатать позволено. Марша 14 дня 1816 года.

Цензоръ, *Статскій Совеѣтникъ и Кавалеръ*
Ив. Тимковскій.

Посвящая вамъ сію трагедію, не приношу моего дара
тѣмъ достоинствамъ, по коимъ возведены вы были на
высокіе степени Государственные. Министры и Прави-
тели подлежатъ сужденію Историка, который въ ти-
шинѣ и молчаніи кабинета, отважною рукою срываетъ
завѣсу опущенную на произшествія, и не утомляясь,
размѣряетъ исполинскіе шаги превосходныхъ цмвѣ, и
успѣшное ползаніе хитрыхъ и пронырливыхъ. — Наука
нравственная! подобная той математической наукѣ, о
изобрѣтеніи которой спорили Лейбницъ и Невтонъ, и
по которой изчисляются величина и теченіе отдален-
нѣйшихъ небесныхъ свѣтилъ, и частицы самаго мѣлкаго
насъкомаго; изчисленіе безпредѣльно великихъ и безпре-
дѣльно малыхъ количествъ. — Я приношу Эдипа сти-
хотворческому генію, единственному сопернику без-
смертнаго Ломоносова, но который съ пареніемъ
Пиндара согласилъ философію Горация. Вамъ, любимицу
Музъ, коего смѣлое и животворное перо представило
природу въ красотахъ и въ ужасѣ ея; изобразило, по-
добно кисти Рафаеловой, Царицу Киргисъ-Кайзацкія
орды: вамъ, коего стихотворство величественно какъ
стройность вселенной; (*) чисто, ясно и отрадно
какъ Требневскій клюкъ; шумно, быстро и чудесно какъ
водопадъ Суны; нравоучительно какъ смерть, современ-
ница міровъ: (**) вамъ, котораго лавровый вѣнецъ

(*) Въ одѣ Боев.

(**) Въ одѣ на смерть Князя Мещерскаго.

украшили Музы листками, кои остались отъ вѣнка Анакреона: валиъ наконецъ, котораго стихали имяна Пожарскаго, Минина, Долгорукова, Румянцева и переходца Алпійскихъ горъ, славнѣе Анибала, будутъ гремѣть въ поздныхъ временахъ согласіемъ Музикійскимъ. Можетъ быть сіяніе славы вашей защититъ мою трагедію отъ мрака забвенія; и для меня конетно и то будетъ служить достоинствомъ, когда потомство скажетъ, что авторъ Эдипа почиталъ Геній Державина.

ВЛАДИСЛАВЪ ОЗЕРОВЪ.

Г А В Р И Л У Р О М А Н О В И Ч У

Д Е Р Ж А В И Н У.

ТАБЛИЦА ПОСЛОВИЦЪ

ДЕРЖАВНЫХЪ

ДѢЙСТВУЮЩІЕ ЛИЦЫ.

Тезей, Царь Аѳинскій.

Эдипъ, бывшій Царь Фивскій.

Антигона, дочь его.

Полиникъ, сынъ его.

Креонъ, посланникъ Эпеекла, Царя Фивскаго.

Нарцесъ, наперсникъ Креона.

Первосвященникъ храма Евменидъ.

Вѣстникъ.

Жрецы.

Народъ Аѳинскій.

Стража Тезея.

Воины Креона.

Дѣйствіе происходитъ въ землѣ Аѳинской.

Д Ъ Й С Т В І Е П Е Р В О Е.

Театръ представляетъ поле, въпереди разбитъ царскій шатеръ, въ дали, съ одной стороны видѣнъ городъ Аѳины, съ другой храмъ Евменидъ окруженный кипарисами.

Я В Л Е Н І Е П Е Р В О Е.

Тезей выходитъ изъ шатра, народъ Аѳинскій спускается съ горы, стража царская при шатрѣ.

Х о р ъ н а р о д н ы й.

Какъ ясно солнце на восходѣ
Весной природу всю живишь,
Такъ добрый Царь въ своемъ народѣ
Сердца приходомъ веселишь.

Тезей! Аѳинянъ избавишель,
Надменность Кришскую поправъ;
Ты счастья нашего зиждишель,
Законы мудрые намъ давъ.

Хранише Боги дни Тезея;
Продлише дни счастливы намъ!
Подобной властью вамъ владѣя,
Онъ въ благоспѣ подобенъ вамъ.

Т е з е й.

О славный мой народъ, сыны мои любезны!
Когда для васъ могли мои быть дни полезны,

Я счастливъ: и сей гласъ отъ искренныхъ сердець
 Лестнѣе для меня чемъ скипетръ и вѣнецъ.
 Но благодарственны вы гласы прекрашите;
 Сей день на таинства велики посвятите.
 Въ просиранномъ полѣ семъ, подъ градскою стѣной,
 При восходѣ солнечномъ вы созванные мной,
 Чтобъ шествовать во храмъ, гдѣ скорбь людей гонимыхъ
 Воздвигла жертвенникъ Богинь неумолимыхъ.
 Уже въ минувшу ночь подземный громъ гремѣлъ,
 Мой царскій прясся домъ, во Храмъ огонь пускилъ;
 Какъ будто Фуріи, къ Аѳинянамъ суровы,
 Желали чтобы мы несли имъ жертвы новы.
 Безвѣстнымъ мщеніемъ ихъ черна грудь кипитъ.
 Отъ сюду храма ихъ является намъ видъ,
 Пойдемъ мои сыны, пустьъ жертвоприношенья
 Приявъ, смягчающа къ намъ сіи Богини мщенья.

(Тезей хочетъ идти.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Прежніе, Въспникъ.

В ѣ с т н и к ъ.

Желаетъ предъ тебя введеннымъ бытъ Креонъ;
 Отъ Ѳивскаго Царя посломъ явился онъ.
 Что повелишь?

Т е з е й.

Креонъ? кѣмъ нынѣ горды Ѳивы
 Приближились къ концу, и спали несчастливы;
 Сей Этеокловъ другъ, сей родственникъ Царей,
 Которыхъ ввергъ въ бѣды онъ хитростью своей.
 Что хочешь отъ Аѳинъ? что хочешь отъ Тезея?
 Посольство щещное, коль зрю въ послѣ злодѣя.

(Къ народу.)

Къ свершенію мольбы народъ иди во храмъ.

(Вѣстнику.)

Посланникъ Фивскій пусть сюда предстанетъ къ намъ.

Я В Л Е Н І Е Т Р Е Т І Е.

Тезей, Спража.

Т е з е й.

О Боги, сколько вы во ярости ужасны!

Царей ли гоните, и царствія несчастны.

Эдипъ! ты гнѣвъ несешь, и весь твой спраждешь родъ,

Колеблемъ Кадмовъ градъ, въ немъ спонетъ твой народъ,

И Эпееклъ твой сынъ на зыбкомъ сидя проиѣ,

Злой лестью уловленъ, мнишь друга зрѣшь въ Креонѣ.

Я В Л Е Н І Е Ч Е Т В Е Р Т О Е.

Тезей, Креонъ, Нарцесъ, спража Тезея,
воины Креона.

Креонъ.

Аѳинянъ счастливыхъ, о храбрый Царь, Тезей!

Благополучнѣйшимъ день въ жизни чшу моей,

Въ который зрѣшь возмогъ полъ славнаго Героя:

Въ законахъ крошкаго, великаго средь боя,

Чьей громкой славою уже давно полна

Премудрой Греціи обширная спрана;

И чьи дѣянія позднѣйшіе потомки

Т е з е й.

Оставимъ лесть, Креонъ, слова оставимъ громки.

Въ устахъ вельможи лесть, есть скрышная вражда:

Осправа здѣсь ея должна намъ быть чужда.
Возсядь, и важную повѣдай мнѣ причину
Посланья швоего.

К р е о н ъ.

Несчастливу судьбину

Попомства Кадмова ты знаешь государь.
Эдипъ, Лаиевъ сынъ, послѣдній Фивскій Царь,
Рожденъ на бѣдство Боговъ опредѣленьемъ,
Вселенну ужаснулъ невольнымъ преступленьемъ.
Родителей не зная, онъ яростной рукой
Во грудь отца вонзилъ мечъ незаконный свой,
И обогрелъ еще сей драгоценной кровью,
Онъ съ матерью своею спрягаясь любовью,
Союзъ свой совершилъ у брачныхъ олшарей.

Т е з е й.

Кто добродѣтели не измѣнялъ своей
Среди случайности невольна преступленья,
Тотъ большаго опъ насъ достойнъ сожалѣнья.
Безъ ропота къ Богамъ, Эдипъ ихъ чпъ законъ,
Лишилъ себя очей, оставилъ Фивскій тронъ,
И предалъ дни свои спенанью и печали.
Но кто бы мыслишь могъ чпобъ ближніе смущали
И то уныніе несчастнаго слѣпца;
Чпъ бы престола блескъ, прельщеніе вѣнца,
Могли въ душахъ пресѣчь родство и состраданье,
И наконецъ Эдипъ чпъ бы позналъ изгнанье.

К р е о н ъ.

Злосердный Полиникъ родителей изгналъ.

Т е з е й.

Другъ ложный топъ совѣшъ ему коварный далъ.

К р е о н ъ.

Совѣшамъ внемлетъ ли духъ пылкій на престолѣ?
 Онъ мыслилъ дни весши спрасшей своихъ по волѣ,
 Всѣхъ выше смертныхъ спавъ, мнилъ равенъ бытъ Богамъ.
 Эдишъ оставя скиптръ, вручилъ его сынамъ;
 И въ Фивахъ испросивъ согласіе народно,
 Велѣлъ надъ той страной имъ царствовать погодно.
 Но вскорѣ Полиникъ по жребію приявъ
 Годичну первый власть, явилъ развратный нравъ;
 Вкусивъ величія смертельныя отравы,
 Онъ добродѣтели пуши оставилъ правы;
 И своеправіе вмѣня себѣ въ законъ,
 Спраснямъ своимъ не зналъ ни мѣры, ни препонъ.
 Какіе дни, увы! какіе дни плачевны
 На Кадмовъ древній градъ послали Боги гнѣвны!
 Народъ въ домахъ спеналъ, во храмахъ слезы лилъ,
 Ропшалъ на торжищахъ, и предъ дворцемъ вопилъ.
 Но Царь ожесточась, и презря гласъ природы,
 Изгналъ изъ Фивъ отца, чѣмъ бурны не погоды
 И солнца лѣшній зной, могли бы на конецъ
 Къ землѣ склонить главу носившую вѣнецъ.
 Эдипъ изъ справъ въ страну гонимъ своей судьбиной,
 Имѣетъ нѣжду дочь опорой единой.

Т е з е й.

Но Полиниковъ братъ, но Эпеклъ, Креонъ,
 Какъ могъ природы зрѣть нарушеннымъ законъ?

К р е о н ъ.

Преемникъ бывъ Царя, въ своей высокой долѣ
 Онъ долженъ былъ спрадать, и рабствовать всѣхъ болѣ.
 И Полиникъ своей въ немъ власти зря предѣлъ,
 Пуши ему закрылъ къ престолу восхождѣлъ.

Онъ брашу своему гошовилъ започенье,
 Но тѣмъ народное свершилъ ожеспоченье.
 Лишь только царствія несчастный минулъ годъ,
 То Эшеокла весь Царемъ призналъ народъ;
 Вѣнчалъ короною, и власть вручивъ державну,
 Тѣмъ Полиникову власть кончилъ своенравну.
 Опять спокойные намъ возсіяли дни.
 Но чѣобы не могли нарушишься они,
 Народъ любя Царя, опредѣлилъ закономъ,
 Чѣобъ Эшеоклъ по смерть владѣлъ единый трономъ.
 Воище препяшествовалъ его кичливый брашъ,
 Законъ прияли всѣ, и онъ оставилъ градъ
 Во гнѣвѣ, въ ярости, кленясь отмести обиду.

Т е з е й.

Во изысканіе я испинны не вниду,
 Креонъ, и кпо изъ нихъ виновенъ или правъ.
 Бышь можешъ Эшеоклъ, иль Поликовъ нравъ
 Причиной Оивскихъ бѣдъ, и сей несчастной ссоры,
 Иль кпо иный межъ нихъ тѣ произвелъ раздоры.
 Увѣнчаннымъ главамъ межъ смертныхъ нѣшъ судей;
 Богамъ оставлено судить, карашъ Царей.
 Ты Полиника здѣсь, Креонъ, виной считаешъ,
 Гонишелемъ опца, пираномъ называешъ,
 Онъ брашу своему тѣ имяна даетъ.
 Союзникамъ, друзьямъ, всей Греціи речешъ:
 „Когда изгнавъ опца, явилъ я люшость свѣшу,
 „Послѣдовалъ тогда я брашнему совѣшу,
 „Совѣшу всѣхъ вельможъ, Креона самаго.
 „Теперь весь градъ кланешъ годъ царства моего,
 „Но Эшеоклъ въ вѣнцѣ, а я въ несчастной долѣ;
 „Пушъ онъ оставишъ тронъ, пушъ сяду на престолъ,
 „Тираномъ будешъ онъ, я подданнымъ ошецъ.
 „Злосчастью клеветникъ, а власти спушникъ льсшецъ.“
 Въ Аргосѣ рѣчь сію я слышалъ Полиника.

К р е о н ъ.

Какъ скорбна часть его, такъ злость его велика.
 Аргосъ и Грецію наполнилъ онъ клеветъ,
 Противъ опечесства весь мнѣшъ возставишъ свѣшъ;
 И хитроспи своей плоды уже собираешъ:
 Различныя страны на насъ вооружаешъ.
 Въ Аргосѣ въ бракъ вступивъ со дочерію Царя,
 Къ осадѣ Оивъ спѣшишъ отъ брачна олшаря.
 Съ нимъ войски и вожди Аргоса и Мисены;
 Съ нимъ весь Пелопонезъ идешъ на наши спѣны.
 Несушъ намъ пламенникъ, несушъ убивсства мечъ,
 Чѣмъ испребишъ гражданъ, и дома ихъ пожечъ.
 Но мы не рождены спокойно несѣ оковы;
 И прежде умереть граждане всѣ гошovy,
 Иль лучше погребстисъ подъ нашею спѣной,
 Чѣмъ Полиника зрѣшъ владыкой надъ собой.
 Въ сихъ бѣдсствахъ Эпeокль къ Аѣинамъ прибѣгаешъ;
 Союзы древніе Тезею воспоминаешъ.
 Изъ края общаго пріѣли мы Царей;
 Цекропсъ и Кадмъ (*) преплывъ пространну хлябъ морей,
 Отъ Финикійскихъ странъ намъ принесли законы,
 И Оивы отъ себя своей ждущъ обороны.
 Защитникъ буди ихъ, спаситель будь Царя.

(*) Что Кадмъ родомъ изъ Финикіи, въ томъ всѣ Историки
 согласны; но нѣкоторые писатели выводяшъ Цекропса
 изъ Египта, другіе же ушверждають, что и онъ выѣхалъ
 изъ Финикіи. Сіе мнѣніе вѣроянѣе, ибо Финикіѣне были
 первые мореходцы, и первые, въ опдаленныхъ отъ своего
 опечесства краяхъ, заводили селенія и города. Ученый
 господинъ Повъ въ извѣстномъ сочиненіи: (Recherches
 philosophiques sur les Egyptiens et les Chinois) доказываешъ
 неоспоримо, что Египтяне по недосшатку въ лѣсѣ не
 могли бытъ мореходцами, и посылашъ въ опдаленные
 краи своихъ поселенцовъ.

Тезей.

За предложеніе Фивянъ благодаря,
 Всю цѣну чувствую мнѣ почести толикой.
 Но я не для того поставленъ здѣсь владыкой,
 Чтوبъ жизнью жертвовать мнѣ подданныхъ своихъ,
 Чтобъ кровь ихъ проливать къ защитѣ царствъ чужихъ.
 Для славы суешной, мечшательной и лживой,
 Не обнажу меча къ войнѣ несправедливой!
 Во браняхъ мой народъ помился много лѣтъ.
 О подвигахъ его еще вѣщаетъ свѣтъ:
 Сраженный Минопавръ живъ въ памяти у Грековъ.
 Едва Аѣиняне свободны отъ упрековъ
 За дань, возимую во Крипскую страну,
 И новую, Креонъ, я предприиму войну?
 Нѣтъ, нѣтъ; надѣяться того не должны Фивы.
 Лавръ трону есть краса, но мирныя Оливы
 Сѣнь благошворная для общества всего.

Креонъ.

Чтуду истинну, Тезей, отвѣща твоего.
 Причисливъ Греція тебя во сонмъ Героевъ,
 Свѣтъ цѣлый мыслить могъ что ты желаешь боевъ,
 Что Лавровъ ищешь ты, скучаешь тишиной,
 И славу побѣждаешь, чпишь славою одной.
 Такъ чувствовать бы могъ Герой обыкновенной.
 Но Фивы о тебѣ не мыслятъ со вселенной,
 Твой превосходишь духъ Героевъ шаковыхъ.
 Въ наставшихъ случаяхъ для насъ толико злыхъ,
 Не пользу собственну Царь Фивскій уважаетъ,
 Когда въ союзъ вступишь Аѣинамъ предлагаешь.
 Но пользы общія насъ съединить должны.
 Не Полиникъ, повѣрь, есть цѣлю войны.
 Что нужды въ томъ Царямъ прошиву насъ возставшимъ,
 Его ли братъ, иль онъ, владыкой будетъ нашимъ.

Соединенію предлогомъ Полиникъ,
 Чпобъ замысль гордый ихъ ни кто здѣсь не проникъ.
 Но замысль скрыпный сей, коварный, хипрый, смѣлой,
 Свершась, для Греціи опасенъ будетъ цѣлой.
 Прошивъ союзниковъ различныя спраны
 Въ неосторожности пребывъ раздѣлены,
 Удобно ихъ рукой бытъ могутъ побѣжденны.
 Сего дня Фивъ падушъ разрушенныя спѣны;
 Но завтра часпи сей должны Аѣины ждашь.
 Благоразуміе сей замысль упреждашь.

Тезей.

Боязни за меня твои Креонъ напрасны,
 Намъ замыслы Царей союзныхъ не опасны;
 Насъ побѣдишь имъ мысль мечтаться не могла.

Креонъ.

Но что удержишь ихъ, Тезей?

Тезей.

Мои дѣла.

Креонъ.

Весь свѣтъ дивился имъ, они конечно славны;
 Они же возродяшъ и замыслы щеславны,
 Чпобъ безъ союзниковъ

Тезей.

Мой мечъ союзникъ мнѣ,

И подданныхъ любовь къ опеческой спранѣ.
 Гдѣ на законахъ власть Царей установленна,
 Сразить то общество не можешъ и вселенна.

(Встаетъ.)

Во храмѣ Евменидъ собрался мой народъ,
 Иди со мной шуда, чпобъ видѣшь мой оплошъ;

Услыши гласъ его, узри любовь къ Тезею,
И въ Оивахъ возвѣспи что устояшь я смѣю
Противу силъ земли, средь сонма чадъ моихъ.

К р е о н ъ.

Безмолвенъ, государь, прошивъ рѣчей швоихъ:
Иду участвовашь въ швоей высокой чести.

(Въ сторону.)

И можешъ бышь найду удобный случай къ мести.

К о н е ц ъ п е р в а г о д ѣ й с т в і я.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

*Театръ представляетъ киларисную рощу, въ
сторонѣ храмъ Евменидѣ.*

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Эдипъ, Антигона.

Э д и п ъ.

Постой, дочь нѣжная пресупнаго отца!
Опора слабая несчастнаго слѣпца!
Печаль и бѣдствія всѣхъ силъ меня лишили.

А н т и г о н а.

Здѣсь камень, вижу я; надъ нимъ древа склонили
Густую сѣнь свою, ты отдохни на немъ.

Э д и п ъ.

(Сѣвши на камень.)

Спокойно. — Я мой вѣкъ на камень кончу семъ.

А н т и г о н а.

Ужасною тоской твои всѣ мысли полны.

Э д и п ъ.

Видала на берегу, когда извергнушь волны
Отъ грозныхъ бурь морскихъ обломки корабля?

А н т и г о н а.

Видала. — Но по что?

Э д и п ъ.

Вотъ жизнь теперь моя.

Антигона.

Какимъ мечпаніемъ смущаешь духъ унылой!

Эдипъ.

Ахъ! я Эдипъ.

Антигона.

Увы! ты съ большей прежде силой
Несправедливый гнѣвъ судьбы своей сносилъ.

Эдипъ.

Печальну жизнь влачипъ недоспаешъ мнѣ силъ.
Слѣпецъ, чѣмъ слезы лишь остались мнѣ очи;
Дни ясны для меня подобны мрачной ночи.
Нѣтъ; ни когда уже мой не увидишь взоръ
Ни красоты долинъ; ни возвышенныхъ горъ;
Ни по веснѣ лѣсовъ зеленая одежды;
Ни съ жашвою полей, орапелей надежды;
Ни мужа крошкого прищипнаго чела,
Котораго Боговъ рука произвела;
Сокрылись отъ меня всѣ прелести природы.
При имени моемъ всѣ возстаютъ народы;
Какъ язва любая отъ всюду я гонимъ.

Антигона.

Мы здѣсь убѣжище найдемъ бѣдамъ своимъ.

Эдипъ.

Съ какой жестокостью меня сыны изгнали!

Антигона.

По что возобновляешь прошедшія печали?

Э д и п ъ.

Я ихъ любилъ.

А н т и г о н а.

Увы! забудь, забудь о нихъ.

И' воспоминаемъ ранъ не разсправай своихъ.

Э д и п ъ.

Предвижу ихъ бѣды. — Тщеславїя развратомъ
Влекомый Полиникъ не будетъ въ мирѣ съ братомъ.
На злоспѣ, на пагубу дѣшей извелъ я въ свѣшъ.

А н т и г о н а.

Уже ли предъ побой и я виновна?

Э д и п ъ.

Нѣшъ;

Ты ушѣшенъ мнѣ, любезна Антигона;
Прошивъ гоненїя одна мнѣ оборона,
Одна соупшница моей ты нищеты.
Для спранника, меня, забыла счастье ты,
Санъ свѣшлый, дворъ Царевъ, и юности забавы:
Одно намъ рубище отъ всей оспалось славы.

А н т и г о н а.

Ахъ! не жалѣю я о пышной славѣ той;
Горжусь симъ рубищемъ, моею нищетою,
Предпочишаю ихъ сіянію короны.
Опорой бышъ швоей, вопшъ счастье Антигоны,
Вопшъ шило славное превыше шиловъ всѣхъ;
Спокойствіе швое дороже мнѣ ушѣхъ.
Увы! родишель мой, гонимъ людьми, судьбою,
Безъ помощи моей чшобъ сдѣлалось съ шобою?
Ты древнюю главу къ кому бы преклонилъ?
На чью, на чью бы грудь ты слезы уронилъ?

Прохлады въ жаркой день въ моей ты ищешь тѣни.
 Я сяду, ты главу мнѣ склонишь на колѣни;
 Среди густыхъ лѣсовъ, въ жестокость бурныхъ зимъ,
 Ты согрѣваемъ мной, дыханіемъ моимъ.
 Ахъ! свѣтъ забывшій насъ, взаимно мы забудемъ,
 И утѣшеніемъ одинъ другому будемъ.
 Ко мнѣ ты проливай свою сердечну боль,
 Но мнѣ защиною твоею бытъ дозволю.
 Не позавидую въ моей тогда я долѣ,
 И братьевъ участи сѣдящихъ на престолахъ.

Э д и п ъ.

Награда сладостна толико скорбныхъ лѣтъ,
 О радость полная моихъ превыше бѣдъ!
 Приди, о дочь моя, приди мое рожденье,
 Да будешь надъ тобой Боговъ благословенье!
 Живой опрадою наполнила мнѣ грудь.
 Любви къ родителю въ примѣръ попомощву будь;
 О имени твоемъ повѣдають народы,
 И похвала твоя преидетъ изъ рода въ роды.
 Но ахъ, печальна мысль! сближается шомъ срокъ,
 Когда расстаться намъ судилъ жестокий рокъ.

А н т и г о н а.

Еще ты жизнь веспи возможешь многи годы.

Э д и п ъ.

Нѣтъ, нѣтъ, не льспись; пора исполнишь кругъ природы.
 Родился челоуѣкъ лѣтъ нѣсколько поцвѣсть,
 Потомъ скорбѣть, дряхлеть, и смерти дань опнесъ.
 Одинъ шедъ малый путь, другій прошедъ по долѣ,
 Въ гробу покоются сномъ крѣпкимъ въ равной долѣ.
 Но ты, о дочь моя, печаль свою умѣрь;
 Смерть къ свѣтлой вѣчности намъ опверзаетъ дверь.
 Гдѣ мы?

А н т и г о н а.

Въ долину мы: окрестъ пустынные виды,
И близко межъ деревьевъ храмъ видѣнь Евмениды.

Э д и п ъ.

Храмъ Евменидъ? увы! я вижу ихъ; онѣ
Спремятся въ ярости, съ опмщеніемъ ко мнѣ;
Въ рукахъ змѣи шипящъ, ихъ очи разпаленны,
И за собой ведутъ всѣ ужасы геенны.

А н т и г о н а.

Въ забвеніе страшное ума впадаетъ онъ.

Э д и п ъ.

Гора несчастная, ужасный Киберонъ!
Ты, первыхъ дней моихъ пустынная обитель,
Куда на спрашну смерть меня извергъ родителъ,
Скажи: пещеръ своихъ во мрачной глубинѣ
Скрывалась ты когда звѣрей подобныхъ мнѣ?

А н т и г о н а.

(упадая на колѣни.)

Спокойте мысль его, о вы могущи Боги!

Э д и п ъ.

О сколько фурій терзашъ меня вы спроги!
Не выль на семъ пуши мой обнажили мечъ,
Чтобъ жизнь родителя моей рукой пресѣчь?
Вотъ храмъ, гдѣ съ матерью меня вы сочешали;
Изъ вашихъ змѣй вѣнцы намъ брачные сплели;
Тамъ не былъ Гименей, Мегера тамъ была,
И смрадный пламенникъ съ усмѣшкою зажгла.

Вы люшоспи свои, о фуріи, смягчите;
Иль жизнь Эдипову скорѣе прекратите.

(упадаетъ на камень.)

А н т и г о н а.

Отъ мыслей удали толь страшныя мечты.

Э д и п ъ.

(не вставая и отталкивая ее.)

Оставь, о Полиникъ! меня оприся ты;
Бѣги, и не смущай моей минушны слезной.

А н т и г о н а.

Ужель не узнаешь и дочери любезной?

Увы! родишель мой, познай хощя мой гласъ.

Нѣтъ Полиника здѣсь, весь міръ оставилъ насъ;

Одна я швоему свидѣтельница спону.

Неопревай, молю, усердну Антигону.

Э д и п ъ.

(пришедъ въ себя.)

Гласъ сладостный! о дочь! такъ ты одна при мнѣ?

Увы! я здѣсь мечпалъ какъ бы въ ужасномъ снѣ.

Представилась мнѣ машь, родишель, Евмениды,

Неблагодарныхъ чадъ прошивные мнѣ виды,

И все сцѣпленіе несносныхъ бѣдъ моихъ.

Сказала ты, что храмъ въ мѣстахъ воздвигнушъ сихъ,

Пойдемъ: *(встаетъ.)* поищемъ въ немъ конца бѣдамъ ужаснымъ.

Едины олтари прибѣжище несчастнымъ.

*(Съ приближеніемъ Эдипа ко храму
двери онаго разстворяются и
народъ стремительно изъ храма
выходитъ.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Эдипъ, Антигона, народъ Аѳинскій.

Хоръ народа.

О страхъ! поколебался храмъ;
Богини мески раздраженны,
Предъ ними въ олшаръ возженный
Престалъ куриться еиміамъ.

Эдипъ.

(остановясь.)

Храмъ содрагается опъ моего прихода!

Антигона.

Скрой имя твое, родишель, опъ народа.

1. Аѳинянинъ.

Я вижу спранниковъ: одинъ согбенъ опъ лѣтъ,
Другая младости являетъ взору цвѣтъ;
Иль ихъ пришествіе Богинь здѣсь раздражаетъ?

Антигона.

Какая пагуба намъ нова угрожаетъ!

2. Аѳинянинъ.

Разспросимъ ихъ. — Вѣщай, убогій человѣкъ,
Опъ куда родомъ ты, и кто она?

Эдипъ.

Я Грекъ;

Она . . . она мнѣ дочь.

1. Аѳинянинъ.

Изъ Греческихъ спранъ многихъ.

Твоя опчизна гдѣ?

Эдипъ.

Опчизною убогихъ

Спрана, гдѣ найдутся чувствительны сердца.

2. *Аѳинянинъ.*

А имя?

Эдипъ.

Ахъ! почто вамъ имя знашь слѣнца?

Изъ памяти моей его желалъ бы смерши.

1. *Аѳинянинъ.*

Но спрашникъ въ сихъ мѣстахъ чего ты ищешь?

Эдипъ.

Смерши.

3. *Аѳинянинъ.*

Кто былъ родишель твой?

Эдипъ.

Родишель мой погибъ.

2. *Аѳинянинъ.*

О таинственный мужъ! кто ты? вѣщай.

Эдипъ.

Эдипъ.

Хоръ народа.

Эдипъ, увы! какой бѣдою

Грозилъ тебѣ небеса на здѣшнюю спрану?

Сей беззаконникъ за собою

Влачилъ иль гладъ, иль моръ, иль алчную войну.

2. *Аѳинянинъ.*

Богинь сея спраны не раздражайте болѣ:

Бѣгите вы опъ сѣль.

Эдипъ.

Въ моей плачевной долѣ

Куда я уклонюсь!

Антигона.

Внемли, народъ, внемли

Его стenaniю.

1. *Аѳинянинъ.*

Нѣтъ, нѣтъ, изъ сей земли
Изыдите скорѣй.

Антигона.

Чѣмъ винны мы предъ вами?

1. *Аѳинянинъ.*

Онъ воздухъ заразить здѣсь можетъ между нами.
Омцеубійца онъ.

2. *Аѳинянинъ.*

Онъ машери супругъ.

1. *Аѳинянинъ.*

Своимъ онъ дѣшамъ брашъ.

3. *Аѳинянинъ.*

Надъ сей главою вдругъ

Соединились всѣ злодѣйствія ужасны.

Мы не хотимъ его несчасьямъ быть причастны:

Онъ изгнанъ отъ людей, онъ проклятъ отъ Боговъ.

Эдипъ.

(къ *Антигонѣ.*)

Пойдемъ. — Смущаюся отъ ихъ правдивыхъ словъ,

Пойдемъ, доколь иппи моей доспанешъ силы.

Ужели не найду ни гдѣ себѣ могилы?

3. *Аѳинянинъ.*

Ты ожидай ее отъ хищности звѣрей.

1. *Аѳинянинъ.*

Граждане, вошъ и самъ идешъ сюда Тезей.

Антигона.

О щедры небеса! ты ободрись родишель;

Тезей Герой, и намъ онъ будетъ покровишель.

Я В Л Е Н І Е Т Р Е Т І Е.

Прежніе, Тезей, Креонъ, Нарцесъ, стража
Тезея.

А н т и г о н а.

Яви, о государь! скорбящему покровъ!
Родишель мой, къ кому рокъ былъ всегда суровъ,
Копораго вездѣ людская гонитъ злоба,
Пришелъ сюда проситъ убѣжища и гроба;
Спрадальца привела въ Аѳины я съ собой.
Но въ гнѣвъ швой народъ соединясь съ судьбой,
Оставивъ намъ великъ владѣнія Тезея.
Онъ слѣпъ, а я слаба, защиты не имѣя,
Куда преклонимся? враждуетъ цѣлый свѣтъ.

Т е з е й.

О дѣва юная! среди цвѣтущихъ лѣтъ,
Ужель ты можешь быть преслѣдована рокомъ?
Но гдѣ родишель швой?

А н т и г о н а.

Въ опчаяннѣ жестокомъ
Безмолвнаго въ сей часъ ты видишь здѣсь его.

І. *А ѳ и н я н и н ъ.*

(къ Тезею, который подходитъ
къ Эдипу.)

Не преклоняй, о Царь, къ нимъ слуха своего;
Сей странникъ есть Эдипъ.

К р е о н ъ.

Эдипъ!

Т е з е й.

Что слышу? Боги!

Ему конечно къ намъ отверзли вы дороги,
 Что бы по бѣдствіяхъ Тезеевой рукой
 Изгнанному Царю дарованъ былъ покой;
 Чѣмъ призрѣлъ жершву здѣсь въ немъ вашего я гнѣва.
 Приди почтенный мужъ, приди младая дѣва,
 О славная чета, придите въ мой чертогъ
 Вкушайте спокойствіе опъ многихъ шоль превогъ.
 Какъ храмъ священнѣйшій шотъ царскій домъ прославленъ,
 Который спраждущимъ къ убѣжищу пославленъ.

Э д и п ъ.

Такъ для пресупнаго и скорбнаго слѣпца,
 Не всѣ закрылися ко жалости сердца.
 Изъ края долго въ край влачивъ мое изгнанье,
 Уже ли на конецъ нашелъ я сосраданье?
 Но ахъ, Тезей! всегда злощасіемъ ведомъ,
 Себѣ убѣжищемъ швой не приемлю домъ.
 Мнѣ бѣдствія, увы! сопупспвуютъ премноги:
 Съ собою ихъ могу пренести въ швой чертоги.
 Пещера мрачная одна прилична мнѣ;
 Ее одну пришелъ искашь въ швоей спранѣ,
 Ее одну въ горахъ искалъ я многи годы,
 Но тщешно: опъ всѣхъ спранъ возставшіе народы,
 Звѣрей и хищныхъ шпицъ не шрогая покой,
 Эдина гнали съ горъ насильшвенной рукой.
 Близъ града швоего дозвошь въ уединеньи
 Сокрышь мою печаль, бѣды и пресупленьи,
 До шоль, какъ земля намъ щедрая всѣмъ машъ,
 Благоволишь меня въ исплѣніе приняшь.

Т е з е й.

За пресупленіе ужасно, но невольно,
 Мученія Эдипъ шы прешерцѣлъ довольно;

Ты добродѣтели несчастный намъ примѣръ.
 Не сокрывай ее во мрачности пещеръ;
 Украси ея градъ, укрась мои чертоги.
 Повѣрь, бессмертные ко мнѣ не будутъ спроги,
 За то пристанище, которое Тезей
 Доставишь нищету и дряхлости твоей.

Э д и п ъ.

Иль государь побой забвенны спали Оивы?

Т е з е й.

Иль Боги могутъ быть когда несправедливы?
 Нѣтъ, нѣтъ; умалишься ихъ правда не могла:
 Взираюшъ съ благоспью на добрые дѣла.

Э д и п ъ.

Ахъ вспомни что Эдипъ бессмертными оставленъ.

Т е з е й.

Я знаю что Эдипъ спрадаљчествомъ прославленъ.
 Преступникъ, но почтенъ, въ убожествѣ великъ,
 И что принявъ его великъ мнѣ долгъ владыкъ.
 Склонися древній мужъ, къ Тезееву прошенью;
 Остатокъ дней своихъ предай успокоенью,
 Хотя изъ жалости ко дочери твоей.
 Въ пещерѣль воздыхашъ съ побою должно ей?
 Или ты можешь быть толико къ ней суровымъ,
 Что бы опасностямъ ее подвергнушь новымъ?

А н т и г о н а.

Я не спашусь терпѣшь презрѣнну нищету:
 Съ опцемъ пещеры мракъ чертогу предпочту,
 Всѣмъ бѣдствамъ, за него, охотно подвергаюсь.

Э д и п ъ.

О нѣжна дочь! твоей любовью убѣждаюсь.
 Нѣтъ, нѣтъ, ты не должна за стыдъ, за мой позоръ

Увянушь въ младости, въ пустынь среди горъ ;
Чтобъ свѣту быть красой ты послана на землю.

(Къ Тезею.)

Великодушный Царь ! я твой покровъ приемлю,
Убѣжищемъ для насъ приемлю твой дворецъ.
Пусть тамъ, когда придетъ тоски моей конецъ,
Когда мнѣ къ вѣчности отверсѣны будутъ двери,
Зрѣшь приспанъ буду я спокойную для дщери.
Моя же приспанъ, гробъ : тамъ волею небесъ
Назначено преспанъ моимъ попокамъ слезъ.

Т е з е й.

Смягчишь небесный гнѣвъ Эдипа добродѣтель.

(Къ Креону.)

А ты, сей встрѣчи здѣсь печальный свидѣтель !
Какъ возвратишься ты въ отечество твое,
Скажи тѣмъ крѣпко здѣсь владычество мое.
Изгнаніемъ Царей несчастны спали Фивы ;
Но царства тверды тѣ, которы справедливы.
Вотъ мой отвѣтъ Креонъ.

Э д и п ъ.

Креонъ въ твоей странѣ ?

Онъ здѣсь ? увы ! скажи, вѣщай о дѣлахъ мнѣ :
Въ отечествѣ ль они ? на царскомъ ли престолѣ ?
Ахъ ! нѣтъ, не говори, не дѣши суль мнѣ болѣ,
Не дѣши, изверги ; и яростью Боговъ
Въ нихъ породилъ себѣ свирѣпѣйшихъ враговъ.
О Боги сильные ! властители природы,
Которыми падаютъ и возспаютъ народы :
Предъ вами вѣки мигъ, вселенная черта,
И смертный на земли какъ слабая мечта ;
Избравшіе меня терпѣнія къ примѣру !
Какъ гнѣва вашего исполните вы мѣру,
Какъ часъ придетъ меня съ лица земнаго стереть,
Не дайше сыновьямъ мою увидѣть смерть ;

Не дайте извергамъ моимъ ругаться прахомъ.
 Чтوبъ въ Оивахъ извѣспясь съ смущеніемъ и спрахомъ
 О смерти ихъ опца, не знали гдѣ сыскашь
 То мѣсто на земли, гдѣ буду я лежашъ.
 Благоволише ли во обласняхъ Тезея
 Назначишь мрачный гробъ вевиннаго злодѣя?
 Ошвѣтствуйше!

(Громъ подземный раздается.)

Н а р о д ъ.
 О страхъ!

Э д и п ъ.

Ошвѣтствуйше!

(Громъ сильнѣе ударяетъ.)

1. А о и н я н и н ъ.

Внемля

Его воззванію, колеблется земля.

2. А о и н я н и н ъ.

Перуны раздались, и молнія блеснула;
 Иль рѣчь его къ Богамъ природу ужаснула!
 Жрецъ храма Евменидъ идетъ поспѣшно къ намъ.

Я В Л Е Н І Е Ч Е Т В Е Р Т О Е.

Прежніе и Первосвященникъ.

Первосвященникъ ъ.

О государь! народъ! спремимеся во храмъ:
 Богини мести въ немъ присудспвуя суровы,
 Намъ прорицають судьбы въ сей спрашный часъ готовы.

Т е з е й.

Пойдемъ; и принесемъ имъ жертвы и мольбы:
 Да премѣняють онѣ Эдиповы судьбы.

Э д и п ъ.

Нѣтъ, шеснвовать шуда тебѣ во слѣдѣ не смѣю;
Гласъ долженъ Евменидѣ ужасенъ бытъ злодѣю.

Т е з е й.

Здѣсь солнечный тебѣ обезпокоишь зной;
Ты старецъ ошдохнушь въ шаперѣ опыди мой.

(Воинц.)

Эдипа проводи.

*Эдипъ и Антигона слѣдуютъ за воиномиъ,
Тезей съ народомъ идетъ во храмъ.)*

К р е о н ъ.

(Нарцесу.)

Мспить гордому Тезею

Удобный случай я Нарцесъ шеперь имѣю.

Пойду, пойду во храмъ оракулу внимать:

Ты воиновъ моихъ спѣши къ шапру собрать.

К о н е ц ъ в ш о р а г о д ѣ й с т в і я.

Д Ъ Й С Т В І Е Т Р Е Т І Е.

Театръ представляетъ поле, съ одной стороны роща, съ другой видѣнъ шатеръ Тезеевъ, въ отдаленности городъ Аѳины.

Я В Л Е Н І Е П Е Р В О Е.

Креонъ, Нарцесъ.

К р е о н ъ.

Тѣмъ временемъ какъ Царь въ смущеніи жестокомъ
Багрилъ олшарь Богинь кровавымъ козлищъ шокъ,
Когда его рукой куришся ѳиміамъ,
Мой замысль совершишь, Нарцесъ, надлежитъ намъ.
Ужели собраны побой мои ѳивяне?

Н а р ц е с ъ.

Во слѣдъ тебѣ, Креонъ, пришедшіе граждане
Въ сей рощѣ скрытые, твоихъ веленій ждуть.
Скажи, ихъ храброспи какой предложишь шрудъ?

К р е о н ъ.

Эдипа возвратишь въ отеческія спѣны.

Н а р ц е с ъ.

Какія, государь! я зрю въ тебѣ премѣны!
Не ты ли былъ виной изгнанію его?

К р е о н ъ.

Я самъ: онъ изгнанъ спалъ съ совѣща моего.

Н а р ц е с ъ.

По чтожъ теперъ его желаешь возвращенья?

К р е о н ъ.

Что бы усугубить Эдиповы мученья,
 Тезею гордому достойно опомсшить,
 И къ трону Фивскому мнѣ новый шагъ ступишь.
 Познай, Нарцесъ, познай, что дщери Ахерона
 Разверзши твердь земли до царствія Плутона,
 Эдипу прорицать предсшали передъ насъ.
 Съ явленьемъ ихъ во храмъ, возженный огонь погасъ;
 Средь дня, настала ночь; разнесся запахъ сѣрный,
 И оживилися Богинь кумиры черны.
 На нихъ власы изъ змѣй возспали и взвились;
 Изъ факель ихъ огни къ намъ искрами лились,
 Свѣтъ пламенниковъ потъ боролся съ мракомъ ночи.
 По томъ Богинямъ въ слѣдъ узрѣли наши очи
 Ихъ адскихъ спутниковъ: и страхъ, и месь, и смерть,
 Грозящую на насъ свою косу простеръ.
 При зрѣлищѣ такомъ народъ весь ужаснулся,
 Смутился Царь, я самъ невольно содрогнулся,
 Я самъ, привыкшій зрѣть смерть алчную въ бояхъ,
 И ни вочто вѣнять къ Богамъ напрасный страхъ.
 Среди смятенія, какъ изъ трубы спогласной
 Внезапно въ капищѣ раздался звукъ ужасной;
 Подобенъ бывъ громамъ онъ храма сводъ потрясъ.
 О градъ! воспрепещи, вѣщаль къ народу гласъ;
 Судьбы разгнѣваны, и кровь въ сей день продъется,
 Доколь достойная намъ жертва принесется.
 Отъ крови царскія та жертва бытъ должна;
 Тогда по бѣдствіяхъ наступитъ тишина,
 Тогда Эдипа рокъ преслѣдовать престанетъ,
 И гробъ его тогда побѣдъ залогомъ спанетъ,
 Для той страны, гдѣ жизнь скончается сей слѣпецъ.
 За добродѣтели спокойна смерть вѣнецъ.

При страшныхъ сихъ словахъ умолкли Евмениды,
 Сомкнулась ада дверь, исчезли грозны виды,
 Какъ тщетныя мечты по безпокойномъ снѣ.
 Духъ твердоспи опять вселился въ сердцѣ мяѣ;
 Духъ мщенія мой нравъ воспламенилъ суровый,
 Къ гибели враговъ имѣя случай новый.

Н а р ц е с ъ.

Но есть ли гнѣвъ Богинь великъ, о государь,
 Здѣсь кровью царскою ихъ обагрить олшарь,
 Коль жертвы пребываютъ онѣ порфирородной,
 Предай ты Кадмовъ родъ всей ярости народной;
 Оставь Эдипа здѣсь, и вскорѣ ножъ жреца
 Сразишь у олшаря и дочь и отца:
 Во храмѣ мертвъ падешь Эдипъ съ своей опорой.

К р е о н ъ.

Кто, я! что бы врага я предалъ смерти скорой;
 Что бы у олшаря жреца священный мечъ
 Спраданія его могъ съ жизнью пресѣчь?
 Нѣтъ, нѣтъ, Нарцесъ, не такъ привыкъ я ненавидѣть.
 Мученья долгія врага жадаю видѣть,
 Печаль его моихъ весельемъ чпипъ очесъ,
 Упиться токами его горчайшихъ слезъ,
 Дѣшей его сгубя, его свести ко гробу,
 И смертию медленной мою насытить злобу.
 Моей вражды къ нему ты знаешь о винѣ.
 Я долженъ былъ владѣть въ опеческой спранѣ
 Въяцемъ, о коемъ брань его ведутъ двесь чада.
 По смерти Лаия, я долженъ былъ опъ града
 Быть избранъ на престолъ, и Фивскій скиптръ принять;
 Пришелъ Эдипъ чпобъ скиптръ изъ рукъ моихъ опнять,
 И незаконный родъ взвести на тронъ съ собою.
 Въяца лишенный ставъ враждебною судьбою,
 Къ Эдипу ненависть въ душѣ запечатлѣлъ,
 Подъ лестью пагубной ее сокрытъ умѣлъ.

Къ спрасямъ дѣшей его совѣтъ мой примѣнивши,
 Тщеславье вспламеня, природу усыпивши,
 Въ ихъ души поселилъ полезный мнѣ раздоръ.
 Мой замысль усмотрѣшь не могъ ихъ юный взоръ ;
 И я возстановилъ среди сердецъ разврата
 Сыновъ прошивъ отца, и брата прошивъ брата :
 Счастливейшій успѣхъ вѣнчалъ мои труды.
 Теперь настали дни собратъ коварствъ плоды.
 Эдипа возвращая въ отеческія стѣны,
 Разсѣю хитроспью между гражданъ измѣны.
 Въ Царѣ всѣ будущъ зрѣшь гонителя отца ;
 Во мнѣ защитника несчастнаго слѣпца,
 Котораго извлекъ изъ здѣшнихъ мѣстъ я силой,
 Чтوبъ въ Оивахъ утвердиль Эдиповой могилой
 Побѣду на всегда по словесамъ Боговъ.
 Оракулъ случай дастъ губить моихъ враговъ.
 Пустъ въ храмъ жертвою падешъ здѣсь Антигона ;
 Ея пусть братія желая Оивска прона
 Другъ друга погубяшъ кровавою войной,
 И мертвые падутъ подъ нашею стѣной.
 Извѣстенъ мнѣ ихъ нравъ : для нихъ то будетъ мало,
 Чтобъ войско кровь свою предъ ними проливало ;
 Пошщатся средь боевъ другъ друга находить,
 Сразись ярошно, другъ въ друга мечъ вонзить,
 И кровью братнею пасъ вмѣстѣ обагрены.
 Взаимна злоба ихъ какъ ненависть геенны,
 Равняться можешъ лишь со злобою моею.
 Печалью радуюсь Эдиповыхъ я дней.
 Да видишь онъ дѣшей несчастно испребленье ;
 Ихъ незаконное оплакивалъ рожденье,
 Пускай оплачетъ онъ безвременну ихъ смерть ;
 И не былобъ руки тѣ слезы оперешъ.
 Я буду всякій день внимать его спенаньи,
 Вдыханіи ловишь и изчисляшь рыданьи,
 И съ восхищеніемъ морщины тѣ щипашъ,

Что на чело ему грусть будетъ налагать.
 Но вотъ Эдипъ: иди ко скрытному отряду,
 И будь готовъ, Нарцесъ, оставишь ту засаду,
 И къ намъ сюда вступить на мой призывный гласъ.

Я В Л Е Н І Е В Т О Р О Е.

Эдипъ, Антигона, Креонъ.

Э д и п ъ.

Уже, о дочь моя, топъ наступаешь часъ,
 Въ который кончится народное моленье.
 Да укрошишься имъ Богинь ожесточенье,
 И наградишь онъ Аѳины пишиной,
 За предложенный здѣсь мнѣ спранию покой.
 Ахъ! поспѣшимъ итти на сръшенъ Тезея.

К р е о н ъ.

Объ участи твоей я въ сердцѣ сожалься,
 О снарецъ горестный, предсталъ

Э д и п ъ.

О дочь моя!

Не гласъ Креона ли теперь здѣсь слышу я?

А н т и г о н а.

Такъ онъ, родитель мой; зря часть твою плачевну,
 Конечно изъяснишь пришелъ онъ грусть душевну.
 Ахъ! съ равнодушіемъ какой возможетъ глазъ
 Насъ въ Фивахъ видѣвшій, теперь взираетъ на насъ?

Э д и п ъ.

О юность! ты ни какъ лукавства не причастна,
 Тамъ состраданье зришь, гдѣ опытность несчастна

Пронырство признаешь въ сердечной глубинѣ.

(Къ Креону.)

О хитрый гражданинъ! по что предсталъ ко мнѣ?
 Слухъ недовѣрчивый чѣмъ ты склонилъ мечтаешь?
 Или за новость мнѣ здѣсь объявилъ ты чаешь
 Грозящу Оивамъ брань, раздоръ моихъ сыновъ?
 То знаю безъ тебя, и жребій ихъ шаковъ,
 Какова я имъ ждалъ: бывъ ошъ меня рожденны,
 На преступленіе они опредѣленны.
 Иль по слѣдамъ моимъ твой Царь тебя прислалъ,
 Чтобъ на челѣ моемъ ты грусть мою читалъ;
 Чтобъ видѣлъ нищету въ которой я скипаюсь;
 И какъ народами я всѣми опвергаюсь?
 Иль лучше, ты скажи, что волею своей
 Пришелъ увѣриться о горести моей.
 Но не увидишь слезъ, и не услышишь спона,
 И ими веселишь не буду я Креона.
 Спокоенъ духомъ я, хотя гонимъ людьми.
 Но ты средъ почестей терзаешься спрасъми.
 Иди ошъ сѣль, иди, о человекъ коварный,
 Невѣрный родственикъ, и другъ не благодарный!
 Ты сколько въ хитроспяхъ искусствомъ ни великъ,
 Давно уже, давно Эдипъ тебя проникъ.

К р е о н ъ.

Гоненье разправивъ въ тебѣ сердечны раны,
 Дало навикъ во всемъ усматривать обманы,
 И ложно толковать дѣянія людей.
 Къ обману прибѣгаешь по что душѣ моей,
 По что съ побою мнѣ употребляешь коварство?
 Предъ сильнымъ слабому посредствуешь лукавство.
 Ты изгнанъ, въ бѣдности, я въ славѣ, другъ Царю:
 И въ рѣчь съ побой вступивъ, я нищаго дарю.

Э д и п ъ.

Хотя я въ нищетѣ, но не сравнюсь съ Креономъ:
 Я былъ Царемъ, но ты лишь ползаешь предъ трономъ.

К р е о н ъ.

Высокомѣріе зрю прежнее въ тебѣ.
Ты чувствъ не примѣнилъ еще къ своей судьбѣ?

Э д и п ъ.

То свойство низкихъ душъ, тебѣ Креонъ подобныхъ,
Что бы по случаямъ мѣнялся въ чувствахъ сродныхъ.
Но я, бывъ отъ Царя на свѣтъ произведенъ,
Злощастьемъ не могу быть къ подлости веденъ.
Всѣ прежніи чувства средь бѣдствій сохраняю;
Презрѣнья моего къ тебѣ не премѣняю.

К р е о н ъ.

Не оскорбишь меня твоя надмѣнна рѣчь;
На прошивъ, я хочу бѣды твоя пресѣчь;
Дни горестны во дни переменишь счастливы,
И предложишь тебѣ чтобъ возвратился въ Фивы.

Э д и п ъ.

Какій еще, Креонъ, скрываешь новый ковъ;
Чѣмъ именемъ зовешь?

К р е о н ъ.

Отечества, Боговъ.

Э д и п ъ.

Обыкновенна рѣчь обманщиковъ искусныхъ,
Священнѣйшій предлогъ всѣхъ замысловъ ихъ гнусныхъ.
Ни вѣры, ни Боговъ на сердцахъ не храня,
Тыль рѣчью таковой мнишь обольстить меня?

К р е о н ъ.

Когда не вѣрилъ я что существуютъ Боги,
Тобой бы ихъ позналъ, позналъ koliko спроги
Кровосмѣсителей, отцеубійцъ караю.

Э д и п ъ.

Несчастный! можешь ли мнѣ нынѣ упрекать
 Съ такой жестокостью злодѣйствіе невольно?
 Братъ матери моей, сего уже довольно,
 Чѣмъ о судьбѣ моей всегда тебѣ молчать;
 Но ты какъ фурія предсталъ мой духъ смущать.

К р е о н ъ.

Предсталъ передъ тебя по волѣ я безсмертныхъ,
 Къ злодѣйствіямъ твоимъ столько милосердныхъ,
 Чѣмъ общаюся побѣдой на войнахъ
 Той Греческой спранѣ, гдѣ твой пребудетъ прахъ.
 Не долго можешь вести такую жизнь унылу;
 И такъ въ опечесствѣ назначь свою могилу.

Э д и п ъ.

Спрана, изъ коей я позорно изгнанъ спалъ,
 Гдѣ съ прона вышины въ жизнь спранниковъ упалъ,
 Гдѣ другъ Царевъ Креонъ, гдѣ сынъ мой на престолѣ,
 Уже опечесствомъ не можешь быть мнѣ болѣ.
 Тамъ все, увы! тамъ все терзаетъ мой будетъ духъ.
 Хоть не увидишь взоръ, но мой услышишь слухъ
 Раздоры бѣдспвенны въ копоры ввергли Фивы
 Сыны щеславные, вельможи горделивы.
 На то ли возвращусь, чѣмъ вопль услышатъ женъ,
 Какъ дерзкій Полиникъ предстанетъ пропивъ спѣнъ,
 И приведетъ съ собой Пелопонезки силы
 Срывать дома опцовъ, и превращать въ могилы?
 Иль возвращусь на то чѣмъ слышатъ звукъ мечей,
 Копоры сыновья въ свирѣпости своей,
 Другъ въ друга усремятъ на жизнь единокровну?
 Чѣмъ въ томъ, или въ другомъ, мнѣ знать потерю ровну?
 Чѣмъ бы судьба меня враждебна привела
 Руками осязаетъ ихъ мершвыя шѣла,

Оплакивашъ ихъ жизнь во цвѣтѣхъ пресѣченну,
 И кляпву чѣмъ сложить надъ ними изреченну?
 Ахъ, нѣтъ! на ихъ главахъ пребудетъ пусть она:
 И чужда мнѣ теперь вся Фивская страна.
 Коль справедлива вѣсть обою принесенна,
 Чѣмъ ярость днесъ Боговъ къ Эдипу укрощенна,
 И чѣмъ даютъ они въ благихъ своихъ судьбахъ,
 Побѣду той странѣ, гдѣ мой пребудетъ прахъ,
 То прахомъ симъ дарю Аѣины и Тезея:
 Другаго дара я на свѣтѣ не имѣя,
 Чѣмъ наградишь могу великодушье ихъ,
 Призрѣвшее конецъ дней горестныхъ моихъ.
 Мой прахъ, и дочь мою имъ поручая нынѣ,
 Даю имъ все, чѣмъ въ злой оспалось мнѣ судьбинѣ.

К р е о н ъ.

Аѣинянъ подари ты дочерью своею:
 Уже въ опеченіе пуши закрыты ей.
 Когда она съ тобой избрала удаленье,
 Тогда закономъ ей пресѣкли возвращенье.
 Твой гробъ, залогъ побѣдъ, твой прахъ намъ нуженъ днесъ:
 За мною слѣдуй ты, ее оставя здѣсь.

Э д и п ъ.

О верьхъ прискорбія! несчастье безпримѣрно!
 Теперь я чувствую униженъ какъ безмѣрно.
 Съ терпѣньемъ долженъ былъ словамъ своимъ внимать,
 Безсиленъ будучи за дерзость наказать.
 Не удивляюсь о варварскомъ законѣ,
 Которымъ Фивъ врага закрыты Антигонъ;
 Несправедливъ, жестокъ, безчеловѣченъ онъ,
 И града вашего достойнѣйшій законъ:
 Чѣмъ за священный долгъ, за долгъ свершенный ею
 Опредѣлишь ей казнь приличную злодѣю.

Но ты, Креонъ, но ты жестокий человѣкъ!
 Мнѣ предложеніе какое ты изрекъ?
 Чѣмъ бы распался днесъ я съ дочерью моею,
 Съ единымъ благомъ, чѣмъ я на земли владѣю,
 Съ моей опорой, съ опрадой мнѣ одной
 Прошивъ опчаянья оставленной судьбой.
 Тѣснѣе связанъ съ ней чѣмъ узами рожденья;
 Я узломъ соединенъ ея благошворенья.
 Въ ней зрю не только дочь, она мнѣ мать, отецъ,
 Сестра, и другъ, и все, что мило для сердецъ;
 И все, чего меня злодѣйства, рокъ, безсмертны,
 Неблагодарный градъ, сыны жестокосердны,
 Лишили наконецъ изгнаніемъ изъ Фивъ.
 Я ею лишь дышу, я ею только живъ,
 И ты распашься съ ней мнѣ варваръ предлагаешь?
 Терзашъ меня, увы! какъ ты искусство знаешь.
 Нѣтъ, лучше бы злодѣй, извлекши острый мечъ,
 Не дрогнувъ жизнь мою спремился ты пресѣчь,
 Чѣмъ предложилъ бы мнѣ полъ горестну разлуку.
 Приди, о дочь моя, приди, подай мнѣ руку,
 Дай мнѣ увѣриться что я еще съ тобой;
 Склони главу ко мнѣ, и сердце успокой:
 Нѣтъ! смертію одной мы будемъ разлучены.

К р е о н ъ.

Когда прошенія побою всѣ презрѣнны,
 Коль слѣдовать за мной не убѣжду тебя,
 Къ насильствію, Эдипъ, прибѣгнушь долженъ я.
 Вступише воины!

Я В Л Е Н І Е Т Р Е Т І Е.

Прожніе, Нарцесъ и воины Креона.

А н т и г о н а.

О горестъ! о измѣны!
 Фивянами мы здѣсь опъ всюду окружены.

Креонъ.

(Воинами.)

Эдипа въ городъ нашъ спѣшите возврашсь.

Эдипъ.

(Воинами.)

Кто руку на меня посмѣетъ наложить?

Кто дерзоспенъ и наглъ изъ васъ поoliko будетъ,

И бывшаго Царя въ моемъ лицѣ забудетъ?

Креонъ.

(Остановившимся воинами.)

Вы повинуйтесь не мнѣ, самимъ Богамъ.

*(Нарцесъ съ нѣкоторыми воинами
устремляется на Эдипа и раз-
лучаетъ его съ Антигоною.)*

Антигона.

Креонъ! жестокій! ахъ! паду къ твоимъ ногамъ.

Не разлучай ты насъ; будь, будь великодушень,

И соспрананію единожды послушень.

Узри у ногъ сестру и дочь твоихъ Царей;

Слезамъ ты пронишь и горесью моею.

Эдипъ.

Не унижайся дочь, не будь сраженна рокомъ.

Невинности ль клонишь колѣна предъ порокомъ?

Лишаяся себя, я съ жизнью разспаюсь,

Но предъ злодѣями главою не склонюсь.

Намъ, твердымъ должно бышь, имъ, чувствовашъ боязни:

Злодѣевъ шоржество предшественникъ ихъ казни.

(Къ Креону.)

Есть громы въ небесахъ, есть Боги, о Креонъ!

И припѣсненнаго до нихъ восходишь спонъ.

Креонъ.

Мы исполняя долгъ къ опечеству священной,
Не мести ждемъ Боговъ, но похвалы вселенной.

*(Креонъ уходитъ, за нимъ
воины ведутъ Эдипа.)*

Я В Л Е Н І Е Ч Е Т В Е Р Т О Е.

Анпигона и два воина.

*(Коимъ Креонъ подалъ знакъ,
чтобы удержали Антигону.)*

Антигона.

Постойте варвары! пронзите грудь мою,
Любовь къ опечеству довольствуйте свою.
Не внемлютъ: и бѣгутъ поспѣшно по долинь;
Не внемлютъ: и мой вопль перяется въ пустынь.
Есть громы, но въ сей часъ на небѣ пишина:
Есть Боги, и земля злодѣямъ предана,
И спонутъ слабые у сильныхъ подъ рукою!
Увы! что я? гдѣ я? что станется со мною?
Забыта братьями, оставлена родней,
Изверженна изъ Фивъ, въ странѣ, въ странѣ чужой
Жизнь горестну вести и умираю мнѣ должно.
Съ родителемъ моимъ сносить бы все возможно.
Суровости Боговъ, гоненіе людей
Лишь твердость новую несли душѣ моей;
Несчастье было мнѣ наставникомъ въ терпѣньи.
Но безъ родителя въ моемъ теперь мученьи,
Лишенная надеждъ, мой духъ во мнѣ унылъ;
Ударъ жестокой сей моихъ превыше силъ,
И всѣми чувствами опчаянье владѣя
(Увидя Тезея.)
Иль небо шлеть ко мнѣ для помощи Тезея.

Я В Л Е Н І Е П Я Т О Е.

Тезей, Антигона, народъ Аѳинскій, воины
Тезея.

Антигона.

Великодушный Царь! на помощь мнѣ спѣши;
Ахъ! возврати покой и жизнь моей души.
Оспрядомъ Ѳивскихъ войскъ, насиліемъ Креона
Родителя, увы! лишена Антигона:
Ссылаясь на Боговъ, и на небесный гласъ,
Въ опечесство свое влекущъ его въ сей часъ.
Къ своимъ ногамъ, Тезей, я въ грусти припадаю,
Я мщенія прошу, я мщенья ожидаю,
Иль смерть рѣши, коль мнѣ откажешься помочь.

Тезей.

Возстанъ о нѣжная, несчастливая дочь!
Душевно я дѣлю твои печали новы.
Я мнилъ что Боги къ вамъ преспали быть суровы;
Спѣшилъ отъ олшаря увѣдомить чшобъ васъ,
Какъ щедро наградишь ихъ общаешь гласъ
Народъ, къ спокойствію которъй васъ приемлешь.
Награду ли сію Креонъ отъ насъ отъемлешь?
Безъ наказанія, уже ли мыслилъ онъ
Нарушить нагло здѣсь священнѣйшій законъ
Народныхъ общихъ правъ, госпепрїимства, чести?
Аѳиняне! я васъ, васъ призываю къ мести.
Посыдно будетъ вамъ, позорно будетъ мнѣ,
Терпѣть насиліе въ опеческой спранѣ.
За похитителемъ не медля устремимся,
И наглость наказатъ Креонову пощимся
О Антигона, вѣрь, что за тебя опмщу;
Любви твоей опца конечно возвращу.

Спокойся, въ градъ иди, вступи въ мои черпоги,
И ожидай конца какой даруюшъ Боги.
Спарфйшины ей пупъ въ домъ покажите мой:
А вы, о воины! послѣдуйте за мной.

К о н е ц ъ ш р е ш ѣ я г о д ѣ й с т в і я .

Д Ъ Й С Т В І Е Ч Е Т В Е Р Т О Е.

Театръ представляетъ терпюги Аѳинскаго Царя.

Я В Л Е Н І Е П Е Р В О Е.

А н т и г о н а. (Одна.)

Сраженная шоской, съ родителемъ въ разлукѣ, ...
 Какъ медленно часы, къ моей проходящъ мукѣ!
 День радости естъ мигъ, печали день естъ вѣкъ;
 И умирающій несчастный человѣкъ,
 Сей оставляетъ міръ какъ пушникъ утомленный.
 Подобно смерти ждетъ мой нынѣ духъ смущенный.
 Народная молва здѣсь ею мнѣ грозитъ,
 Здѣсь жертвы пребудетъ гласъ спрашныхъ Евменидъ,
 И къ смертнымъ въ ярости въ сей болѣ день жестоки,
 Онѣ велятъ пролишь не козлищъ кровины токи,
 Такая жертва имъ обычная мала;
 Но чтобъ рука жреца кровь царску пролила.
 Меня на жертву имъ народъ опредѣляетъ,
 И надъ главой моей смерть спрашная зѣлетъ.
 О нѣжный мой отецъ! единый ты предметъ,
 О коемъ плачу я сей оставляя свѣтъ.
 Какъ возвратишь шебя Тезей великодушный,
 Ты здѣсь найдешь мой прахъ холодный, и бездушный.
 Скорбь новая твоей духъ какъ туча омрачитъ,
 И горести твоей ни кто не облегчитъ
 Свирѣпой смертію удержанна въ неволѣ,
 Печаль твою дѣлить не возмогу я болѣ,
 Уже твой спонъ ко мнѣ до сердца не дойдетъ,
 Не стершая слеза на землю упадетъ.
 Ужасна ты, о смерть! коль узырываешь,
 Когда чувствительность во хладность премѣняешь,
 И дружбу и любовь коль испребляешь въ насъ
 Я слышу спрашный шумъ насталь мой люшый часъ,
 Увы!

Я В Л Е Н І Е В Т О Р О Е.

Аншигона, Полиникъ, нѣкоторые изъ старѣйшинъ Аѳинскихъ.

П о л и н и к ъ.

Ахъ! гдѣ она? вы къ ней меня ведите.

А н т и г о н а.

Не дайте мнѣ спрдашь, скорѣй судьбу рѣшите.

П о л и н и к ъ.

Ее ль зрю въ рубищѣ? о жалоспнѣйшій видъ!

А н т и г о н а.

Безъ жалости во храмъ влеките Евменидъ.

П о л и н и к ъ.

Или во мнѣ уже премѣна поль велика,
Или вы не узнаете и гласа Полиника?

А н т и г о н а.

(Бросаясь въ объятія Полиника.)

Мой братъ!

П о л и н и к ъ.

Сестра! Се тыль въ объятіяхъ моихъ?
Увы! твой злобный братъ причиной бѣдъ твоихъ,
И ты, какъ изверга меня не убѣгаешь?
Ты слезы льешь, молчишь, и брата обнимаешь.

А н т и г о н а.

Ахъ! ты подобно мнѣ въ несчастье нынѣ впалъ,
Я забываю все.

П о л и н и к ъ.

Такъ, такъ, и братъ твой спалъ
Изгнанникомъ изъ Оивъ: но не тебѣ подобно.
Съ твоею ли душой сравнишь сердце злобно?

Могу ль судьбу свою какъ ты спокойно нести?
 Твое изгнаніе твоя есть слава, честь,
 Ушѣха сладостна, и радости сердечны.
 Но я жестокій братъ, и сынъ безчеловѣчный,
 Изгнаніе терплю какъ казнь достойну мнѣ.
 Ты дни свои ведешь въ всегдашней тишинѣ,
 Ночь сладкое несетъ тебѣ успокоенье,
 Твой осѣняетъ сонъ отца благословенье,
 И безпревозжны въ ночь невинные сердца.
 Но я, опягощенъ проклятіемъ отца,
 Терзаюсь въ день спрасъми, и злобой и опмщенъемъ,
 Тоской раскаянья, и совѣсти мученьемъ.
 А въ ночь, въ ночь темную, когда окрестъ меня,
 Земля покоится, молчаніе храня,
 Съ звѣрами хищными, и съ пшицами ночными,
 Одинъ бесѣдую спенаньями моими.
 Мечты отъ глазъ моихъ не убѣгають прочь.
 Ахъ! для злодѣевъ какъ спрашна, ужасна ночь!
 Конечно я на зло назначенъ отъ рожденья:
 Клени злодѣйствіе, спремлюсь на прескупленъя.
 Съ губительнымъ мечемъ, и съ пламенемъ въ рукахъ,
 Иду въ опечество, несу пожаръ и страхъ,
 Союзниковъ моихъ веду съ собою силу,
 Чтوبъ Оивскому Царю изъ спѣнъ сложить могилу.

А н т и г о н а.

Какую Полиникъ жестоку слышу рѣчь;
 И на кого, увы! ты обнажаешь мечъ;
 На брата?

П о л и н и к ъ.

На врага, на хищника короны,
 И чести и родства презрѣвшаго законы,
 И на виновника моихъ несносныхъ бѣдъ.
 Иль Этеоклъ, иль я оставишь долженъ свѣтъ:
 На солнце общее не лъзя взирать намъ болѣ.
 Кто съ прона предковъ палъ, и мнѣ подобенъ въ долѣ,

Тому осталася одна надежда, мещь;
 И долгъ одинъ, чѣобы иль гробъ, иль тронъ обрѣсть.
 Не осуждай меня: вини мои пы чувства,
 Которыхъ умѣрянь не знаю я искусства,
 Вини сей огонь въ моей пылающей крови.
 Чрезмѣренъ я во всемъ, и въ злобѣ, и въ любви,
 Въ самомъ раскаяннѣ, которымъ въ слѣдъ за вами
 Я приведенъ къ опцу, и предъ его ногами
 Упавъ, стопы его слезами оросить,
 И преступленію прощенье испросить.
 Ко гласу моему гласъ съедини свой нѣжный;
 И умолишь его успѣхъ тогда надежный.

А н т и г о н а.

Увы! Родитель нашъ Креономъ похищенъ.

П о л и н и к ъ.

Тезеевой рукой тебѣ онъ возвращенъ.
 Креонъ въ дали узрѣвъ Аѣинскаго героя
 Въ погони за собой, и устрашася боя,
 Опъ казни чѣобъ своей поспѣшнѣе уйти,
 Эдипа долженъ былъ оставишь на пуши.
 Отецъ сюда ведомъ опрядомъ войскъ Тезея,
 Но Царь со воинствомъ преслѣдуетъ злодѣя.

А н т и г о н а.

О вѣсть опрадная! еще единый разъ
 Увижу я опца, его услышу гласъ;
 Еще предъ шѣмъ мою какъ кончу я судьбину
 Я опереть могу его слезу едину.
 Ахъ! вмѣстѣ поспѣшимъ въ объятія его.

П о л и н и к ъ.

Постой, сестра, постой, для брата твоего
 Объятія опца закрылися конечно;
 И можешь быть, увy! закрышы будешь вѣчно.

Я бѣ долженъ опѣ себя всѣ опврашишь сердца.
 Какъ возмогу взирать на бѣднаго отца,
 Когда всякъ спраждущій, убогій, и несчастный
 Напоминаетъ мнѣ что извергъ я ужасный;
 Что на земли уже прощенія мнѣ нѣтъ,
 Что мною на всегда гнушаться долженъ свѣтъ,
 И что извѣстенъ я единымъ пресупленьемъ.
 Ахъ сжался надъ моимъ несноснѣйшимъ мученьемъ.
 Будь мнѣ заступницей, и грусть моей души
 Родителю представь, и живо опиши.
 Что бы дозволилъ мнѣ передъ него явиться,
 Услышать гласъ его, симъ гласомъ насладишься,
 Чтобъ на челѣ его я милость могъ узрѣть,
 Илибъ у ногъ своихъ дозволилъ умереть.
 Но шумъ отецъ идетъ о зрѣлище плачевно!
 Иду, бѣгу, чтобъ скрыть смущеніе душевно.

(Уходитъ.)

Я В Л Е Н І Е Т Р Е Т І Е.

Эдипъ, Антигона, часть воиновъ Тезея.

Антигона.

(Бросаясь въ объятія къ Эдипу.)

Родитель! зрю тебя, благословенный часъ!

Эдипъ.

О утѣшительный, живошворящій гласъ!
 Дочь милая! опять я соединенъ съ тобою?
 Такъ не совсемъ еще оставленъ я судьбою,
 Такъ не совсемъ еще забытъ я опѣ небесъ;
 Минуты мнѣ даютъ для радостнѣйшихъ слезъ,
 И сердце горестію столь долго изнуренно,
 Опохвнеть наконецъ весельемъ оживленно.

О Боги щедрые, благословляю васъ!
 На землю временно вы посылая насъ,
 На жизненномъ пути посылали печали,
 Что бы мы радости живѣе ощущали,
 И что бы грустію помимый человекъ,
 Въ одинъ веселья часъ забылъ спраданій вѣкъ.

А н т и г о н а.

О добродѣтели власць сильна и священна!
 Гонима ль ты, въ самой себѣ ты утѣшенна,
 И чистой совѣсти приятный, тихій свѣтъ
 Чрезъ бездну горестей спокойно насъ ведетъ.
 Но здѣсь, я видѣла несносну грусть порока:
 Она мучительна, перзательна, жестока.
 Предъ тѣмъ какъ ты меня въ объятія приялъ,
 Несчастный юноша въ глазахъ моихъ спеналъ.

Э д и п ъ.

Несчастный, говоришь, кто онъ? ахъ всѣ несчастны
 Моимъ вздыханіямъ, моимъ слезамъ причастны,
 Спрадающихъ всегда чувствительнѣй сердца.
 Сей юноша, скажи, ужели безъ отца?
 Ужель не носишь онъ названіе супруга?
 Уже ли въ мірѣ есмь себѣ не знаешь друга,
 Ни брата, ни сестры, и словомъ ни кого,
 Ктобъ слезы пролилъ съ нимъ, печаль дѣлилъ его?
 Пускай приходитъ онъ, однимъ благополучнымъ
 Гласъ огорченнаго бываетъ только скучнымъ:
 Но я съ несчастными охотно слезы лью.
 Пусть онъ придетъ, печаль повѣришь мнѣ свою.

*(Антигона подаетъ знаки Полинику,
 который вошедъ останавливается.)*

А н т и г о н а.

Не смѣешь онъ припсти, ужасно преступленье

Э д и п ъ.

Не смѣешь? ты молчишь! какое подозрѣнье

Рождаешь ты во мнѣ? весь духъ смущаешь мой.

Не смѣешь кто же онъ? не братъ ли злобный твой?

Не онъ ли грусть влачить себѣ въ достойной долѣ?

Пускай грустишь къ нему не сострадаю болѣ.

Чтобъ онъ не приходилъ, что бы бѣжалъ, и съ нимъ

Я не хочу дышать здѣсь воздухомъ однимъ.

Я В Л Е Н І Е Ч Е Т В Е Р Т О Е.

Прежніе, Полиникъ.

П о л и н и к ъ.

И такъ я осужденъ на вѣчныя мученія;

И такъ не должно мнѣ надѣяться прощенья.

Нѣтъ, не достоинъ я чтобъ ты когда простишь;

Я добродѣтели, природу оскорбилъ,

Не благодаренъ былъ, я былъ безчеловѣченъ,

Твой справедливый гнѣвъ бытъ долженъ безконеченъ;

И клятвою твоею спраданія, напасъ,

Вопъ все что на земли мнѣ отдано на часть.

Но естли можетъ въ насъ раскаянье живое

Къ намъ небо мспительно перемѣнишь въ благое;

Когда Боговъ оно съ злодѣями миритъ,

Твой гнѣвъ, твой правый гнѣвъ ужель не укротишь?

Ужели въ ярости всегда пребудешь твердымъ?

Родитель будешь ли одинъ не милосерднымъ?

Склонися къ милости, подобенъ будь Богамъ.

(Бросается къ ногамъ Эдипа.)

Твой кающійся сынъ падетъ къ твоимъ ногамъ.

Тронись раскаяньемъ, въ которомъ я сшенаю,

Почувствуй жаръ твоихъ слезъ которы проливаю,

Онъ опъ чувствъ текутъ, душа источникъ имъ,

И ѣдкостью равны мученіямъ моимъ.

(По нѣкоторомъ молчаніи.)

Но ты молчишь, но ты чело свое скрываешь,
Прошеньи, жалобы, и слезы отвергаешь.

А н т и г о н а.

(Упадая къ ногамъ Эдипа.)

Родитель мой! и я соединяюсь съ нимъ.
Чтобъ умолишь тебя паду къ ногамъ твоимъ.
Вспрѣчались ли когда съ тобою огорченны,
Которыбъ не были въ печали облегченны;
Которыхъ рѣчью ты оправдой не дарилъ,
И конхъ съ жизнью опять не примирилъ.
Иль сына своего ты не услышашъ слова?

Э д и п ъ.

(Поднимая Антигону.)

Ты просишь, за кого? любезна Антигона!
Пусть нечестивецъ сей тебя благодаритъ,
Что здѣсь чело мое еще онъ нынѣ зреть;
Что слышитъ голосъ мой. — Клянуся небесами,
Что безъ тебя его не пронулсябъ слезами;
Хотябъ у ногъ моихъ въ сей часъ онъ умиралъ,
И слова моего къ спасенью ожидалъ,
Ни какъ бы жалости душа не изъявила,
Я бы безмолвенъ былъ какъ хладная могила.

(Къ Полинику.)

Скажи злодѣй, чего ты хочешь отъ меня?

П о л и н и к ъ.

Чтобъ чувства свои ко мнѣ перемѣня,
Мой спонъ слышалъ ты, раскаянъе увидѣлъ,
И чтобъ родитель мой меня не ненавидѣлъ.
Нѣтъ, я не варваромъ, не извергомъ рожденъ,
Порокомъ могъ я быть мгновенно побѣжденъ,

И уподобиться ужасному злодѣю.
 Но душу пылкую, чувствительну имѣю,
 И сердце нѣжное побою мнѣ дано.
 Увы! днесъ спраждуще, разтерзанно оно,
 Покрыто язвами, шоскою изнуренно,
 И спрашной клятвою швоей обремѣенно.
 Ты даровалъ мнѣ жизнь, даруй ее мнѣ вновь;
 Дай сердцу шишину, и возврати любовь.
 Любовь швоя, какъ лучъ Божественный, небесный,
 Проникнешъ душу мнѣ, мой шокъ престанешъ слезный,
 И въ добродѣтеляхъ я укрѣплюся ей.
 Родитель! убѣдись шы прозьбою моею;
 И милосердія являя совершенство,
 Дай сыну своему хоть разъ вкусить блаженство.
 Ты согласишь иппи въ опеческу спрану,
 Мою передъ шбой исправлю шамъ вину.
 Семъ вождей за меня всѣ силы воружаютъ,
 Мой шанъ, побѣда, шронъ Эдипа ожидаютъ;
 Надъ войскомъ, надо мной шебѣ вручаю власть.
 Оивъ стѣны гордыя должны предъ нами пастъ,
 И не изгнанника въ шебѣ увидятъ болѣ,
 Но мощнаго Царя на опческомъ престолѣ;
 Спрадальчествомъ своимъ досшойнаго вѣнца;
 И по среди дѣшей счастливаго опца.
 Я буду подданнымъ послушнѣйшимъ, вѣрнѣйшимъ,
 И ревностнымъ рабомъ, и изъ сыновъ нѣжнѣйшимъ;
 Въ супругѣ же моею найдешь шы нѣжну дочь;
 Въ день будетъ ушѣшатъ, швой сонъ покоишь въ ночь,
 И шакъ любишь себя какъ любитъ Антигона.
 Повѣрь инаго мы не будемъ чшить закона,
 Какъ волю намъ швою, и швой хранишь покой
 Семейства цѣлаго союзною рукой;
 Въ забвеніе у тебя привесшь мое злодѣйство.

Э д и п ъ.

Какой несчастный Царь шебя приалъ въ семейство?

Какой отецъ возмогъ безъ чувствъ толико быть,
 Чѣмъ дочь свою тебѣ супругою вручить?
 Чѣмъ бы предать ее на горестъ, и напаси.
 Или онъ о моей не вѣдалъ скорбной часи?
 Жестокосердный сынъ, и подданныхъ пиранъ,
 Чувствительности даръ тебѣ ль когда былъ данъ?
 Тебѣ ли можно быть опцемъ, супругомъ нѣжнымъ,
 Главою чадъ своихъ, и другомъ ихъ надежнымъ;
 Для сердца твоего какой союзъ священъ?
 Одною гордостью упитанъ, пресыщенъ,
 Священнѣйшій союзъ ты испровергъ природы,
 Который первымъ члупъ по всей земли народы.
 Нѣтъ, не раскаянье тебя ко мнѣ вело;
 Тщеславіе твое унизило чело,
 Оно причиною и слезъ твоихъ и спона:
 Симъ чувствомъ приведенъ и алчностью твоя.
 Ты мыслишь оправдать предъ небомъ и землею
 Войну подъяшую противъ страны своей,
 Когда предлогомъ дашь Эдипа защищенье,
 Мое въ опечесиво и къ твоя возвращенье.

П о л и н и к ъ.

Клянуся всемъ тебѣ что свято въ мірѣ есть,
 Чѣмъ для тебя хочу я Фивскій скипетръ обрѣсть.

Э д и п ъ.

Меня склонилъ къ себѣ ты щещно уповаешь.
 Сей скипетръ, который мнѣ столь щедро предлагаешь,
 Не яль оставилъ самъ, не я ли вамъ вручилъ,
 Не я ли дней моихъ покой вамъ поручилъ;
 Быть съ вами на всегда одной считавъ опрадой.
 Неблагодарные! чѣмъ было мнѣ наградой?
 Презрѣнье, ненависть, изгнанье и позоръ.
 Коли смѣешь, ты на мнѣ останови свой взоръ:
 Зри ноги ты мои скипавшися изъязвленны;
 Зри руки, милостынь прошеньемъ упомленны;

Ты зри главу мою лишенную волосъ,
 Ихъ изсушила грусть, и вѣтеръ ихъ разнесъ.
 Тѣмъ временемъ тебя какъ услаждала нѣга,
 Твой изгнанный отецъ безъ пищи, безъ ночлега,
 Не зналъ куда главу несчастну приклонишь.
 Повсюду долженъ былъ вашъ спыдъ съ собой влачить,
 И дебри темныя, и глубины пещерны,
 Природа зрѣла вся злодѣйска безпримѣрна.
 Иди жестокій сынъ, усугубляй вины,
 Будь истребителемъ отеческой страны,
 Союзниковъ своихъ веди прошиву брата,
 Яви еще примѣръ неслыханна разврата.
 Но тамъ, у Фивскихъ стѣнъ не проишь тебѣ готовъ;
 Десница мспящая тамъ ждетъ тебя Боговъ.
 Отъ Фивскихъ обласей, удѣлъ тебѣ сужденный,
 То мѣсто лишь одно, гдѣ ты падешь сраженный.
 Какъ безъ приспанища скипался въ жизни я,
 По смерти будешь такъ скипаться шѣнь твоя;
 Безъ гроба будешь ты; тебя земля не приметъ,
 Отъ нѣдръ отвергнетъ прупъ; и смрадъ его обыметъ,
 И призоветъ звѣрей, пшицъ хищныхъ изъ лѣсовъ,
 И дома подданныхъ твоихъ спрегущихъ псовъ.
 Иди, бѣги, спѣши на ново прескупленье.
 Всѣхъ васъ я чуждъ; мнѣ дочь семья, и утѣшенье.

*(За театромъ слышенъ шумъ
 толпы народной.)*

Я В Л Е Н І Е П Я Т О Е.

Прежніе и нѣкоторые изъ старѣйшинъ
 Аѳинскихъ.

Аѳинянинъ.

Несчастливый Эдипъ! ты духомъ укрѣпись.
 Ударъ суровѣйшій сносишь въ сей часъ рѣшись.

Народъ день цѣлый ждавъ Тезея возвращенья,
 Возспалъ прошивъ шебя; наполненъ градъ смущенья,
 Тебя причиной чшущъ, твоей проклинаятъ родъ,
 И дочери твоей весь пребудетъ народъ.

*(Сильнѣе шумъ повторяется
 за театромъ.)*

Ты слышишь ли сей шумъ? окружены черпоги.
 Весь городъ вопіетъ: „разгнѣванны сущъ Боги;
 „Чтобъ умолишь ихъ гнѣвъ, и отвратишь напастъ,
 „Эдипа дочь должна во храмъ жертвой пастъ.“

Э д и п ъ.

Имѣшеть судьбы еще какія казни?
 Вы истощили всѣ удары неприязни,
 Собравъ ихъ надъ моей печальною главой.
 Дочь милая! могуль разстаться я съ тобой?
 Остануся убогъ, совсемъ осиротѣю
 Ты плачешь? я и слезъ ужъ болѣ не имѣю.

А н т и г о н а.

Увы! я слезы лью не о моей судьбѣ;
 Я смерти не спрашусь, и плачу о тебѣ.

(Народъ врывается въ двери.)

П о л и н и к ъ.

(Бросается къ народу.)

Не совершится, нѣтъ, сей замыслъ ихъ ужасный
 Доколѣ я дышу

Э д и п ъ.

(Его останавливая.)

Что можешь ты несчастный?

Порывы поздные усердія умѣрь,
 Безвременна твоя защита намъ теперь.

(Къ народу.)

Аѳиняне! во храмъ меня ведите съ нею,
 На Евменидѣ еще надѣясь я смѣю.

Не дочь мою одну, двѣ жертвы приметъ жрецъ,
И совершитъ моимъ спраданіямъ конецъ.

(Эдипа и Антигону уводятъ.)

П о л и н и к ъ.

О ярость! о позоръ! а вы о Боги чудны!

Когда не щещны вы, когда вы правосудны,

Спасите опъ меча невинныя главы.

Преступникъ я одинъ, меня разите вы:

Подземный огонь, и громъ небесъ соедините,

И нечестиваго изъ міра истребите.

К о н е ц ъ ч е т в е р т а г о д ѣ й с т в і я.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Театръ представляетъ внутренность храма Евменидѣ, который раздѣленъ на двѣ части; въ отдаленной видѣнъ жертвенникъ и три статуи изображающія Богинь сего храма. — Въ рукахъ ихъ факелы возженны, и на главахъ волосы змѣями извиваются.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Первосвященникъ въ отдаленной части храма при жертвенникѣ, Жрецы.

Х о р ъ Ж р е ц о в ъ.

Богини Адомъ порожденны!
 Народамъ въ страхъ, злодѣямъ въ казнь;
 Что возбуждаетъ не пріязнь?
 По что вы нынѣ раздраженны
 Предспали грозныя предъ насъ?

* * *

Къ рабамъ, къ Царямъ равно вы спроги:
 Какъ смерть вашъ общій всѣмъ успавъ.
 И смертный злобный, и лукавъ
 Ни въ хижину, ниже въ чертоги
 Не скроется отъ вашихъ глазъ.

* * *

Вошце злодѣйства сокровенны;
 Вы зрите сердца глубину.
 За скрытну, тайную вину,
 Изъ мрачной пропасти геенны
 Къ злодѣю вашъ взываетъ гласъ.

П е р в о с в я щ е н н и к ъ .

Прервите пѣніе, священные жрецы!
Изготовляйте вы повязки, и вѣнцы,
И ризы чермныя и прочи украшенья,
Приличные для насъ въ день жертвоприношенья.
Невидимой рукой ведется жертва къ намъ.

(Жрецы уходятъ.)

Но кто сей юноша вступающій во храмъ?
Въ чертахъ опчаянье, и въ поступи смущенье!

Я В Л Е Н І Е В Т О Р О Е .

Первосвященникъ, Полиникъ.

П о л и н и к ъ .

Служитель олшарей! скончай мое мученье.
Здѣсь жертвы пребудетъ Богинь суровыхъ гласъ,
Имъ въ жертву предстою; рази не убоясь.
Сей смертію смиришь народную спрошпивость,
И совершишь не дашь Богамъ несправедливость.

П е р в о с в я щ е н н и к ъ .

Кто ты? о юноша! чѣмъ о Богахъ судишь.
Иль не спросишься ты ихъ ярость возбудишь?
Сей храмъ сооруженъ ихъ мщенію и гнѣву.

П о л и н и к ъ .

Хотябъ разверзнушься вѣдѣли адску зѣву
Чѣмъ поглотить меня, я въ день несчастный сей
Не устращусь: весь адъ ношу въ душѣ моей.
Зрѣшь грозныхъ Евменидъ мои привыкли очи;
Въ бесѣдѣ спрашной ихъ провелъ я многи ночи:
Отрынушь отъ Боговъ, отверженъ еспеснвомъ,
Мнѣ фуріи одиѣ остались Божествомъ.

П е р в о с в я щ е н н и к ъ.

Тебя ужасное терзаетъ преступленье?

П о л и н и к ъ.

Вся жизнь ужасная, и самое рожденье.

Слухъ о судьбѣ моей во всѣ страны доспигъ.

Я есмь Эдиповъ сынъ, я злобный Полиникъ,

Врагъ подданныхъ моихъ, опечесства губитель,

Винovníкъ бѣдъ сеспры, къмъ изгнанъ былъ родитель,

Къмъ угрожаемъ братъ, и шопъ я наконецъ

Надъ чьей главой изрекъ проклятіе отецъ.

Когда злодѣйска кровь для Евменидъ пристойна,

Вопъ грудь моя, рази: я жертва имъ достойна.

П е р в о с в я щ е н н и к ъ.

О часть прискорбная! о злополучный Царь!

Вопще въ смущеніи предспалъ передъ олшаръ,

И смерти требуешь тобою толь желанной,

Я не приму главы проклятію преданной;

Твои спраданія я не могу пресѣчь,

И кровію твоей не оскверню мой мечъ.

Тельцы уишаны для принесенъя въ жертвы,

Очищены предъ тѣмъ какъ упадаютъ мершвы.

П о л и н и к ъ.

Иль недовольно я еще злодѣемъ былъ,

И смерть ужасную ещель не заслужилъ;

Она не есть ли верхъ небесной непріязни?

П е р в о с в я щ е н н и к ъ.

Нѣтъ; Боги не всегда даютъ намъ смерть для казни.

Она для тѣхъ однихъ караніемъ небесъ,

Въ комъ нѣтъ раскаянья, свѣтъ совѣсти исчезъ,

Предъ къмъ о промыслъ безмолствуетъ вселенна,

И власъ кому Боговъ опкрытъ должна геенна.

Но смерть есть сущій даръ для страждущихъ сердецъ,

По трудныхъ странствіяхъ отрадѣйшій конецъ;

И вѣчность имъ какъ дубъ осанистый, вѣтвистой,
 Стоящій на пупи, и древноснью пѣнисстой,
 Сулящій пупнику прохладу и покой.
 Но часъ еще мой сынъ, не наступаетъ пвой!
 И кляпвою опца какъ узломъ не разрывнымъ
 Привязанъ ты къ землѣ, къ спраданьямъ непрерывнымъ,
 Доколь исполнишься тебѣ сужденна часъ,
 Котору премѣнить Боговъ не можешь власъ.

П о л и н и к ъ.

Коль смерти спъ небесъ я щещно ожидаю,
 Опчаянъе, тебя на помощь призываю!

Я В Л Е Н І Е Т Р Е Т І Е.

Прежніе, Эдипъ, Анпигона, жрецы, народъ
 Аѳинскій.

А ѳ и н я н и н ъ.

Первосвященный жрецъ! вспревоженный народъ
 Счишая бѣдъ виной Эдипа къ намъ приходъ,
 Что бы спасти Царя, что бы спасти Аѳины,
 Чтобъ умолишь Богинь и гнѣвныя судьбины,
 И удовольствовашъ ихъ воспаленну месъ,
 Эдипа дочь привелъ на жертву имъ принесъ.
 Пусть гнѣвъ погаснетъ ихъ въ ея пошокахъ крови;
 Да возвращашъ предметъ народныя любви,
 И возвратишся къ намъ съ Тезеемъ пишина.

А н т и г о н а.

Граждане! вами бывъ на смерть осуждена,
 Какъ ни ужасна смерть, какъ учасъ ни сурова,
 Безъ страха, ропота приняшь ее готова.
 Мнѣ жизнь казалась шѣмъ опрадна и мила,
 Что ушѣшенъемъ быть родишелю могла,
 Что онъ на грудь мою слагалъ свои печали.
 Сію пронзая грудь, вы право днесъ мнѣ дали

Аѣинамъ поручишь отца несчастны дни.
 Залогомъ вѣрнымъ пусть пребудушь вамъ они
 Союза страшнаго, союза смерти лютой,
 Который съ вами я сей совершу минутой.
 Такъ, жипели Аѣинъ, я заклинаю васъ
 Предъ жертвенникомъ симъ, въ торжественный сей часъ,
 Передъ лицомъ Богинь шеперь во храмъ сущихъ,
 Предъ сонмомъ всѣхъ Боговъ меня у гроба ждущихъ,
 Что бы хранили вы родителя покой;
 Блюли его главу пятченную тоской.
 Тогда лишь смерть моя вамъ можетъ быть полезна.
 Не то, для васъ она на вѣки будетъ слезна;
 Мой прахъ вамъ будетъ въ казнь, и гробъ мой будетъ вамъ
 Жилищемъ Евменидъ, другой ихъ мести храмъ.
 Ни чѣмъ тогда судьбы, ни чѣмъ не умоляшся,
 И кровью сей, главы чадъ вашихъ опягчашся.

(Къ Эдипу.)

Въ послѣдній разъ, отецъ благослови ты дочь,
 Да будетъ въ вѣчности приятная мнѣ ночь,
 И сонъ глубокой мой пребудетъ не нарушенъ.

Э д и п ъ.

(Обнижая Антигону къ народу.)

Народъ! который былъ всегда великодушенъ,
 Ты добродѣтелей въ ней совершенства зришь,
 И сердце ли еіе ты смертию поразишь?
 Ужель межъ вами нѣтъ ошцовъ чадолюбивыхъ,
 Сердецъ чувствительныхъ, и смертныхъ справедливыхъ,
 Чтобъ видѣшь, чувствовашъ, и убѣжденнымъ бышь,
 Что кровь невинную рѣшившися пролишь,
 Вы оскорбляете сей храмъ, Боговъ, природу,
 И призываете безсмертныхъ казнь народу.
 Коль съ гробомъ вамъ моимъ побѣда суждена,
 Коль кровію спасись должна сія спрана,
 Пролейте кровь мою: ужъ я давно какъ мертвый,
 И фуріи меня блюли себѣ для жертвы.

А н т и г о н а.

Ахъ дай мнѣ смертію твоей искупить покой.

Э д и п ъ.

Невинна кровь тому не можетъ быть цѣной.

А н т и г о н а.

Чѣмъ я невиннѣе тѣмъ жертва я достойна.

Э д и п ъ.

Насильственная смерть злодѣямъ лишь пристойна.

Она прилична мнѣ; и къ оной осужденъ,

Я былъ еще предъ тѣмъ какъ бѣдственнo рожденъ.

Такъ Боги! щедро ливъ несчастья и печали

На жизнь Эдипову, вы жертву умащали,

Вы руку на меня назначили просперть.

Первосвященный жрецъ! веди меня на смерть.

Но дай, позволъ почтить послѣднимъ цѣлованьемъ

Тотъ мечъ, коимъ я разспануся съ спраданьемъ.

*(Первосвященникъ принявъ мечъ, которой
одинъ изъ жрецовъ держалъ на блюдѣ,
хочетъ вручить оный Эдипу, но Поли-
никъ вырываетъ изъ рукъ его.)*

П о л и н и к ъ.

Подай сей мечъ, подай, онъ мнѣ принадлежишь.

П е р в о с в я щ е н н и к ъ.

Какой, о Полиникъ злой замысль въ сердцѣ скрывать?

Э д и п ъ.

О Полиникъ! ты здѣсь? пришелъ ли ты ругаться
Моею смертію, и ею наслаждаешься?

Или уже ни что, ни часть плачевный сей,

Ни вѣры шоржество, ни святость олтарей,

Не сильны удержатъ твой ярый духъ и злобу.

П о л и н и к ъ.

Твой сынъ пришелъ сюда искать пухей ко гробу.

Тобой отверженный, и проклятый тобой,

Гнушаюсь жизнью, гнушаюсь и собой;

Коль смерти не даюшь разгнѣванные Боги,
То пусть ко смерти мнѣ откроетъ мечъ дороги.

Э д и п ъ.

Самоубійствомъ ли ты осквернишь сей храмъ?

П о л и н и к ъ.

Въ отчаяньи оно едино средство намъ.

Э д и п ъ.

Какимъ неистовствомъ твой нынѣ духъ встревоженъ!

П о л и н и к ъ.

Безчеловѣченъ бывъ, я буду и безбоженъ.
Такъ здѣсь, у ногъ твоихъ я совершу ударъ,
И кровь проливъ, тебѣ я возвращу твой даръ.
Жестокостью своей знавъ сына умерщвленнымъ,
Спущай потомъ къ Богамъ путемъ окровавленнымъ.

(Упадаетъ къ ногамъ Эдипа.)

Э д и п ъ.

Иль всѣ возможные я бѣдства соберу?
Возстанъ несчастнѣйшій

П о л и н и к ъ.

Не встану, но умру.

Э д и п ъ.

Ахъ! естли бы тебя раскаянье терзало!

П о л и н и к ъ.

Чѣмъ сердце бы инымъ жестоко боль срадало.
Раскаянье въ душѣ; ахъ! что я говорю?
Оно въ крови моей; снѣдаемъ имъ, горю:
И фурій мстительныхъ терзающія руки,
Ихъ змѣи, ихъ бичи, ни что прошивъ сей муки;
Ни что въ сравненіи и весь ужасный адъ.

А н т и г о н а.

Родитель! вспомни ты что Полиникъ мнѣ братъ;
Внимай, какъ въ истинномъ раскаяньи стонаетъ.

Э д и п ъ.

Возстань, несчастный сынъ: отецъ тебя прощаетъ. (*)
 Приди въ объятія, и примирайся со мной,
 Ты примиришься щисъ съ Богами и съ собой.
 О Боги! коихъ я во гнѣвѣ, огорченный,
 Къ отмщенію призывалъ бывъ сыномъ раздраженный,
 Раскаянне теперь когда въ немъ зрите вы,
 Проклятіе мое сложите съ сей главы.
 Вамъ добродѣтельный не столько мужъ приятенъ,
 Какъ тотъ кто кается, бывъ злобенъ и развратенъ.

(По нѣкоторомъ молганіи.)

Но Боги ждуть меня, насталь уже мой часъ.
 Гдѣ ты, о дочь! приди, и дай еще мнѣ разъ
 Прижать къ груди моей твою главу любезну.
 Съ тобой, въ терпѣніи чрезъ жизнь прошелъ я слезну;
 И предназначенный свершая нынѣ путь,
 Благодарю тебя: благословенна будь!
 О Полиникъ! тебѣ сестру я здѣсь ввѣряю;
 Сокровища мои всѣ съ нею поручаю.
 Дни драгоцѣнные, покой ея храня,
 Ты помни какъ она покоила меня.
 Гдѣ мечъ? подай.

*(Принявъ мечъ отъ Первосвященника
и поцѣловавъ оный.)*

Жрецы! орудіе примите.

Въ послѣдній разъ отца, о дѣти, обоймите!

П о л и н и к ъ.

Жестокій часъ!

А н т и г о н а.

Тебяль я буду лишена!

(*) При сихъ словахъ Полиникъ раняетъ мечъ и бросается въ объятія отца; одинъ изъ жрецовъ оный мечъ подымаетъ.

Э д и п ъ.

Ты вспомни что намъ жизнь другая суждена.

(Къ жрецамъ.)

Ведите вы меня на жертвоприношенъе.

(Тезей стремительно входитъ, и останавливаетъ Эдипа, который опираясь на Антигону и Полника шелъ ко внутренней галлереи храма.)

Я В Л Е Н І Е Ч Е Т В Е Р Т О Е.

Прежніе, Тезей, Креонъ обезоруженный,
воины Аѳинскіе.

Т е з е й.

Остановись народъ! какое пресупленъе

Ты хочешь совершить предъ правдою Боговъ?

А н т и г о н а.

Конечно намъ она даруетъ швой покровъ!

П о л и н и к ъ.

Спаси родителя, Тезей великодушный!

Э д и п ъ.

Ахъ, дай мнѣ смерть принять, будь мужъ Богамъ послушный!

Кровь царскую пролишь здѣсь повелѣлъ ихъ гласъ,

Мой родъ полезенъ мнѣ хотя въ сей первый разъ.

Такъ, смертію моей жизнь дщери сохраняю,

И пишину тебѣ и граду возвращаю.

А н т и г о н а.

Я радостно умру къ спасенію отца.

П о л и н и к ъ.

Пускай меня разитъ священный мечъ жреца.

Т е з е й.

Нѣшъ, не умрете вы, ни ты о мужъ почтенный,
 Ни нѣжна дочь твоя, ни сынъ тобой прощенный.
 Не съ тѣмъ судьбы, не съ тѣмъ васъ привели сюды,
 Что бы надъ вами днесъ усугубишь бѣды.
 Онѣ гошвили вамъ шишину, опраду,
 За вашъ покой даюшъ побѣду намъ въ награду.
 Къ спасенью сей спраны самъ прежде кровь пролью,
 Чѣмъ вамъ обиду здѣсь какую потерплю.
 Но нѣшъ, безсмертнымъ кровь невинна, благородна
 Для жершвы ни когда не можетъ быть угодна.
 Креонъ одинъ возмогъ небесъ возставишь гнѣвъ.

(Громъ сильный раздается.)

П е р в о с в я щ е н н и к ъ. (Къ Тезею.)

Громъ подтверждаетъ рѣчь. — Сей родственникъ Царевъ
 Прошивъ опечесства крылъ замыслы лукавы;
 Посломъ, здѣсь испровергъ общенародны правы;
 И какъ злодѣй Боговъ ко смерти осужденъ,
 Твоей рукой на казнь онъ ими приведенъ.

(Къ Креону.)

Умри врагъ общества, и врагъ безсмертныхъ дерзкій!
 И опъ лица земли сокрой свой образъ звѣрскій.

К р е о н ъ.

Въ спранѣ сей призрѣнныхъ я зря моихъ враговъ,
 Терзаюсь: и приняшь смерть люшую гошовъ.

(Жрецы цводятъ Креона.)

Э д и п ъ.

Какой судьбой на казнь преступники ведомы!

*(Громъ упадаетъ и поражаетъ Креона
 вошедшаго во внутренность храма.)*

П е р в о с в я щ е н н и к ъ.

Внемлите что въ сей часъ мнѣ возвѣщаютъ громы.

Неисповый Креонъ сей видѣтъ свѣтъ преспалъ,

Небесный громъ сразилъ, и адъ его пожралъ;

Богини въ слѣдъ ему изъ храма удалились.

Эдипъ! твои бѣды опъ нынѣ прекратились.

Но вы, Цари! народъ! въ день научитесь сей,

Что Боги въ благоспи, и въ правдѣ къ намъ своей,

Невинность милуютъ, раскаянью прощаютъ,

И къ трепету земли безбожниковъ караютъ.

К о н е ц ъ т р а г е д і и.

ВЛАДИСЛАВУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ОЗЕРОВУ.

Эдипа видѣлъ я; — и чувство состраданья
По днесъ въ распроганной душѣ моей хранишь
Гонимаго слѣнца прискорбный, томный видъ.
Еще мнѣ слышатся несчастнаго сненанья,
И жалобы его, и грозный клятвы гласъ,
Что ужасомъ мой духъ встревоженный потрясъ.
Еще въ ушахъ моихъ печальной Анпигоны
Унылый длился вопль и раздаются стоны.
Три крашы солнца лучъ скрывала мрачна ночь,
А я все живо зрю какъ нѣжну, скорбну дочь
Дрожащею рукой отецъ благословляетъ,
И небо, кажется, надъ нею преклоняетъ.
Благодарю тебя, чувствительный пѣвецъ!
Въ душѣ твоей сыскавъ волшебный ключъ сердецъ,
И жалость возбуждая къ чести гонимой рокомъ,
Ты далъ почувствовать оправданъ слезъ потокомъ,
Который изъ очей всѣхъ зритель извлекъ,
Что къ сердцу близокъ намъ несчастный человекъ.
О! какъ искусно ты умѣлъ спрасней движеньи
Въ изгибахъ душъ открыть и взору показать:
Тупъ скорбнаго отца въ невольномъ преступленьи,
Тамъ сына злобнаго, раскаяньемъ терзашъ;
Белику душу здѣсь, тамъ мщенья духъ кичливый,
Отъ гнѣва къ жалости стремительны порывы,
Нѣжнѣйшей дочери унынїе явишь,
И въ души наши всѣ ихъ спрасни перелишь.

Теки жъ, любимецъ музъ! — Во храмъ Мельпомены,
Къ которому взошелъ по скользкой ты горѣ,
Неувядаемый, рукой ея сплешенный,
Лавровый ждешь тебя вѣнокъ на олтарѣ.
Теки, и презря ядъ Зоиловъ злоязычныхъ,
Въ опасномъ поприщѣ ты бѣгъ свой проспирай;
Внемли плесканью рукъ, и вѣкъ не забывай,
Что зависть спутница однихъ даровъ опличныхъ;
Что яркимъ озаренъ сіяніемъ предмѣшь
Мрачнѣйшу за собой на землю тѣнь кладешь.

Василій Капнистъ.

ДИМИТРІЙ ДОНСКОЙ,

Т Р А Г Е Д І Я

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

ВЪ СШИХАХЪ.

Представлена въ первый разъ на С. Петербургскомъ театрѣ придворными ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА актерами въ 14 день Генваря 1807 года.

Второе изданіе.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
печашано въ Типографіи Ивана Глазунова
1816 года.

Новымъ изданіемъ печатапіъ позволенося

съ тѣмъ, чшобы по напечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министра Просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Марта 14 дня, 1816 года.

Цензоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Ив. Тилковскій.

Е Г О

ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ

АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Димитрій поразивъ высоколѣрнаго Мамая на задонскихъ поляхъ, положилъ натаю освобожденію Россіи отъ ига Татарскаго. ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО возбудили Славу Россіянъ на защищеніе свободы Европейскихъ Державъ. Будущіе вѣка благословятъ твердость и великодушіе Монарха принявшаго оружіе для спасенія разноплеменныхъ народовъ отъ ига жестокостиваго завоевателя. Пѣвецъ Димитрія облагодѣтельствованный ВАШИМЪ благоволеніемъ, пріемля смѣлость посвятить ВАШЕМУ ВЕЛИЧЕСТВУ сію Трагедію, завидуетъ щастію тѣхъ пѣвцовъ, кои трезъ столѣтія, возпламенясь великими дѣяніями воспоютъ кроткое ВАШЕ Царствованіе, славу ВАШЕГО оружія, благоденствіе подвластныхъ ВАМЪ народовъ, и не будутъ порицаемы лестию. — Благодарное потомство будетъ съ восхищеніемъ внимать истиннѣ ихъ гласовъ, ибо теловѣколюбивый и милосердый Государь принадлежитъ не одному вѣку: но послѣдствію неизмѣримому вѣковъ.

Всемилоспивѣйшій Государь

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

вѣрноподданный

Владиславъ Озеровъ.

ДИМИТРІЙ ДОНСКОЙ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ ЛИЦЫ.

ДИМИТРІЙ, Великій Князь Москов-
скій.

Г. Яковлевъ.

КНЯЗЬ Тверскій.

Г. Щениковъ.

КНЯЗЬ Бѣлозерскій.

Г. Шциеринъ.

КНЯЗЬ Смоленскій.

Г. Шараповъ.

КСЕНІЯ, Княжна Нижегородская.

Г-жа Семенова.

ИЗБРАНА, наперсница Ксеніи.

Г-жа Сахарова.

МИХАИЛЬ Бренской, оруженосецъ
Димитрія.

Г. Бѣлобровъ.

БОЯРИНЪ Московской.

Г. Сахаровъ.

ПОСОЛЬ Мамаевъ.

Г. Бобровъ.

ВОИНЫ.]

Г. Супруновъ.

Г. Глухаревъ.

КНЯЗЬЯ Рускіе.

БОЯРЕ Московскіе.

РЫНДЫ.

ВОЙСКО Руское.

ТАТАРЫ, пришедшіе съ Посломъ.

Д Ъ Й С Т В І Е П Е Р В О Е.

*Театръ представляетъ шатеръ Великаго Князя
Московского.*

Я В Л Е Н І Е П Е Р В О Е.

Д и м и т р і й и прочіе Россійскіе Князья, Бояре,
Военачальники, сидящіе и соспавляющіе совѣщъ.

Д И М И Т Р І Й.

Россійскіе Князья, Бояре, Воеводы,
Прешедшіе чрезъ Донъ опыскивать свободы
И свергнувъ наконецъ насильствія яремъ!
Доколѣ было намъ въ Опечествѣ своемъ
Терпѣть Татаровъ власъ, и въ униженной долѣ
Рабами ихъ сидѣть на Княжескомъ престолѣ?
Уже близъ двухъ вѣковъ, какъ въ ярости своей
Послали небеса жестокихъ сихъ бичей;
Близъ двухъ вѣковъ, враги по явные, по скрытны,
Какъ враны алчныя, какъ волки ненасытны,
Татары губящъ, жгущъ, и разхищаютъ насъ.
Къ опмщенью нашему я созвалъ нынѣ васъ:
Бѣды плашны врагамъ настало нынѣ время.
Кипчакская Орда, какъ исполинско бремя
Лежала въ цѣлоси на Росскихъ раменахъ,
И разсѣвала вокругъ уныніе и страхъ;
Теперь ошъ тягости распалася на части.
Междоусобна брань, раздоръ, и всѣ напасши,
Которыми предъ симъ Россійская спрана
До разслабленія была доведена,
Прешли въ сію Орду. Возникли новы Ханы,
Ошпорглись ошъ нее: Но алчныя пираны
Едва возникшіе, нашъ угрожаютъ край.
Изъ нихъ алчнѣе всѣхъ, хитрѣе всѣхъ, Мамай,

Задонскія Орды властитель злочестивой,
 Возсталъ прошиву насъ войной несправедливой.
 Онъ къ намъ уже спѣшилъ, и можетъ быть сей Ханъ
 Съ зарею завтрешней предъ нашъ явится спанъ.
 Но видя Росскихъ силъ внезапно соединенье,
 Смутился сердцемъ онъ, и мыслью впалъ въ сомнѣнье;
 Посольство предъ собой рѣшилъ къ намъ прислать.
 Друзья Димитрія! разсудите ль принять?
 Иль твердыми пребывъ въ намѣреніи геройскомъ,
 Мамаю отвѣчать мы будемъ передъ войскомъ?
 Чѣмъ первый Россіянъ, и смѣлый ихъ ударъ
 Раздался по землѣ и ужаснулъ Тапартъ.

ТВЕРСКІЙ.

Такъ, будемъ отвѣчать предъ войскомъ въ ратномъ полѣ.
 Ни кто изъ васъ, Князья, меня не можетъ болѣ,
 Желашъ олимпіенія врагамъ свирѣпымъ симъ.
 Чей родъ во бѣдствіяхъ сравняется съ Тверскимъ?
 Мой дѣдъ, и прадѣдъ мой, въ мученіяхъ безмѣрныхъ,
 Главы сложили въ гробъ, измѣною невѣрныхъ;
 И прахъ спонаетъ ихъ подъ властію Орды.
 Великій Россовъ Князь! ты созвалъ насъ сюды,
 Не съ тѣмъ, чтобы вступать съ Мамаемъ въ договоры;
 Но биввою рѣшилъ и кончить съ нимъ раздоры.
 Тверское воинство родителъ ввѣрилъ мнѣ;
 Нижегородскій Князь, участвуя въ войнѣ,
 Но древностію лѣтъ, не въ силахъ выйти въ полѣ
 Свою отважну рать моей повѣрилъ волѣ. —
 Отъ устѣя Оки, отъ Волжскихъ береговъ,
 Привелъ я храбрыхъ сонмъ, искалъ, сражалъ враговъ,
 Или за вѣру палъ, и лечь за Русску землю.
 Когда наградою я Ксенію приѣмлю,
 Коль града Нижняго прелестная Княжна
 Отцемъ ея мнѣ быть супругой суждена,
 На всѣ опасности отважись я смѣю. —
 Я ждалъ ее во спанъ: но соединюся съ нею,

Когда велишь мнѣ Богъ съ сраженія сойти,
 И въ даръ ея опцу доспѣхъ врага нести. —
 Всѣ Русскіе Князья съ отважностію равной
 Горятъ принявъ мечи, и въ бой спремись славной;
 Почто же видѣшь намъ Мамаева посла?
 Когда пріязнь Ташаръ бытъ искренней могла?
 Пойдемъ прошиву ихъ, сопремъ ихъ горды силы,
 Или найдемъ себѣ здѣсь славныя могилы.

Б Ъ Л О З Е Р С К І Й.

О! сколько щасливъ я, до сихъ доживши дней,
 Согласье видя здѣсь, любовь между Князей,
 И на враговъ въ сердцахъ единодушну ревность. —
 И такъ въ опверзтый гробъ мою склоняя древность,
 Почіющимъ опцамъ могу надежду нести,
 Что возстановится спраны Россійской честь;
 Что возвратится ей могущество и слава. —
 О шѣнь Владимира! и ты, шѣнь Ярослава!
 Родоначальныя домовъ Княжихъ главы!
 На лонѣ Ангеловъ возвеселишесь вы,
 Когда предвидете благополучно время,
 Какъ раздѣленное народовъ Русскихъ племя
 Соединясь душой одной, въ составъ одинъ,
 Явится въ торжествѣ, какъ грозный исполинъ;
 И миру дастъ законъ Россія съединенна. —

(Къ Димитрію.)

Димитрій! для тебя побѣда несомнѣнна. —
 Нѣтъ, никогда еще такой обширный спанъ
 Не собирали въ жизнь, ни дѣдъ швой Іоаннъ,
 Ни гордый Симеонъ, ни крошкѣй швой родишель. —
 И Бѣлозерскихъ силъ я давній предводишель,
 Не видѣлъ, чѣмъ когда Россія извела
 Ошважныхъ ратниковъ поликаго числа. —
 Изъ Русскихъ всѣхъ Князей одинъ Олегъ въ Рязани
 Остался въ праздности, и безъ участія въ брани;
 Одинъ на общій спонъ его безчувственъ слухъ. —

Погибни память шѣхъ, которыхъ можешь духъ
 Бѣды отечества спокойнымъ видѣшь взоромъ;
 Иль лучше имя ихъ пущай преидетъ съ позоромъ
 Въ попомство позднее, и въ безконечный стыдъ. —
 Но сколь, о Государь! успѣхъ тебѣ ни льспишь,
 Совѣшь однакожъ мой, принявъ Татаръ посольство:
 И естли можемъ мы возстановить спокойство,
 Пламя Мамаю дань

(Всѣ Князя изъясляютъ негодованіе.)

ДИМИТРІЙ.

О Бѣлозерскій Князь!

Что предлагаешь ты? чѣмъ брани убоясь,
 Поспѣдной подающею мы власть признали Ханску?

БѢЛОЗЕРСКІЙ.

Что бы щадили кровь безцѣнну, Христіанску.
 Мамая побѣдивъ, брегися, чѣмъ Орды
 Не соединились вновь для нашей бѣды;
 Брегись, чѣмъ подвигъ сей, намъ временно щасливый,
 Не возбудилъ опять ихъ духъ властолюбивый;
 И чѣмъ наконецъ не усмотрѣлъ ихъ взоръ,
 Сколь вреденъ власти ихъ щеславія раздоръ,
 Который межъ собой ихъ Хановъ раздѣляетъ.
 Скорѣй обиженный обиды забываетъ
 Чѣмъ томъ, кто ихъ нанесъ въ свирѣпости своей.
 И грабежи, пожаръ, убійство женъ, дѣтей,
 Которые на насъ Татары изливали,
 По мнѣнью ихъ, Ордамъ надъ нами право дали:
 Своею вѣщиной они Россію чшущъ.
 Зря наше мужество нестройствія прервущъ;
 На бѣдства Россіянъ согласны будутъ вскорѣ. —
 Дай лучше имъ слабѣть въ ихъ пагубномъ раздорѣ;
 Дай намъ усилився средь мирной тишины;
 И опклонивъ опъ насъ случайности войны,
 Ты миръ предпочитай побѣдѣ безполезной.

ДИМИТРИЙ.

Ахъ! лучше смерть въ бою, чѣмъ миръ принять безчестной.
 Такъ предки мыслили: шакъ мыслишь будемъ мы. —
 Прошли тѣ времена, какъ робкіе умы
 Въ Ташарахъ видѣли орудіе небесно,
 Чему пропавишься безумно и невмѣстно. —
 Но въ наши дни, и честь и самой вѣры гласъ
 Противъ мучителей вооружающъ насъ. —
 Сей гласъ вѣщаетъ намъ, сей вѣры гласъ завѣстной,
 Что павшему въ бою вѣнецъ готовъ безсмертной;
 Что въ радость райскую чрезъ гробъ вступаешь онъ.
 О Сергій! пастырь душъ, кого согражданъ споняъ
 Толико разъ смущалъ среди молитвъ пустынныхъ,
 Толико слезъ извлекъ на участь невинныхъ;
 О ты! который намъ священной рукой
 Явивъ, благословилъ сей лежащій бой,
 Изъ шой обипели, гдѣ дни ведешь смиренны,
 Внуши мои слова: побою вдохновенны,
 Желаньемъ пусть зажгутъ Россійскія сердца
 Искать свободы здѣсь, иль райскаго вѣнца. —
 Такъ, лучше жить преспать, иль во все неродиться,
 Чѣмъ племенамъ чужимъ подъ иго покориться;
 Чѣмъ званьемъ данниковъ корысплюбую льстить. —
 Симъ рабствомъ ли бѣды мы можемъ отвратить?
 Кто плашишь дань, тотъ слабъ; кто слабый духъ являетъ,
 Тотъ алчность наглую къ обидѣ призываетъ.
 Но Ханскаго посла согласенъ я принять,
 И внесъ предъ сонмъ Князей, не съ шѣмъ, чтобы внимать
 Ташарской наглости постыднымъ предложеньямъ;
 Но чтобы явить ему готовый духъ къ сраженьямъ;
 Чтобы мужество чиналъ на вашихъ онъ челахъ,
 Содрога бѣ, и принесъ во спанъ къ Мамаю спрахъ.

СМОЛЕНСКІЙ.

Весь сонмъ на твой совѣтъ согласье изъявляетъ.

ДИМИТРІЙ.

Посланникъ близъ шапра рѣшенья ожидаетъ;
Ты Бренской, приведи прибывшихъ къ намъ Ташаръ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Всѣ прежніе, исключая Бренскаго.

БЪЛОЗЕРСКІЙ.

Твоимъ младымъ лѣтамъ приличенъ, свойственъ жаръ,
Съ копорымъ, Государь, спремимся на сраженье. —
Любви къ опечесву похвальное внушенье!
Ахъ! далъ бы Богъ вѣнчать свободою намъ бой.
Но я исполнилъ долгъ. — Покрытый сѣдиной,
Я почерпнулъ совѣтъ не въ пылкости сердечной,
Всегда рѣшительной минутой скоротечной:
Но въ долгихъ опытахъ прожиныхъ мною лѣтъ;
И спарецъ въ правѣ я нельстивый дать совѣтъ. —
Онъ робкимъ кажется: но смѣльство нужно вою;
Въ совѣтахъ истинной вѣщать хочу одною. —
Посолъ вступаешь къ намъ: Димитрій! не забудь,
Что предлежитъ тебѣ избрать надежный путь,
Копорымъ возвести опечество обязанъ;
Что Русской весь народъ съ твоимъ глаголомъ связанъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Русскіе Князья сидящіе, Посолъ Мамаевъ со-
провожденный нѣсколькими Ташарами.

ПОСОЛЪ.

Россійскіе Князья! непобѣдимый Ханъ
Задонскія Орды, и всѣхъ восточныхъ странъ,
И Русскія земли верховный обладатель,
Вашъ грозный судія, крамольниковъ каратель,

Ту руку, коею нанесъ вамъ долженъ смертъ,
 Благоволилъ еще на благости проспертъ. —
 Остановляешъ онъ грозящи вамъ удары,
 И за Непрядвою удержаны Ташары. —
 Съ Мамаемъ девять Ордъ, и семьдесятъ Князей; (*)
 Съ нимъ страшный испоинъ, наѣздникъ Челубей, (**)
 Чья грудь широкая, какъ бы спѣна средъ боевъ;
 Чей мечъ ужаснѣ великой рати воевъ. —
 Прошиву нашихъ силъ вамъ можно-ль устоятъ?
 Смиритесь лучше вы, разсѣйте вашу рать,
 Отправьте должну дань покорствуя Мамаю. —
 Я именемъ его вамъ милость обѣщаю. —
 Раскаяніе зря, рѣшится онъ простишь,
 И вашу жизнь еще позволишь вамъ продлишь.

Д И М И Т Р І Й.

О дерзостный посолъ надмѣняйшаго Хана!
 Обширность видѣлъ ты Россійскихъ воевъ спана,
 Здѣсь видишь храбрыхъ сонмъ, и жизнь, какъ нѣкій даръ,
 Намъ смѣешь предлагать онъ благости Ташаръ?
 Но жить еще кому, иль намъ, или Мамаю,
 Оружіе рѣшишь; и твердо уповаю,
 Чпо чудный крѣпостью, и справедливый Богъ
 Поможетъ намъ содрѣшь гордыни вашей рогъ;
 Поможетъ намъ опмспитъ, убійства, расхищенья,
 Пожары, грабежи, всѣ роды испребленья,
 Кошорые онъ васъ Россія пренесла.
 Бошъ ваши подвиги, вошъ славныя дѣла,
 На чпо ссылаяся вы требуете дани! —

(*) По исторіи см. Сприштера.

(**) Одно несчастіе Мамаю сокрушаетъ,
 Чпо сильный Челубей пронзенъ въ крови лежитъ,
 Лежитъ и поля часть велику покрываетъ.

Но брань конецъ правамъ добышымъ черезъ брани. —
 Осталось мужество единымъ намъ добромъ;
 И Хану дань несемъ не златомъ, не серебромъ;
 Но дани для него мы собрали иныя;
 Мечи булатные и стрѣлы каленыя:
 Пусть оныя принять Непрядву перейдетъ.

ПОСОЛЪ.

Какая слѣпота васъ къ гибели ведетъ?

ДИМИТРІЙ.

Какою алчностью вы къ гибели ведомы?

ПОСОЛЪ.

По праву сильного всѣ ваши земли, дома,
 И все имущество спяжаніе Татаръ;
 И самый солнца свѣтъ вамъ Хановъ нашихъ даръ.

ДИМИТРІЙ.

Но право храброго мечемъ отмщать убійство,
 Свободу защищать, и отражать насильство.

ПОСОЛЪ.

Или не помните Батыевыхъ побѣдъ?

ДИМИТРІЙ.

Для мести намъ Батый оставилъ вѣчный слѣдъ.

ПОСОЛЪ.

Спрашиваетъ раздражить Мамай не покорствомъ!

ДИМИТРІЙ.

(Вставая и за нимъ всѣ Князья встаютъ.)

Татаринъ! я своимъ скучаю ужъ упорствомъ;
 Но чья въ лицѣ Посла народныя права,
 Презрѣнье мой отвѣтъ на дерзкіе слова. —
 Ты наше войско зрѣлъ, рѣшимость нашу знаешь,
 Чего же медлишь здѣсь? чего ты ожидаешь?

Иди къ пославшему, и возвеси ему,
Что Богу Русской Князь покоренъ одному.

ПОСОЛЪ.

Иду отсель. Но знай, о Князь высокомерный!
Что будешь надъ тобой Мамаея гнѣвъ примѣрный.
Съ сего уже часа покорисьвуй, или нѣтъ,
Нашъ Ханъ Димитрію пощады не даетъ. —
Для Русскихъ всѣхъ Князей на милость онъ склонился,
Съ тобою же никакъ, ничѣмъ не примирится;
И будешь тотъ владѣть престоломъ и Москвой,
Кипо явился къ нему съ твоей въ рукахъ главой.

БРЕНСКОЙ.

(Берется за мѣтъ.)

Ордынецъ дерзостный!

ДИМИТРІЙ.

(Останавливая Бренскаго.)

Оставь его безумство!

Престола хищника Послу прилично буйство.

(Къ Послу.)

Скажи, что я горжусь Мамаевой враждой.

Кто чести, правды врагъ, тотъ врагъ конечно мой.

(Подаетъ знакъ, чтобъ Татаръ вывели.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Всѣ прежніе, исключая Татаръ.

ДИМИТРІЙ.

Вы видѣли, Князя! Татарскую гордыню. —
Россіи миру нѣтъ, доколь ее въ пустыню
Свирѣпостью своей враги не превращаютъ,
Иль къ рабству приучивъ сердецъ неразвращаютъ,
И не введутъ межъ насъ свои злочесныя нравы. —
Отъ нашей храбрости намъ должно ждаться управы;

Въ крови враговъ омышь прошедшихъ лѣтъ позоръ,
И начерташъ мечемъ свободы договоръ.
Тогда по истиннѣ достойными опцами
Мы будемъ Россіянъ, освобожденныхъ нами.

Б Ъ Л О З Е Р С К І Й.

Я прежде, Государь, пропивилъся войнѣ:
Теперь согласнымъ бытъ съ тобою должно мнѣ. —
Какой Россійской Князь пребудетъ равнодушенъ
Словамъ Посла внимавъ, и сердцемъ рабъ послушенъ,
Захочетъ въ страхѣ жиить, и дни какъ цѣпи влечь;
Кино склонится на миръ, когда убійства мечъ
Главу вождя Князей паденьемъ угрожаетъ. —
Пусть Ханъ шебѣ дастъ миръ, иль всѣхъ насъ поражаетъ.

Т В Е Р С К І Й.

Но ждаль ли чѣмъ Мамай Непрядву перешель?
И нашей храбрости сія-ль рѣка предѣль?
Коль въ полѣ боевомъ намъ суждена свобода
Во станѣ-ль заключась, Ордынцовъ ждаль прихода?
Отважностью, Князья, предупредимъ ихъ трудъ. —
Посольскіе слѣды къ ихъ спану насъ ведутъ:
Смятеніе принесемъ для нихъ внезапнымъ боемъ;
И Ханскіе шапры ихъ трупами покроемъ.

Д И М И Т Р І Й.

Такъ, тамъ вранамъ степнымъ ихъ предадимъ шѣла.
Но вечерѣешь день: и храбрые дѣла
Должныль сокрыты бытъ въ покровахъ ночи мрачной?
Ахъ! вѣшь; черезъ вѣка, какъ бы чрезъ токъ прозрачной,
Они должны сіять въ блестящей ихъ красѣ. —
При первомъ свѣтѣ дня, по упренней росѣ,
Слѣды горячіе къ безсмертію проложимъ,
И явностію дѣлъ ихъ славу мы умножимъ. —
Тверскій! видъ мужества носящій на челѣ,
Начальствуй завтра ты на правомъ войскъ крылѣ. —

Крыло же лѣвое пускай ведетъ Смоленскій. —
 А ты почтенный мужъ, Князь мудрый Бѣлозерскій!
 Извѣстный доблестями, ты полкъ веди большой. —
 Съ спорожевымъ за лѣсъ пусть братъ засядетъ мой,
 И выждавъ случай тамъ къ внезапну нападеню,
 Способствуешь враговъ къ сугубому смятеню. —
 Но полкъ передовой я завтра самъ веду.

БѢЛОЗЕРСКІЙ.

Какую, Государь, вѣщаешь намъ бѣду!
 Тебѣ-ль въ опасности вдаваться нынѣ можно,
 И несть свою главу врагамъ неосторожно?
 Для Россовъ счастливыхъ правленіемъ твоимъ
 Младый, цвѣтущій вѣкъ твой долженъ быть хранимъ;
 И подданныхъ покой въ твоей хранился длани.

ДИМИТРІЙ.

Мой долгъ въ день мира судъ, и мужество въ день брани.
 Могу ли ратнику сказать: иди впередъ,
 Коль духу мой примѣръ ему непридаешь?
 И если Богъ судилъ, въ своемъ благомъ совѣтѣ,
 Для щастья Россіянъ мнѣ дни продлишь во цвѣтѣ,
 Чего спрашишеся? средь вражескихъ полковъ,
 Пріосѣнишь меня, какъ щипъ его покровъ. —
 Идите же друзья, и войскамъ объявите,
 Чло къ утру бой рѣшенъ. Ихъ ярость возбудите,
 Пролейте мести жаръ въ решивы ихъ сердца. —
 Кто надъ могилою иль дѣда, иль отца,
 Не плакалъ о бѣдахъ Россійскаго народа?
 Днесъ, мщеніе предстоитъ; наградою, свобода;
 Надеждой вѣрною, Богъ крѣпости и силъ,
 Чей духъ Израиля въ пустынѣ предводилъ,
 И былъ кто нѣкогда споборникъ Маккавею. —
 Одушевите рать отважностью своею.

(Всѣ Князья уходятъ.)

Я В Л Е Н І Е П Я Т О Е.

Димитрій, Бренской.

Б Р Е Н С К О Й.

Сыновъ отечества для радостныхъ сердець
 Какое чувствіе! раздору зря конецъ,
 Копорый раздѣлялъ Владимира попомство.
 Однихъ по истиннѣ мужей великихъ свойство
 Соединять умы, поставитъ цѣлью честь,
 И мысли всей страны своею мыслью вестъ. —
 Бояре и Князья, народъ и Воеводы,
 Черезъ тебя горятъ желаніемъ свободы;
 Разноначальственна Россійская земля
 Покорна одному, своимъ словамъ внемля.

Д И М И Т Р І Й.

Щастливѣе стократъ, кто въ неизвѣстной долѣ
 Рожденіемъ сокрытъ въ своей свободѣ волѣ,
 И можетъ чувствами души располагать.

Б Р Е Н С К О Й.

Приличноль на судьбу Димитрію роптать!
 Иль хочешь возвѣстить что мы увидимъ вскорѣ
 Отечественный край вновь гибнущимъ въ раздорѣ,
 И что души твоей низшедъ во глубину,
 Усмаприваешь ты въ ней тайную вину,
 Рушительницу впредь Россійскаго спокойства.

Д И М И Т Р І Й.

Вседневно рѣчь твоя.

Б Р Е Н С К О Й.

Вседневно безъ притворства
 Гласъ дружбы будешь мой о должности твердишь,
 Старайся спросить твою несчастну истребить.

Д И М И Т Р І Й.

Ты не успѣешь въ томъ: нѣтъ власти столько сильной,
И огонь погаснетъ мой лишь въ хладности могильной.
Мой другъ! видъ Ксеніи, прелестнѣйшій сей видъ
Всѣ помышленія, весь духъ во мнѣ живишь;
Имъ сердце страстное въ Димитріѣ біется,
И смертію одной любовь въ душѣ прервется.
Не осуждай ее: она счастливый даръ;
Она произвела сей доблестивенный жаръ,
Съ которымъ я спремлюсь опечесиво избавить,
Свободу возвратить и мой народъ прославить.

Б Р Е Н С К О Й.

И такъ Геройскій жаръ, который произвещъ
Должны бы званія верховный долгъ и честь,
Въ тебѣ случайный жаръ, опъ взора порожденный!
И такъ, не зрѣвъ Княжны, Димитрій униженный
Подъ игомъ у Ташаръ спокойно бѣ дни провелъ,
И память съ жизнію во плѣнный гробъ низвелъ.
Нѣтъ, нѣтъ: твои слова любви лишь искусство,
И болѣе тебя твое я знаю чувство,
И сколь къ опечесиву твой преданъ вѣрный духъ.
Не взора страстного могъ ожидать мой другъ,
Что бы отважиться на подвигъ благородной;
Довольно для него и горести народной,
Довольно храброси, носимой имъ въ крови.
Но я бѣ не осуждалъ сей пылкія любви,
Когда бѣ не видѣлъ въ ней несчастнѣйшихъ послѣдствій,
Междоусобій вновь, и вновь народныхъ бѣдствій.
Ты самъ рѣши: Тверской тебя предупредивъ,
Родишеля Княжны согласье получивъ,
Потерпишь ли еще любовь ему совмѣстну?

Д И М И Т Р І Й.

Почто напоминать души печаль извѣстну!
Такъ, Ксенія ему въ супруги суждена:

Но коль союзъ съ Княжной любовь свершать должна,
 Когда взаимна спрасъ даетъ права надъ нею,
 О Бренской! я тогда всѣхъ болѣ правъ имѣю;
 Всѣхъ болѣ люблю, всѣхъ болѣ любимъ.
 Ты не былъ въ храмъ томъ, гдѣ вдругъ глазамъ моимъ
 Предстала Ксенія въ день перваго свиданья.
 Во мнѣ то жаръ, то хладъ, невольны пререшанья,
 И вся душа въ очахъ, чѣмъ зрѣшь ея красы,
 Явили что люблю. Въ тѣ самые часы
 И чезли въ мысляхъ храмъ, останки тѣ неплѣнны,
 Предъ коими и дочь и мать преклоненны
 Молили премѣнить на милость гнѣвъ небесъ.
 Скорбь матери была виной дочернихъ слезъ,
 Виной прѣзда ихъ во градъ первопрестольный.
 Съ какою прелестью мой спрасный духъ, довольный,
 Чувствительность Княжны въ слезахъ ее чисталъ.
 Влекомъ надеждою молчанье я прервалъ.
 Предъ матерью ея признался въ спраси нѣжной.
 Ахъ! взоръ родившій, сей взоръ всегда прилѣжной
 Въ дочерниной душѣ взаимность чувствъ открылъ;
 И ею ободренъ ужъ я въ надеждѣ былъ,
 Что бракъ, противный бракъ съ Тверскимъ несовершится,
 Что спрасный пламень мой достойно наградится.
 Но сей опрады лучъ блеснулъ на краткій часъ,
 И съ жизнью, увы! Княгини онъ погасъ.
 Болѣзнь медлительна въ груди носима ею
 Свела ее во гробъ съ надеждою моею.
 Я предпріалъ тогда къ родителю Княжны
 Дочь грустну проводить до Низовой страны,
 И тамъ въ любви нашедъ языкъ краснорѣчивый,
 Склонилъ отца на бракъ ее со мной счастливый.
 Возспалъ Мамай, и огонь военный воспала,
 Насъ вызвалъ съ мѣстю въ Задонскія поля;
 Гдѣ образъ Ксеніи въ душѣ изображенной
 Предъ мною носится среди грозы военной;

Гдѣ я надежды всей дополѣ не лишень,
Доколь ея союзъ съ Тверскимъ несовершенъ.

БРЕНСКОЙ.

Надежда тщетная! иль Ксеніи родитель
Обѣщанъ предъ концемъ престанетъ бытъ хранитель!
Когда Россіянинъ рѣшился слово дать,
То безъ стыда ему не можетъ измѣнять.
Иноплеменникамъ, корысти лишь послушнымъ,
И сила квяшъ мала; но Россамъ добродушнымъ
И слова честнаго довольно одного.
Ты знаешь, что союзъ сей вѣренъ до того,
Что Князь Тверской во спанъ невѣсту ожидаетъ,
Гдѣ Ксеніи отецъ для дочери желаетъ
Предъ взорами Ташаръ воздвигнуть брачный храмъ.

ДИМИТРІЙ.

Не мысли чтобъ Княжна могла прѣхать къ намъ.
Въ Москвѣ, гдѣ вѣрность мнѣ любви сохраняетъ. —
Судьбы и сей войны рѣшенъ ожидаетъ. —
Но вижу война: какую слышатъ вѣсть!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Димитрій, Бренской, Воинъ.

ВОИНЪ.

Великій Государь! спѣшу тебѣ донести,
Что Князя мудраго земли Нижегородской
Младая дочь во спанъ къ намъ прибыла Задонской.
Шапры шелковые средъ Низовыхъ полковъ
Разкинушы ея.

(Димитрій въ удивленіи и впадая въ задумчивость хранитъ молчаніе.)

Б Р Е Н С К О Й.

(Къ воину. Къ Дмитрію.)

Иди — но ты безъ словъ

При вѣспи таковой задумчивъ пребываешь ;
 Вдыханья тяжкія въ груди своей скрываешь ,
 И горестъ мрачная въ чертахъ твоихъ видна.
 Предъ дружбой не таись — хоть съ строгостью она
 Въ часы спокойствія о страсти разсуждаешь ,
 Въ часы спаданія молчишь и сострадаешь.
 Но можешь коль еще совѣшь услышать мой,
 Отъ вида Ксеніи ты взоръ избави свой.
 Нашъ къ утру бой рѣшенъ, приуготовся къ бою ,
 И съ поля съ славою приличною герою
 Спѣши въ Москву дѣлить народно торжество,
 Вънецъ трудовъ Князей.

Д И М И Т Р І Й.

Чтобъ брачно празднество

Сопернику свершилъ дозволилъ я спокойно ;
 Чтобъ ярости моей не предался достойно;
 Невѣрной Ксеніи измѣну бы терпѣлъ !
 По клятвахъ кои я въ любви ея имѣлъ
 Хочу въ послѣдній разъ предстать передъ невѣрной ,
 Чтобъ укорять ее любовью лицемѣрной ;
 Чтобъ при соперникѣ въ измѣнѣ обличилъ ,
 И ревностью, его веселье помрачилъ ;
 Что бы Тверской, моимъ примѣромъ наученный,
 Не вѣрилъ такъ же ей, сомнѣніемъ смущенный
 Пойдемъ, увѣримся, что я ужъ нелюбимъ.
 Но завтра бой конецъ мученіямъ моимъ.

К о н е ц ъ п е р в а г о д ѣ й с т в і я.

—

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

*Оное происходитъ предъ шатрами Нижегородской
Княжны Ксеніи.*

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Ксенія, Избрана.

ИЗБРАНА.

Какое зрѣлище для Росскихъ воевъ ново!
Средь спана шумнаго, гдѣ чувствіе сурово
Одной пипаеся военною грозой,
Увидяшъ мирный храмъ, и ходъ блестящій твой,
Который брачными свѣщами озарится.

КСЕНІЯ.

Избрана! никогда сей бракъ несовершится;
И въ храмъ для меня свѣщей печальный свѣтъ
Лишь долженъ освятишь монашества обѣтъ;
Мнѣ долженъ быть зарей желаннаго спокойства.
Пріѣздъ въ Задонскій спанъ послѣдній долгъ покорства,
Чѣмъ я родителю обязана была.
Но руку чѣмъ мою Тверскому въ храмъ несла,
И тамо клятвою съ душою несогласной,
Я бѣ ушвердила бракъ для обоихъ несчастной;
Сказалабъ, что люблю, что буду въ вѣкъ любить,
Какъ сердце о другомъ непреспаесть швердить,
Когда Димитрія сіе мнѣ сердце спрасшно
Непреспаесть являшъ по всюду, и всечасно;
Нѣшъ: клятвою такой у брачныхъ олшарей
Языкъ бы мой солгалъ предъ небомъ и землей;
И произнесъ ее во мнѣ не будешъ силы.
Обишель шихая, подобіе могилы,
Меня пусть скроешь въ сѣнь священной тишины.

ИЗБРАНА.

Увы! и тамъ сердца спрасней не лишены;
И тамъ любезный видъ, опъ мыслей не опспупный,
Пишашъ твоей бедешъ огнь предъ званіемъ преступный.

КСЕНІЯ.

Но тамъ хопя могу свободно въ день спрадашъ;
Свободно въ ночь мой одръ слезами орошашъ,
Которыя бѣ должна передъ супругомъ гнѣвнымъ
Въ груди удерживашъ съ усиліемъ душевнымъ,
И горести предъ нимъ какъ таинство хранишъ.
Но мыслишъ нехочу, чѣшъ небо оскорбишъ
Могла любовью я старая безнадежно.
Ахъ! не оно ли намъ даруешъ сердце нѣжно,
Дашъ чувствительность, несчастія печашъ,
И въ храмы насъ зоветъ чѣшъ скорби облегчашъ.
Тамъ вѣра крошкая къ несчастливымъ вѣщашъ,
Чѣшъ Богъ Утѣшитель, и слабости прощашъ;
И тамъ среди подругъ, мой будешъ томный гласъ
Желанный призывашъ послѣдній жизни часъ.
Какъ селю былое опъ зноя изсушенно,
Такъ сердце опъ тоски любовной сокрушенно,
Прервешъ біенія въ груди прискорбной сей;
И вскорѣ сопрягусъ съ могилою моею.

ИЗБРАНА.

Уже ли молодость погубишъ ты во цвѣтѣхъ?
Тебѣ ль съ весеннихъ дней имѣшъ лишь смерть въ предметѣхъ?
Ахъ! лучше, Ксенія, совѣшъ пріемля мой,
Сердечны чувства родителю открой;
И уповаю я

КСЕНІЯ.

Нѣшъ, упованье ложно!
Родитель слово далъ, то слово непреложно.

Спросился ли меня, иль съ сердцемъ онъ моимъ,
 Когда предположилъ мой грустный бракъ съ Тверскимъ.
 Подъ игомъ у Татаръ, мы заняли ихъ нравы,
 И пола нашего межъ насъ ничтожны правы.
 Родимся что бы несть въ терпѣніи яремъ
 Въ дому родительскомъ, въ супружествѣ своемъ,
 Которое всегда опцовъ рѣшился властью,
 И рѣдко счастливо чешы взаимной спрасью.
 Еще бъ надѣялась, когда бы нѣжна мать
 Могла плачевну дочь любовью защищать.
 Но у меня ее опъяла смерть сурова.
 О мать добрая! на свѣтѣ безъ покрова
 И беззащитную оставила ты дочь.
 Ахъ! въ мершвой пишинѣ, черезъ глубоку ночь,
 Которая тебя въ могилѣ покрываетъ,
 Вземли ты ей: здѣсь мнѣ ни кто не опвѣчаетъ;
 Здѣсь грусть мою цѣнить не можно ни кому;
 И смертный топъ одинъ, чье сердце моему
 Могло бъ опвѣстствовать, кто чувство раздѣляетъ,
 Того мнѣ спрегій долгъ забыть повелѣваетъ.
 О другъ единственный! опъ смерти пробудись,
 И шѣнью легкою вокругъ меня носись;
 Пролей во грудь мою опраду упованья;
 Скажи, что ждешь меня къ скончанію спраданья;
 Скажи, что скоро ждешь; скажи, что близокъ часъ,
 Который съединишь во гробѣ долженъ насъ.

ИЗБРАНА.

Ахъ нѣтъ; до днесъ еще толь мрачныя печали
 Ни взоры, ни уста твои не выражали!

КСЕНІЯ.

Увы! чѣмъ ближе день, въ который я должна
 Съ моимъ любезнымъ быть на вѣкъ разлучена;
 Тотъ день, въ который долгъ мнѣ повелитъ спараться
 И самой мыслію съ Димитріемъ разспаться,

Тѣмъ болѣе шоска пугчипъ мой слабый духъ.
 И здѣсь, во спанѣ семъ, гдѣ все вѣщаешъ вкругъ,
 Сколь прочихъ смертныхъ онъ душою превосходишъ,
 Гдѣ къ славѣ Россіянъ онъ доблестью предводишъ,
 Гдѣ все гласишъ, что онъ достоинъ бышъ любимъ,
 Гдѣ съ нимъ теперь дышу я воздухомъ однимъ,
 И все, что восхищашъ моглобъ любовь щасливу,
 Все душу твою перзаешъ здѣсь шоскливу.
 Но ты велѣла ли Тверскому объявишъ,
 Чшо вечера сего хочу съ нимъ говоришъ;
 Чшо жду его сюда? Ахъ! завтра же, Избрана,
 При упренней зарѣ я выѣду изъ спана.

ИЗБРАНА.

Съ прѣзда, воина послала я къ нему.
 Но между тѣмъ къ шашру я вижу швоему
 Въ сопровожденіи Димитрія идуща.

КСЕНІЯ.

Минуша тяжкая, и горести несуща!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Димитрій, Ксенія, Бренской, Избрана.

ДИМИТРІЙ.

*(Подошедъ къ Ксеніи по нѣкоторомъ
 молганіи.)*

Я вижу Ксенію, и сей свиданья часъ
 Печаленъ, молчаливъ, и упомляешъ насъ!
 Тебя моимъ очамъ смущенною являешъ,
 Мнѣ бѣдствіемъ грозилъ, и спрахы подшверждаешъ.
 Такъ нѣшъ сомнѣнія, опвергнушъ пламень мой;
 Другой уже любимъ. — Увы! но кто другой,

Но кто изъ смертныхъ всѣхъ любить такъ можешь спрасно
Какъ я тебя любилъ, какъ я люблю несчастно!

КСЕНІЯ.

Но ты несправедливъ!

ДИМИТРІЙ.

Несправедливъ! скажи

Моихъ сомнѣній мнѣ неправоту докажи.

Чтобъ голосъ нынѣ твой, веселье, прелесть слуха,

Спокоилъ, упоилъ во мнѣ смятеніе духа.

Одинъ лишь можешь онъ мою тоску развлечь;

Какъ даръ живительный твоя мнѣ будетъ рѣчь.

Скажи, что любишь ты, какъ ты любила прежде,

Увѣрь, и утверди меня въ моей надеждѣ,

Что насъ никто, ни какъ, ни чѣмъ неразлучишь.

КСЕНІЯ.

Могущею рукой насъ всѣхъ судьба влачитъ.

И покаясь родительской я волю,

Во станъ сей прибыла

ДИМИТРІЙ.

(Прерывая рѣчь ея.)

Чего мнѣ слушать болѣ!

Отцу покорна ты? и такъ мой рокъ свершенъ!

Страшишься нечего, мой страхъ уже рѣшенъ.

Но презреть спрасъ мою тебѣ казалось мало;

Жестокости твоей того недоставало,

Что бы свидѣтелемъ Димитрію здѣсь быть,

Какъ будешь ты собой соперника дарить.

Но сколькожъ правъ, какъ онъ, я надъ тобой имѣю.

Онъ избранъ спалъ отцемъ, я избранъ былъ твоею

Умершей матерью передъ концемъ ее.

И болѣе еще согласіе твое,

Обѣщъ твоей любви даюшъ права безспорны. —
 Но укоризнъ не жди за клятвы тѣ прищворны;
 Мнѣ укоряшъ тебя недоспаетъ рѣчей.
 Но бракъ оспановишъ довольно здѣсь мечей;
 Къ защищъ правъ моихъ довольно рукъ гошовыхъ
 Противъ Тирановъ спашъ безчувстввенныхъ, суровыхъ,
 Располагающихъ любовію твоей.
 И горе будетъ имъ! во ярости моей,
 На брань, на люту брань пойду, мой спанъ подвигну,
 И твоего опца я месцію достигну.

КСЕНІЯ.

Постой, о Государь! куда стремишся ты!
 И ревности куда влекушъ тебя мечты?
 Иль хочешъ ты въ своемъ свирѣпомъ испупленьи
 Къ несправедливости прибавишъ преступленьи?
 Иль хочешъ пагубный возпламеня раздоръ,
 Явишъ Ташарамъ здѣсь опечесства позоръ?
 Пригошовишъ имъ побѣду несомнѣнну?
 Россію подъ яремъ веспи окровавленну?
 О ты посшавленный щипомъ ее, главой!
 Ахъ нѣтъ; предъ спрашною напасью таковой,
 Предъ тѣмъ какъ Россовъ вождь безславьемъ посрамишся,
 Пускай рука твоя сразишъ меня спремисся;
 Не дай увидѣшъ мнѣ безчесшья твоего.
 Ты небо! вѣдаешъ любилалъ я его:
 Внимало вздохамъ ты, мои считало слезы,
 И слышишъ нынѣ мнѣ Димитрія угрозы!
 Жестокій, дочь губивъ, опцу грозишъ возмогъ.

(Къ Димитрію.)

Но мщенію какой ты можешъ дать предлогъ?
 Обѣщомъ ли съ побой мой былъ родишель связанъ;
 Опчешомъ ли тебѣ о дочери обязанъ;
 Не власпенъ ли всегда онъ мной располагашъ;
 Хошя несправедливъ, тебѣ ли обвиняшъ?

Несправедливъ ко мнѣ, къ своей единокровной:
 Одна я жертвою, и жертвою безмолвной.
 Но сколь ты самъ неправъ, сколь ты, жестокъ, познай . . .
 Тверской сюда идешь, умѣря гнѣвъ, внимай!

Я В Л Е Н І Е Т Р Е Т І Е.

Всѣ прежніе, Тверскій.

Т В Е Р С К І Й.

О мила Ксенія! о день спокрапъ счастливый,
 Въ который взоръ, тебя узрѣть нетерпѣливый,
 Остановляется на красотѣ твоей;
 Въ который можетъ онъ, опъ чувствъ души моей
 Безъ рѣчи выражать любовь и восхищенье;
 Любовь

К С Е Н І Я.

Прерву твое любовно изъясненіе,
 Гордисься онымъ я напрасно не хочу,
 И слово на предметъ важнѣйшій обрачу.
 Обѣщана тебѣ еще въ такіе годы,
 Какъ выходила я едва изъ рукъ Природы;
 Когда едва себя я знала еще могла.
 Вражда противъ Ташаръ, той связію была,
 Которая нашъ родъ съ Тверскими согласила.
 Намъ общая вражда, нашъ бракъ предположила.
 И мудрый мой отецъ въ тебѣ потомка зрѣвъ
 Князей, которыхъ гналъ Ташаръ свирѣпый гнѣвъ,
 Рѣшился чрезъ меня, предъ Русскимъ всемъ народомъ,
 Соединишь свой родъ съ достойнымъ вашимъ родомъ.
 Не могъ того свершить во время тишины,
 Онъ бракъ назначилъ нашъ средъ шумныя войны,
 Среди случайностей кровопролитныхъ боевъ,
 Предъ сонмомъ всѣхъ Князей, предъ сонмомъ храбрыхъ воевъ;

Чтобъ радостный ихъ кликъ насъ къ храму провожалъ,
И новымъ бѣдспіемъ Ордынцамъ угрожалъ;
Чтобы сей громкій кликъ, на мѣсто пѣсенъ брачныхъ,
Имъ былъ предвѣстникомъ дней горестныхъ и мрачныхъ.

Т В Е Р С К І Й.

Какъ счастливъ твой пріѣздъ! намъ къ утру сказано бой;
И я надѣюсь, что завтра сей рукой,
Ордынцовъ кровію рукою обогрелой
Ко браку поведу тебя во храмъ священной;
И тамъ увѣнчаннымъ мой видя счастливый жаръ,
Я снова поклянусь въ враждѣ противъ Ташаръ!

Д И М И Т Р І Й.

(Въ сторону.)

О гнѣвъ! мнѣ должно ли еще хранить молчанье!

К С Е Н І Я.

(Къ Тверскому.)

Не все сказала я: умножь свое вниманье!
Враждою Государь предположенный бракъ,
Полезнымъ можешь быть, но радостнымъ никакъ.
Взаимная любовь въ немъ счастье утверждаетъ,
И узы брачныя весельемъ облегчаетъ.
Но безъ нее, увы! для связанныхъ сердецъ,
Союзъ, какъ тяжка цѣпь; и бракъ терновъ вѣнецъ;
Вѣнецъ вздыханія, и долгой муки лютой,
Котора кончится лишь смертною минутой.
И я бѣ коварною передъ тобой была,
Когда бѣ за спросъ твою во храмъ тебѣ несла
И руку прелестную, и сердце чувствомъ хладно,
И въ домъ бы твой ввела прискорбье безотрадно.
Нѣтъ Государь, познавъ, что никогда душой
Я не могу любви отвѣтствовать своею,
Укроюсь на всегда въ священную обитель.

ДИМИТРІЙ.

Что слышу!

ТВЕРСКІЙ.

Небеса! иль слово твоей родителъ.

КСЕНІЯ.

Онъ слово данное исполнилъ предъ тобой.
 Всю власть, природою врученну надо мной,
 Онъ истощилъ уже твоей въ угодность волю;
 И робку дочь его ты зришь во бранномъ полѣ.
 Но власть опцовская, какъ ославляемъ свѣтъ,
 У врагъ обителъ слабеетъ и падетъ;
 Обѣща на устахъ остановить несила:
 И насъ тамъ въры сѣнь, какъ темна ночь, могильна,
 Скрываетъ на всегда опъ всѣхъ мірскихъ властей.
 Я бы могла предъ тѣмъ еще прибѣгнуть къ ней,
 Какъ путь несчастливый въ станъ здѣшній предпріяла;
 Но оправдашь отца передъ тобой желала. —
 Не осуждай его, одну вини меня;
 Одна я рушу бракъ. — И съ завтрашняго дня
 Ко гробу для живыхъ путь грустный предпринимаю.

(Къ Димитрію.)

А ты, свидѣтель здѣсь, какъ покидаю землю,
 Какъ покидаю все, что сердцу льстило могло,
 Чтوبъ не красѣлось родителъ чело,
 Повѣдай нынѣ всѣмъ, что я виной разрыва;
 Что жизнь для Ксеніи была какъ поща нива,
 На коей гибнетъ злакъ, на коей сохнетъ цвѣтъ,
 На коей для меня надежды болѣ нѣтъ. —
 Повѣдай, что сняла одежды я вѣнчалны
 И премѣнила ихъ во вѣщища печальны;
 Что въ гробовой союзъ преобратила бракъ,
 И сана свѣплый блескъ въ смиренный скрыла мракъ.

Повѣдай, что иду въ обитель не къ покою;
 Но чтобъ свободнѣе бесѣдовать съ тоскою,
 Съ тоскою коей здѣсь обременяю васъ
 Иду, что бы сокрыть мой плачь отъ вашихъ глазъ.

(Ксенія и Избрана уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Димитрій, Тверскій, Бренской.

ДИМИТРІЙ.

(Тихо къ Бренскому.)

Рѣчь каждая ее мнѣ сердце раздираетъ!

БРЕНСКОЙ.

(Тихо къ Димитрію.)

Скрывай свою печаль; соперникъ примѣчаетъ.

ТВЕРСКІЙ.

Какъ громомъ пораженъ! рѣши Димитрій мнѣ,
 Что видѣлъ, слышалъ я, то въ явѣ, иль во снѣ?
 Ты взоровъ, словъ Княжны свидѣтель безприсраспенъ,
 Скажи, увѣрь меня, я точно ли несчастенъ;
 Я почноль не любимъ; и въ горестный сей день,
 Надежда вся моя исчезла ли какъ пѣнь?
 Меня ли Ксенія, о небо! ославляетъ?

ДИМИТРІЙ.

Тебя ли одного? — свѣтъ цѣлый покидаетъ. —
 Ея опцу, тебѣ, землѣ Россійской всей,
 Осталось жалѣнь, и слезы лишь о ней.

ТВЕРСКІЙ.

Лишь слезы, и сносишь ея премѣны яра!
 Отъ даннаго опцомъ мнѣ опспунись яра!

Терпѣшь ее отказъ, и вмѣстѣ съ нимъ мой стыдъ,
 Который на себя всѣхъ взоры обратишь!
 Нѣтъ, нѣтъ, и Ксенія напрасно онымъ льстится;
 Нашъ бракъ назначенъ здѣсь, онъ здѣсь и совершится.

ДИМИТРІЙ.

Что предпріемлешь ты?

ТВЕРСКІЙ.

Что раздраженна честь,
 И оскорбленна спрасъ велятъ мнѣ прѣзвестъ. —
 Моею плѣнницей здѣсь Ксенію оставлю;
 И завтра съ боя сшедъ, здѣсь брачный храмъ поставлю;
 И завтра въ торжествѣ передъ лицомъ небесъ,
 И не смотря на грусть, и токи горькихъ слезъ,
 Любимъ, иль не любимъ, и волей, или силой,
 Съ моей судьбой свяжу я вѣкъ ее унылой. —

ДИМИТРІЙ.

Не помышляешь Князь въ намѣренъи своемъ,
 Что ты препящствія найдешь во спанѣ семъ;
 Что здѣсь для Ксеніи защитники явятся,
 Которы ярости твоей не устращаются.

ТВЕРСКІЙ.

Кто будутъ дерзкіе? и кто

ДИМИТРІЙ.

Я.

ТВЕРСКІЙ.

Ты!

ДИМИТРІЙ.

Я самъ.

Не потерплю, чтобъ вель ее кто силой въ храмъ;

И помня честь, и долгъ, ея приличны роду,
Димитрій защитишь гонимъ ея свободу.

ТВЕРСКІЙ.

Но кѣмъ она была тебѣ поручена?
Сужденна мнѣ опцомъ и мнѣ обручена,
Одинъ располагашь могу ея судьбою,
И не обязанъ въ томъ опцемъ предъ тобою.
Тебя главой призналъ Россійской союзъ Князей,
Но въ брани вождь, ты мнѣ не можешь быть судьей.
Съ какихъ же хочешь правъ?

ДИМИТРІЙ.

Съ какихъ я правъ! довольно
И ясно я сказалъ, что ты Княжну невольна
Во храмъ не поведешь. — Прими сей мой совѣтъ.
Проси.

(Хочетъ идти.)

ТВЕРСКІЙ.

(Останавливая Димитрія.)

Постой, и мнѣ свой объясни отвѣтъ.
Дай болѣ мнѣ причину тебя возненавидѣть. —
Скажи, соперника въ тебѣ я долженъ видѣть.

ДИМИТРІЙ.

Коль тайну ты проникъ, не скрою что люблю:
Суди чрезъ то, какъ я опъ словъ твоихъ терплю.

ТВЕРСКІЙ.

Угодна Ксеніи любовь столь чрезвычайна?

ДИМИТРІЙ.

Угодна или нѣтъ, ее то лична тайна.

Т В Е Р С К І Й.

Такъ шайну мысль мою Димитрій ты познай.
 На полъ боевомъ насъ зъ впра ждепъ Мамай;
 Судьба твоей главы должна въ бою рѣшиться,
 Но силою моей коль хочешъ подкрѣпиться,
 Склони ты Ксенію на бракъ ее со мной;
 Чпобъ мнѣ вручилась соперника рукой. —
 Увѣренъ что надъ ней власпъ полную имѣешъ,
 И убѣдишь ее конечно ты успѣешъ;
 Не то, въ сію же ночь, съ полками отступлю.

Д И М И Т Р І Й.

Я помощи твоей безчестьемъ не куплю,
 Однуль мою несу я завпра въ бой судьбину?
 Несу опечесства колеблему годину!
 Коль слабъ душой, иди, умножь число Князей,
 О коихъ вся молва, что жизнию своей,
 Безъ пользы обществу стягчили только землю. —
 Иди, удерживашъ тебя не предприемлю. —
 Довольно сильныхъ рукъ и храбрыхъ здѣсь сердецъ,
 Гошовыхъ раздѣлитъ побѣдный мой вѣнецъ.

Т В Е Р С К І Й.

И такъ покину спанъ, коль ты того желаешъ.
 Но самовласпвовашъ ты рано начинаешъ. —
 Пойду, и всѣмъ Князьямъ нашъ объявлю раздоръ;
 Брегися: мой примѣръ отккрышь имъ можетъ взоръ.

(Тверской уходитъ.)

Я В Л Е Н І Е П Я Т О Е.

Димитрій, Бренской.

Б Р Е Н С К О Й.

Чего страшился я, то нынѣ совершилось! —
 На край гибели опечесство склонилось. —
 Что сдѣлалъ Государь?

ДИМИТРІЙ.

Скажи ты лучше мнѣ,
Чего не сдѣлалъ я. — Тверской грозилъ Княжнѣ,
И я прошивъ угрозы любовникъ хладнокровенъ,
Оспалсябъ терпѣливъ, оспался бы безмолвенъ,
И здѣсь въ глазахъ моихъ, позволилъ бы ему
Предаться наглости, и гнѣву своему. —
Ахъ нѣтъ! не опъ неголь въ свои цвѣтущи годы,
Несчастлива Ксенія лишается свободы,
Въ обитель кроется и покидаетъ свѣтъ?
Но Бренской, ей нельзя позволить сей обѣдъ!
Ее погубитъ онъ, меня погубитъ съ нею,
И сердцемъ жизнь ее сопряжена съ моею. —
Мнѣ должно Ксенію опъ мысли сей отвлечь.
Пойдемъ: ее склонитъ, любовь внуши мнѣ рѣчь!

БРЕНСКОЙ.

Не внемлетъ болѣ мнѣ своей предавшись спрасни,
О небо! отврати грозящимъ намъ напасти.

К о н е ц ъ в т о р а г о д ѣ й с т в і я .

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Театръ представляетъ шатеръ перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Тверскій, Бѣлозерскій и прочіе Князья.

ТВЕРСКІЙ.

О Бѣлозерскій Князь! о храбрые друзья!
Въ угодность только вамъ сюда вступаю я.
Въ шатеръ Димитрія, кого я ненавижу,
Кого въ послѣдній разъ здѣсь можетъ быть увижу.
Довольно гордый духъ извѣстенъ мнѣ его,
Чтобъ примиренья съ нимъ могъ ждать я моего.
Не покоришь себя онъ вашему совѣту.

БѢЛОЗЕРСКІЙ.

Предъ всѣмъ опечеснвомъ подвергнешся опвѣту,
Когда любовь свою вмѣняя намъ въ законъ,
Еще упорствовать въ неправдѣ будетъ онъ;
Коль Ксеніи судьбу твоей не вѣришь волѣ.

ТВЕРСКІЙ.

Не должно бы о ней и помышлять мнѣ болѣ;
Коль мнѣ сужденная родителемъ своимъ,
Могла забывши долгъ, прельщенной быть другимъ;
Коль сердцемъ невѣрна, и мыслью малодушна,
Любовной слабости является послушна;
Когда за снрасъ мою наносишь мнѣ позоръ. —
Спокойнобъ долженъ былъ мой нынѣ видѣть взоръ,
Остановленный бракъ, и поржество вѣнчально;
Ее къ обители опшесствіе печально;
Къ обители, гдѣ грусть снѣдающа ее,
Ей поношеніе опмщала бы мое;

Гдѣбъ о любезномъ мысль ей всякой день опмѣщала,
 Гдѣбъ красота ее день всякій увядала;
 Гдѣбъ блескъ ее очей съ тоски погасъ, исчезъ,
 И на чертахъ слѣдыбъ оплились горькихъ слезъ. —
 Но для соперника того къ спраданию мало! —
 Чпобъ въ грусти ничего ему не доспавало,
 Чпобъ въ полной мѣрѣ духъ исполнишь въ немъ тоской,
 Хочу, чпобъ видѣлъ онъ союзъ здѣсь брачный мой,
 И пылкой въ немъ души, чпобъ помыслы ревнивы,
 Являли дни мои любовію счастливы;
 Мои веселіи въ умѣбъ своемъ считалъ,
 Воображалъ бы ихъ, и ими бы страдалъ. —
 Познайше изъ сего, что не любовь, но мщеніе,
 Въ семъ бракѣ для меня предвидитъ восхищеніе.
 Хошъ въ ономъ не найду я нѣжностей опрадъ,
 Но въ грудь Димитрія пролью мученья ядъ.
 А вы въ моемъ лицѣ всѣ нынѣ оскорбленны,
 Вы будете, какъ я, достойно опомщенны,
 И самовласцію предпкнете первый шагъ.

С М О Л Е Н С К І Й.

Конечно самъ Мамай, жестокий Россовъ врагъ,
 Толико для Князей не можетъ быть ужасенъ,
 Какъ топъ изъ между насъ, намъ долженъ быть опасенъ,
 Кто власполубіемъ свой духъ возмогъ прельстить,
 И насъ подъ свой яремъ жelaетъ покорить. —
 Ордынецъ въ алчности, горя любоспаянъемъ,
 На злопо Россіанъ свой взоръ спремилъ съ вниманъемъ,
 Но самовласпному не злопо лишь предметъ:
 На всѣ дѣяніи цѣпь тяжкую кладетъ;
 Пушями скрыпными, находитъ онъ искусство,
 Поработилъ и мысль, поработилъ и чувство;
 И мыбъ увидѣли въ однихъ его рукахъ
 И собственность, и жизнь, и милость намъ, и страхъ.
 Ахъ нѣтъ! не для того сражашся мы гошovy,

Чтобъ намъ перемѣнить несомыя оковы;
 Чтобы владычества перемѣнить кумиръ. —
 И лучше отъ Ташаръ принять хочу я миръ,
 Чемъ родомъ равнаго себѣ владыкой видѣть.

Б Ъ Л О З Е Р С К І Й.

Какъ ты, Смоленскій Князь, ябъ долженъ ненавидѣть,
 Верховну надъ собой, самодержавну власть,
 Подъ кою, о Князья! страшишесь вы подпастъ. —
 Но къ избавленію страны отцовъ отъ бѣдства,
 Безъ власти сей для насъ надежнаго нѣтъ средства. —
 Славянски племена, столь сильные числомъ,
 Столь храбрые душой, зрятъ нынѣ надъ челомъ
 Поникшемъ въ горести, яремъ иноплеменный,
 Гнепящій ихъ главы, несчастно раздѣленны. —
 Но вспомните друзья Россійску прежню мощь,
 Какъ съ внукомъ Рюрика подвинулась полночь,
 На земли южныя, на полуденны воды,
 Гдѣ предковъ мужеству поддалися народы. —
 Тогда одинъ былъ вождь странъ Россійской всей,
 Теперь Князей числомъ считаемъ мы вождей;
 Тогда въ владычествѣ мы дани налагали,
 Теперь мы плашимъ дань, и въ цѣни рабства впади;
 Тогда Россіянинъ достойно гордъ и смѣлъ,
 Отважною своею знавалъ ли въ чемъ предѣлъ?
 Теперь ни засѣки, лѣса непроходимы,
 Ни степи дикія вокругъ неизмѣримы,
 Гдѣ водныя струи не повспрѣчаютъ глазъ,
 Отъ наглости враговъ не защищаютъ насъ.
 Съ блестящимъ вѣкомъ шѣмъ сравнимъ нашъ вѣкъ печальной,
 Не должноль власти намъ желать одноначальной?

Т В Е Р С К І Й.

Иль рѣчью таковой ты хочешь намъ внушить,
 Что предъ Димитріемъ намъ должно преклонить

Главы послушныя присвоенной имъ власти,
И чшишь въ молчаніи его порывны спраспи?

Б Ъ Л О З Е Р С К І Й.

Ахъ, нѣтъ! шѣмъ менѣ онъ бытъ можетъ извиненъ,
Что съ свойствами души Геройскими рожденъ,
Насъ могъ бы уловить подъ сѣнь своей державы,
Спасши опечеснво, возвестъ на спепенъ славы;
И онъ неправдою намъ власть знаменовавъ,
Явилъ, что уважать не хочетъ нашихъ правъ.
Когдажъ вину свою усилилъ онъ упорствомъ,
То первый я гонимъ послашь съ моимъ покорствомъ
Къ Мамаю гордому плашиму прежде данъ.

Т В Е Р С К І Й.

А мнѣ, хотъ Chesъ велитъ прервать съ Мамаемъ брань,
Въ сраженіе не входитъ и выступить изъ спана;
Но Chesъ сильнѣйшая не позволяетъ Хана
О мирѣ мнѣ просить, владычество признавъ,
И данникомъ его съ позоромъ опступать.
Московскій Князь мнѣ врагъ; обиженъ имъ несносно,
Сражаюсь за него мнѣ было бы поносно.
Татаринъ Россамъ врагъ: и мира никогда
Мнѣ опъ него принять не можно безъ стыда,
Не измѣнивъ опцамъ несчастно убіеннымъ,
Копорыхъ прахъ въ гробу лежишь не опомщеннымъ.
И шѣмъ виновнѣе Димитрій предо мной,
Что случая меня лишишь моей рукой,
Рукою яростной Ордынцовъ здѣсь поспигнушь,
И мести памятникъ изъ ихъ могилъ воздвигнушь.

С М О Л Е Н С К І Й.

Прервемъ мы нашу рѣчь; идетъ Димитрій къ намъ.

Я В Л Е Н І Е В Т О Р О Е.

Всѣ прежніе, Димитрій, Бренской.

Д И М И Т Р І Й.

(Не видѣвъ Тверскаго.)

Сподвижники мои! я возвѣщаю вамъ,
 Что въ нощи скрывъ свой ходъ, и насъ предупреждая,
 Къ намъ вражески полки приблизились Мамаея.
 Неизмѣриму степь палящи ихъ огни
 Являющъ, сколь числомъ несчетны суть они.
 Но сердце робкое число враговъ считаетъ:
 А храбрый никогда о томъ не вопрошаетъ;
 И брата моего къ засадѣ я послалъ,
 Чпобъ онъ Мамаевы движенья наблюдалъ.
 Тѣмъ болѣ подлежащъ намъ мѣры осторожны,
 Что части нашихъ силъ лишились нынѣ должны.
 Тверской.

Т В Е Р С К І Й.

Онъ здѣсь еще. — Не повторяй того,
 Что знаютъ ужъ они отъ гнѣва моего.

Д И М И Т Р І Й.

Коль знаютъ, такъ почтожъ опечества любезна
 Межъ истинныхъ сыновъ, зрю сына бесполезна.

Т В Е Р С К І Й.

Ты болѣ дивись, что сонмъ Князей, познавъ
 Твой самовластный духъ и твой надмѣнный нравъ,
 Не отступилъ еще; что здѣсь одинъ средъ спана
 Не остаешься ты на жертву мести Хана.

Б Ъ Л О З Е Р С К І Й.

Такъ, не отступимъ мы, когда Димитрій вновь
 Докажетъ намъ свою къ опечеству любовь;

Когда явишь въ сей день намъ опытъ несомнѣнной,
 Чпо всемъ онъ жертвуетъ для сей любви священной.

ДИМИТРІЙ.

О Бѣлозерскій Князь! что значить рѣчь сія?

БѢЛОЗЕРСКІЙ.

Что нынѣ чрезъ меня всѣ требуютъ Князя,
 Чпобъ распрю ты съ Тверскимъ, возженную киченьемъ,
 Окончилъ искреннимъ и скорымъ примиреньемъ;
 И бракъ его съ Княжной былъ ономуъ залогъ.

ДИМИТРІЙ.

Кто? я, что бы сей бракъ ему позволишь могъ?
 Чпобъ взоръ, иль мысль моя ко храму провожали
 Плачевну Ксенію влекомую въ печали,
 Гдѣ горестной Княжны соперникъ будетъ мой
 Всѣ слезы примѣчатъ пролитыя тоской;
 Что бы за каждый стонъ, за каждое вздыханье,
 Ея въ супружествѣ усугубишь спраданье.
 Нѣтъ! примиренія предложеннаго съ нимъ
 Не лзя мнѣ утвердишь несчастнымъ бракомъ симъ,
 Котораго отъ васъ онъ пребудетъ для мести,
 Который допустишь не должно вамъ изъ чести.
 Такъ, вѣрьте, что хотябъ я Ксеніи не зналъ,
 Въ ней счастья моего хотябъ не полагалъ,
 То честь, для храбрыхъ душъ источникъ чувствъ обильный,
 Внушилабъ мнѣ союзъ остановишь насильный;
 И къ избавленію отъ горестей и мукъ,
 Изхитишь Ксенію изъ ненавистныхъ рукъ.
 Для сильныхъ на земли долгъ первый, знаменишой,
 Невинныхъ охранять, и слабыхъ быть защитой.

СМОЛЕНСКІЙ.

Но какъ намъ Ксенію невинною признашь,
 Коль чувствъ своихъ опцу не хочешь покорять,
 И отвергаетъ бракъ, его противясь воля?

ДИМИТРИЙ.

Ея родителя вы въ помѣ вините болѣ,
Который противъ чувствъ сей бракъ назначить могъ.

СМОЛЕНСКІЙ.

Коль онъ несправедливъ, ему судья въ помѣ Богъ:
Но дѣшамъ на опцовъ межъ нами нѣтъ расправы.
Не намъ его винить.

ДИМИТРИЙ.

Обидными чшу правы,
Которы дѣлають тирановъ изъ опцовъ,
И вводящъ ихъ дѣшей въ рошаніе рабовъ.

БѢЛОЗЕРСКІЙ.

Тѣ правы, Государь! сущъ первые въ природѣ.
Священны тамъ еще, гдѣ нравственность въ народѣ.
Что бы о нихъ судить, ты прежде будь опцомъ:
И святость оныхъ правъ познаешь ты попомъ
Не разсужденіемъ, холодныхъ душъ искусствомъ,
Но вѣрнымъ, истиннымъ, горячимъ сердца чувствомъ,
Безъ коего не лзя измѣрить силу словъ
Опца, приведшаго во цвѣтъ шесть сыновъ,
Въ которыхъ Богъ судилъ родительскому взору
Зрѣть старости моей опраду и опору,
И въ коихъ нынѣ я къ сраженію Ташаръ
Сокровище опца несу гражданамъ въ даръ.
И ты ль опечеству, о Князь неправосудной!
Откажешь жершвовашъ любовью безразсудной?

ДИМИТРИЙ.

Не ясно ли, Князя, я вамъ ужъ объявилъ,
Что естлибъ Ксенію и спрасно не любилъ,
То чести мнѣ одной довольно было нынѣ,
Что бы противусташъ грозящей ей судьбинѣ;

Чѣмъ бытъ защитникомъ несчастныя Княжны.
 Какая нужда въ томъ для Русскія страны:
 Получишь ли Тверской сію Княжну въ супруги,
 Иль сердце склонное найдешь иной подруги;
 Иль бесполезно живъ, безбрачный кончишь вѣкъ?
 Вниманья общества достоинъ человекъ,
 Когда заслугами былъ оному полезенъ;
 Того и самый родъ отечеству любезенъ.
 Но чѣмъ любовь гражданъ соперникъ заслужилъ?
 Иль тѣмъ, что нынѣ насъ своихъ лишая силъ,
 И вамъ, отечеству, и долгу измѣняя,
 Бѣжишь, какъ робкій вождь отъ ярости Мамаю.

СМОЛЕНСКІЙ.

Такъ пусть Димитрій всѣхъ насъ робостью винишь:
 Всѣ опешунаемъ мы. — Но не Мамай спрашивъ;
 Хотябъ Таттарскихъ Ордъ съ собой привелъ и болѣ,
 Хотя бы вишазми покрылъ широко поле,
 Безпререшно сразясь, и въ ихъ упавъ рядахъ,
 Пошомства бы хвалу привлекъ нашъ славный прахъ.
 Но премѣняешь почто печальну нашу долю,
 Когда готовишь ты намъ пущую неволю?

ДИМИТРІЙ.

Неволю! вамъ! не я ль извлекъ свободы мечъ,
 Чѣмъ вѣковую цѣпь неволи вамъ пресѣчь?

СМОЛЕНСКІЙ.

И самовласнымъ бытъ. — Что пользы или нужды,
 Что ты съ опечесства сорвешь оковы чужды,
 И цѣпи новы дашь? Раздоръ съ Тверскимъ примѣръ,
 Что власпи ты своей не полагаешь мѣръ.

ДИМИТРІЙ.

Причина личная сему межъ насъ раздору,
 И вашему она не подлежитъ разбору.
 Не приглашаю намъ судьбою ни кого.

СМОЛЕНСКІЙ.

Но мы оскорблены побой въ лицѣ его:
 Намъ всѣмъ грозишь, къ нему являсь неправосуденъ.
 Власполюбивому шагъ первый только труденъ;
 Но безпрепятственно колъ шагъ спунилъ одинъ,
 Спреминься къ цѣли онъ, и скоро властелинъ.
 Иль примиришь съ Тверскимъ, иль нынѣ же съ Мамаемъ
 Мы заключаемъ миръ, и съ поля отступаемъ.

ДИМИТРІЙ.

Вы власны отступить. — Но я неколебимъ:
 Чѣмъ болѣ мнѣ угрозы, тѣмъ менѣ примиримъ.

БѢЛОЗЕРСКІЙ.

Когда нашъ общій глазъ безсиленъ надъ тобою,
 То сжался, Государь, хоть надъ своей судьбою!
 Намъ къ миру путь открытъ. — Пославъ къ Мамаю дань,
 Умолимъ гнѣвъ его, опклонимъ грозну брань,
 И въ дома опчески мы съ миромъ возвратимся;
 Но что предпримешь ты, колъ нынѣ удалимся?
 Ордынцамъ можешь ли одинъ прошиву спастъ,
 Иль мира для себя опъ Хана ожидашь?
 Мамай душой свирѣпъ, къ тебѣ неумолимый,
 Не возвѣсшилъ ли намъ, что врагъ непримиримый
 Димитрію онъ спалъ; что гнѣвъ окончишь свой
 Надъ павшею швоей кичливою главой.
 Въ сраженъи смерть найдешь, и въ бѣгствѣ гибель равну . . .

ДИМИТРІЙ.

Въ сраженъи смерть найду: но смерть завидну, славу,
 И предпочтительну той жизни, кою спыдъ
 Побѣга вашего по гробъ обременишь.
 Идише: васъ опъ кляшвъ я нынѣ разрѣшаю.
 Сложише вѣрность мнѣ, покорствуйше Мамаю,
 Влачише на себѣ неволю и позоръ.
 Но вѣрные рабы, свершише приговоръ

Сего власпишеля надъ мною изрѣченной.
 Купише миръ главой, имъ къ смерти осужденной.
 Сей даръ ему опъ васъ достойно удружишъ.
 Тверской! твоей рукѣ сей даръ принадлежишъ!
 Сорви мою главу, коль смѣлости довольно,
 И сердце твое увеселивъ крамольно,
 Спѣши къ Мамаю съ ней, и данью похвались!
 Иль лучше съ оною предъ Ксенію явись!
 Заславъ ее надъ сей главой окровавленной
 Произнеси обѣтъ любви принужденной.
 Но знай, и здѣсь тебѣ предъ всѣми я клянусь,
 Что искры жизненной доколѣ не лишусь,
 Доколѣ главу ношу, ты Ксенію дотолѣ
 Не поведешь, Тверской, ко храму по неволѣ.

ТВЕРСКІЙ.

Димитрій! долго здѣсь терпѣніе храня,
 Слова твои сносилъ обидны для меня.]
 Съ намѣреніемъ молчалъ, и время далъ свободно
 Въ рѣчахъ твоихъ излить тебѣ киченье сродно.
 Всю мѣру твоей надежды совершилъ,
 И сердца гордостью судьбу свою рѣшилъ.
 Доволенъ: не хочу здѣсь оставаться долъ:
 Терпѣнье можешь быть въ моей не будешь волъ.
 Иду отсель. — Но вѣрь, что безъ руки моей,
 Паденье скорое найдешь главѣ своей.
 Мечемъ Ташаръ моя изгладится обида;
 И блѣдная глава безмолвна, и безъ вида,
 Вонзенна на копье, къ смиренію сердецъ,
 Покажетъ гордости погибель и конецъ.

(Уходитъ.)

СМОЛЕНСКІЙ.

Почтожъ и намъ, друзья, здѣсь долъ оставаться?
 Склонишъ Димитрія не щетно ли спарашься?

Его гордынею опвергнушъ нашъ совѣтъ;
 Стремится въ пропасть онъ; пусть въ оную падетъ.
 Отъ участи его мы опдѣлимся нынѣ,
 И покоримъ главы Мамаю и судьбинѣ.

(Уходитъ, за нимъ всѣ Князя слѣдуютъ.)

Я В Л Е Н І Е Т Р Е Т І Е.

Димитрій, Бѣлозерскій, Бренской.

БѢЛОЗЕРСКІЙ.

И такъ свободы лучъ, сей даръ благій небесъ,
 Намъ временно блеснулъ, и молніей исчезъ;
 И храбры войны съ надеждою пріятной
 За Донъ стремившися предпримутъ путь возвращный,
 Съ печалію въ душѣ, съ позоромъ на челахъ,
 И въ дома принесутъ смущеніе и страхъ,
 И цѣпи тяжкія сугубыя неволи.
 Такой ли, Государь, ждала Россія доли,
 Подъ знамена твои собравъ своихъ сыновъ
 На пораженіе давнишнихъ ей враговъ;
 Къ завоеванію и чести, и свободы,
 По коихъ, рабствуя, вздыхаешь многи годы,
 И кои были ей терпѣнія предметъ?
 Но въ день, но въ часъ одинъ, надежду столькихъ лѣтъ,
 Опровергаешь ты неистовымъ упорствомъ.
 Ты, первый вождь ее, ты, коего геройствомъ
 Одушевились Князья, народъ, весь край,
 Кого во брани самъ воспрепещалъ Мамай,
 Покрывъ шопъ пренетъ свой гордынею суровой.

Д И М И Т Р І Й.

Коль смерть въ бою принявъ, возмогъ бы жизнью новой,
 Россіи жертвовать, пожертвовалъ бы вновь;

И въ даръ опечеснву пролить въ сраженьи кровь
 Не только долгомъ чшу, за первую чшу славу:
 Но Ксенію предашь насильственному праву,
 И безпокровной здѣсь въ защитѣ отказать,
 Не для опечеснва, Тверскому угождать,
 И вамъ, колеблемымъ сомнѣньемъ неизвѣстнымъ.
 Такою слабостью ябъ сдѣлался безчестнымъ;
 А въ чести, Князь, моей не власпенъ я и самъ.
 Примѣръ принадлежишь потомству и вѣкамъ.
 И только я могу Мамаю вспрѣшнть въ полѣ,
 И мстивши умереть.

Б Ъ Л О З Е Р С К І Й.

Димитрій можешь болѣ:

И волею своей полки соединивъ,
 Россію свободишь, Мамаю побѣдивъ.
 Съ Московскимъ воинствомъ прошивъ Тапарской силы,
 Не мщеніе найдешь, но вѣрныя могилы;
 Могилы хладныя, гдѣ бесполезну смерть
 Изъ памяти должны текущи годы стереть.
 Но мужъ, опечеснву доставившій свободу,
 Благотворителемъ останешся народу,
 Доколь спогны сель премѣной вѣковой
 Не пораспущъ вездѣ пустынною травой;
 Или доколь сердцамъ отъ плевелъ развращеннымъ,
 Не будетъ на земли ничто уже священнымъ.
 Помысли, Государь! Князей еще на часъ
 Удержишь, можешь бышь, просительный мой гласъ;
 Я къ нимъ теперь спѣшу, чпобъ убѣждать ихъ снова,
 И буду отъ тебя согласнаго ждашь слова.
 Не дай, Димитрій, мнѣ на старости моей
 Оплакивать конецъ твоихъ цвѣтущихъ дней;
 И съ мыслью въ гробъ сойши, чпо вновь, на долго время,
 Тапарскаго ярма на выѣ Росской бремя;
 Чпо въ глубинѣ могилъ съ опцами будетъ прахъ,
 Дѣлишь опечеснва и плачь, и стонъ, и страхъ;

Что придуть сироты и горестны вдовицы
 Смущать нашъ смертный сонъ и пищу гробницы.

(Уходитъ.)

Я В Л Е Н І Е Ч Е Т В Е Р Т О Е.

Димитрій, Бренской.

(Димитрій садится въ молчаніи и задумчивости.)

Б Р Е Н С К О Й.

Или ничто тебя не можешь убѣдить?

Д И М И Т Р І Й.

О Бренской! ты вообще мнѣ будешь говорить,
 И послѣ слышанныхъ въ сей день рѣчей угрозныхъ,
 Я не приму ни какъ, ни чьихъ совѣтовъ позднихъ:
 Но осуждая нравъ, иль спрасъ мою вина,
 Оспавишь можешь ты въ гибели меня.
 Иди, умножь число крамольныхъ дружины,
 И дай въ бою искашь сужденной мнѣ кончины.

Б Р Е Н С К О Й.

Совѣтовъ, Государь, не стану повторять.
 Что дружба нѣжная тебѣ могла сказать,
 Вражда и гнѣвъ Князей язвительно сказали,
 И пропасть подъ тобой лежащу указали.
 Но гдѣ совѣтами скучають наконецъ,
 Тамъ скромный другъ молчишь, не такъ какъ подлый льстецъ,
 Который свой кумиръ въ несчастьи оставляетъ:
 Но такъ, какъ друга тѣнь, съ нимъ вмѣстѣ погибаетъ,
 Спрямишься ты на смерть, и я спремлюсь съ тобой,
 И часть мою съ твоей не разлучу судьбой.

Д И М И Т Р І Й.

(Вставая.)

Приди въ объятія, о сердца другъ надежный,
 Во счастья спрогій мнѣ, и въ злополучьи нѣжный!
 Погибнемъ вмѣстѣ мы среди враговъ въ бою.
 Но жизнь въ цѣнѣ драгой имъ опдадимъ свою.
 Чпо бы ихъ шѣлъ вокругъ насъ не могъ и глазъ изчислишь;
 Погибнемъ но почто намъ унывать и мыслишь,
 Чпо неизбежна смерть въ сраженьи предлежишь?
 Я съ воинствомъ еще; шакъ пусть Мамай дрожишь.
 Мой братъ Серпуховской остался долгу вѣренъ,
 Полковъ Московскихъ духъ чрезъ опыты измѣренъ;
 Противъ Ташарскихъ Ордъ не первый ихъ походъ.
 Иду, чпобы собрать Бояръ и Воеводъ,
 И возвѣстишь Князей постыдно опешупленье.
 А ты, иди къ Княжнѣ, и ревности спремленье,
 Которымъ Ксенію я сполько огорчилъ,
 Прощенья коему еще не получилъ,
 Ты оправдай предъ ней моимъ о томъ спраданьемъ.
 Чпо бы ушѣшила она меня свиданьемъ,
 Которо съ спрогостью опказываетъ мнѣ.
 Скажи, о вѣрный другъ, изобрази Княжнѣ
 Въ какомъ опчаянни паду мечемъ Мамай,
 Подъ гнѣвомъ Ксеніи несчастно умирая.
 Но духъ коль ободришь хошь взоромъ лишь однимъ,
 Могу любви я жизнь, и бышь непобѣдимъ.

К о н е ц ъ ш р е ш ѣ я г о д ѣ й с т в і я.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Театръ представляетъ сборное мѣсто среди лагеря и близъ шатра Димитрія. Дѣйствіе продолжается въ концѣ ночи передъ разсвѣтомъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Димитрій, Воинъ.

ДИМИТРІЙ.

Допрошенъ ли ужъ былъ начальникъ полоненныхъ,
Отъ войскъ спорожевыхъ отрядомъ приведенныхъ?
Извѣстна ль мысль его, и кто Ордынецъ сей?

ВОИНЪ.

Отъ рода знашнаго, онъ изъ числа Князей,
Пришедшихъ на грабежъ подъ бунчуки Мамая.
Въ неосторожности найши насъ уповая,
Для поисковъ ночныхъ онъ предводилъ Ташаръ:
Вотъ все что знаю я. — Но сонмъ твоихъ бояръ
Предъ коимъ можешь быть Ордынецъ сей признался,
Окончивъ думы часъ, въ шатръ твоемъ собрался.

ДИМИТРІЙ.

Зови Бояръ сюда. (Воинъ уходитъ) здѣсь общалъ я ждашь
Возврата Бренскаго. Надежду ли теряешь?
Ночь клонится къ концу, и близокъ часъ разсвѣта,
Кровавый часъ бѣшвы, и Бренской мнѣ отвѣта
Еще не могъ принести; еще не знаю я
Мила ли Ксеніи посклива жизнь моя:
Иль равнодушенъ ей, и вовсе злополучной,
Въ сей день желать конца я долженъ жизни скучной;

И безъ надежды мнѣ спремиться должно въ бой,
Что бы отчаянье скрыть ночью гробовой.

Я В Л Е Н І Е В Т О Р О Е.

Димитрій, Московскіе Бояре.

Д И М И Т Р І Й.

Опоры твердыя престола и державы,
Совѣтный духъ Князей, лучи ихъ прочной славы,
Которыхъ мнѣ избралъ не собственный мой гласъ,
Но указалъ народъ молвой своею о васъ:
Цѣнишель доблестей, и часно справедливой;
Бояре! рѣшеноль? опъ рапи злочестивой
Ещель хопите вы, чтобы я шель чрезъ Донъ?
Иль мужесва принявъ единственнъ законъ,
Не лучшель ни на шагъ предъ ней неопстуная,
Съ отважноспью иппи во спрѣшенъе Мамаю?

Б О Я Р И Н Ъ.

Хотъ прежде, Государь, совѣтъ твоихъ Бояръ
И предлагалъ тебѣ, опъ ярости Ташаръ
Нашъ станъ перенести чрезъ быстры Дона воды,
Гдѣ переправа имъ, препона опъ природы,
Остановила бы спремленіе ихъ силъ:
Но плѣнникъ нашу мысль признаемъ просвѣтилъ.
Поспѣдно будешъ намъ опъ боя уклоняшся,
Когда священный долгъ и честь веляшъ сражашся.

Д И М И Т Р І Й.

Какую жъ тайну вамъ Ордынецъ сей открылъ?

Б О Я Р И Н Ъ.

Что Ханъ посольскія угрозы подтвердилъ;
Что Русской смѣлости признавъ тебя душою,

Онъ обѣщался брань непрекращать съ Москвою,
 Доколѣ не сорветъ съ главы швоей вѣнецъ;
 Доколѣ сей главы неокрушитъ въ конецъ,
 И оной въ ярости для трепета вселенной,
 Не выставитъ въ Ордѣ залогъ окровавленной.
 Ташаръ воспламенилъ свирѣпостью своею;
 И гордый силою, огромный Челубей
 Мамаю поклялся словами Алькорана,
 Димитрія главу повергнувъ передъ Хана.
 Живымъ ли, Государь, шу наглосъ намъ шерить?
 Нѣтъ! лучше средъ враговъ съ оружіемъ умереть.

ДИМИТРІЙ.

Не столь легко, друзья, надменно Челубею
 Сорвать мою главу, и похваляться ею.
 И Бога браней я на помощь намъ призвавъ,
 Сражусь и ницъ падеть сей новый Голіаѳъ.
 Изчезнетъ дерзкихъ пушъ, сопрется мощъ спропсива,
 И съ шумомъ памятъ ихъ погибнетъ нечеслива.
 Не въ сонмѣ силъ земныхъ, но въ правдѣ явенъ Богъ;
 И вашъ Ордынцамъ мечъ шо доказать возмогъ,
 Когда съ Бигичемъ ихъ онъ поражалъ на Вожѣ.
 Тотъ самый съ нами Богъ, и мужество въ насъ шоже:
 Такъ смертью ли смущать и мысль и шверду грудь?
 Мечи къ поѣдѣ намъ прольютъ кровавый пушъ.

БОЯРИНЪ.

Побѣды, Государь, для насъ надежда шщепна;
 Какъ зимней вьюги снѣгъ, такъ рать врагамъ несмѣшна;
 И сборно воинство Россійскихъ всѣхъ Князей
 Едва прошивушамъ могло бы нынѣ ей.
 Но мы оспавленны большею войска часпью,
 Неустрашаемся грозящей намъ напаспью;
 На вѣрну смерть шечемъ, какъ къ морю сонмы водъ.
 Гдѣ благоспью Князей блаженспвуя народъ

Въ владыкахъ зришъ любовь отечественной славы,
 Тамъ въ нихъ онъ признаетъ опцовъ священные правы;
 И подданные шамъ, не такъ какъ ихъ рабы,
 Кошоры онъ премѣнъ ждавъ лучшія судьбы,
 Въ день брани преклоня и выи и колѣна,
 О жизни моляшъ лишь, и нестыдяшся плѣна,
 Но такъ какъ дѣши ихъ, Ордынцовъ презря мечъ,
 За честь своихъ Князей костями готовы лечъ.
 На смерть рѣшительно такъ мы идемъ съ тобою.

Д И М И Т Р І Й.

Умремъ, коль смерть въ бою назначена судьбою;
 Не проживемъ друзья, надежды лесной той,
 Чѣмъ свергнушъ съ насъ яремъ отважною рукой.
 Пусть цѣни томъ влачишъ, кто ихъ сорванъ несмѣшъ
 Въ могилѣ нѣшъ оковъ, шамъ звукъ цѣпей нѣмѣшъ.
 Умремъ какъ храбрые! и въ память нашихъ дѣлъ,
 Чѣмъ надгробный дернъ надъ нами зеленѣлъ;
 Чѣмъ робкаго стопы къ нему не прикасались,
 И праху мыслию потомки поклонялись.
 Грядущи времена сокрытые отъ насъ,
 Судьями нашихъ дѣлъ я призываю васъ!
 Вы будете цѣнишъ нашъ подвигъ знаменитой;
 И коль свободы днесъ мы слабою защитой,
 Когда отечества неможемъ мы спасти,
 Хотимъ себя въ его паденьи погребсти.
 Но память пусть живешъ: въ примѣръ, ее почиташъ?
 Бояре мудрые! ко воинамъ идите,
 Устройте ихъ ряды, и какъ настулитъ часъ,
 Чѣмъ биву возвѣстилъ воинскій трубный гласъ.

(Бояре уходятъ.)

Я В Л Е Н І Е Т Р Е Т І Е.

Димитрій одинъ.

Когда надежды нѣшъ отечество любезно,
 Чѣмъ было мужество мое тебѣ полезно;

Коль рабствовавъ еще тебѣ назначилъ рокъ,
 Надъ бѣдствіемъ твоимъ пролью не слезный шокъ,
 Но съ жизнію моею послѣдню каплю крови.
 А ты, о Ксенія! предметъ моей любви!
 Безъ коей бытія сносить бы я не могъ,
 Ты въ мысляхъ отъ меня послѣдній примешь вздохъ.
 Когда бъ себя межъ васъ дѣлилъ имѣлъ искусство,
 Всю жизнь опечесыву, и Ксеніи все чувство
 Я съ восхищеніемъ на вѣки бъ посвящилъ.
 Ахъ, что я говорю? я бъ ихъ нераздѣлилъ:
 Но вмѣстѣ вы въ душѣ моей соединены,
 Вы вмѣстѣ мило мнѣ, вы вмѣстѣ мнѣ священны,
 И въ роковой сей день покинутъ я отъ васъ.
 Но шумъ зрю Ксенію! благополучный часъ!
 Мамай воспрепещи! я съ жизнью примиряюсь.

Я В Л Е Н І Е Ч Е Т В Е Р Т О Е.

Димитрій, Ксенія, Бренской, Избрана.

К С Е Н І Я.

Къ тебѣ, о Государь! въ опчаянны явлюсь.
 Скажи правдива ль вѣсть, правдивъ ли общій слухъ,
 Которымъ сокрушенъ мой слабый нынѣ духъ?
 То правда ль, что отъ всѣхъ Димитрій ославляемъ;
 Что клоняшъ всѣ Князья главы передъ Мамаемъ;
 Что въ бой, на вѣрну смерть спремись ты одинъ;
 Что гордый сей Мамай, свирѣпый властелинъ,
 Надъ Русской храбростью раздоромъ торжествуетъ;
 И въ грусти Ксенія всѣ бѣдства испытуетъ?

Д И М И Т Р І Й.

Къ стыду Князей на вѣкъ, та справедлива вѣсть,
 Спрошивосъ ихъ сердецъ, забывъ и долгъ и честь,
 Предъ Ханомъ рабствуетъ, и предо мной кичится.
 Но торжествомъ еще Мамай не долженъ льститься,

Доколь среди Ташаръ не упаду я мертвъ.
 И крови лишь цѣной, и пысящами жерствъ,
 И смертью Вишазей, и спрахомъ смерти близкой
 Онъ купишь торжество надъ храбросью Россійской.
 Но если Ксеніи иль слово, или взглядъ
 Опчаянну любовь надеждой оживяшъ;
 Коль общаешь мнѣ отвергнувъ мысль жестоку,
 Не сокрывашъ себя въ обитель ту глубоку,
 Гдѣ шажкій твой общъ насъ долженъ разлучишь,
 Гдѣ долженъ онъ съ побой на вѣки заключишь
 Веселіе души, и дней моихъ опраду;
 Коль общаешь ты за подвигъ мнѣ въ награду
 Даръ сердца своего, любви нѣжнѣйшій даръ:
 То храброси моей придашь ты новый жаръ;
 Рукъ моей придашь чудесной силы свойство.
 Не смерть тогда найду: но всѣхъ Ташаръ геройство
 Передъ мечемъ моимъ прекленился и падешъ;
 И яросный Мамай въ побѣгъ унесешъ
 Въ безлюдныя страны, и въ дальнія пущи,
 Разбитія позоръ, и казню своей гордыни.

КСЕНІЯ.

Нѣтъ, съ участью моею непріобщай къ себѣ
 Всѣхъ злополучій твоихъ, которыми судьбѣ
 Усѣять на земли мой путь угодно было.
 Ахъ! небо грусть и плачь мнѣ щедро удѣлило;
 И по слѣдамъ моимъ преносится бѣды.
 Едва, едва прибыль успѣла я сюды,
 И надъ Россіей рокъ опять ожесточился;
 Геройскій жаръ погасъ, раздоръ воспламенился;
 Ко узамъ руки вновь Князя спѣшашъ простершъ,
 И облегли тебя измѣна вокругъ и смерть.

ДИМИТРІЙ.

Пускай Князя свою измѣну совершаютъ:
 Сердца дворянъ, Бояръ, усердны пребываютъ.

Тотъ безопасенъ Князь средъ ревностныхъ гражданъ,
 Гдѣ соймъ Бояръ премудръ, гдѣ вѣренъ соймъ дворянъ.
 Не будемъ обвинять судьбы опредѣленье!
 Бышь можешь, что она Россіи освобожденье
 Предоставляетъ мнѣ со славой произвестъ;
 И мнѣ единому предоставляетъ честъ
 Мамаю поразить, и витьязей коварныхъ,
 И снять оковы съ рукъ Князей неблагодарныхъ.
 Честъ она преидетъ въ позднѣйши времена:
 И Россовъ въ торжествѣ свободны племена
 Воспомянѣмъ почтуть меня надгробнымъ.

КСЕНІЯ.

Безспрашѣмъ твоимъ опчаянью подобнымъ,
 Я нынѣ болѣе должна еще спрадать.
 Ты хочешь въ бой ийти? Что можешь слаба рать
 Противъ Тапарскихъ силъ толико ненадежна?
 Въ сраженіи ждешь тебя гибель неизбежна.
 Но что я говорю? Несчастливая, увь!
 Въ побѣгѣ равная ждешь смерть твоей главы,
 И ею алчущъ днесъ свирѣпые Тапары.
 О гнѣвная судьба! ты собрала удары,
 Чтوبъ ими поразить чувствительный мой духъ.
 Лишившись матери мнѣ оставался другъ,
 Для коего сносишь я жизнь еще хотѣла:
 Но ты распашься съ нимъ мнѣ грозно повелѣла.
 Я шла къ обители, и покидала міръ,
 Чтобъ въ тайнѣ сердца скрышь любви моей кумиръ;
 Чтобъ съ мыслию о немъ въ убѣжищѣ скипашься;
 Тамъ, именемъ его и славой упѣшашься,
 И тамъ съ воспоргами моленіямъ внимаешь,
 Въ которыхъ будетъ клиръ его благословлять.
 Но ты и сихъ опрадъ меня лишишь желаешь;
 Послѣдню связь мою съ землею разрываешь,
 И смертію его грозишь мнѣ сиротствомъ.

Нѣтъ, Государь, тебѣ съ столь малымъ войскъ числомъ,
Нельзя стремиться въ бой. — Князей сюда сзываю:
И можешь быть.

ДИМИТРІЙ.

Чего ты ждешь отъ нихъ?

КСЕНИЯ.

Незнаю.

Но чтобъ спасти тебя, чтобъ гибель отъвратишь,
Я все старанія должна употребить.
Коль полу нашему природныя законы
Не дали силъ другихъ, какъ только плачь и слезы,
Я ихъ употреблю. — Раздору я виной:
Пускай Князья свой гнѣвъ свершающъ надо мной;
Пускай меня разящъ: лишь бы тебя спасали.
Мнѣ благомъ будетъ смерть, она предѣлъ печали.

ДИМИТРІЙ.

И буду я терпѣть, чтобъ ими ты была
Оскорблена при мнѣ?

КСЕНИЯ.

Коль я тебѣ мила,

Коль ты любовью горишь не лицемерной,
Терпѣніемъ своимъ яви залогъ мнѣ вѣрной.
Въ бѣдахъ отечества что значить жизнь моя?
Ихъ сонмъ сюда идетъ!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Все прежніе, Тверскій, Бѣлозерскій,
Смоленскій и прочіе Князья.

КСЕНИЯ.

О мудрые Князья!

Возникшей распри здѣсь причиной бывъ несчастной,

Вашъ призываю судъ: пусть будетъ безпристрастной,
 И ты, Тверской, и ты столь раздраженный мной,
 Плачевной Ксеніи будь грознымъ судіей!
 Общавна тебѣ, твою отвергла руку,
 И тайную печаль, и тайну сердца муку
 Въ обители сокрытъ отъ всѣхъ хотѣла глазъ.
 Но ты проникъ, чѣму мой приписать опказъ;
 Проникъ, что спрасъ въ душѣ къ другому я имѣю:
 И подтвердишь о томъ тебѣ предъ всѣми смѣю.

(Указывая на Димитрія.)

Вошъ тотъ кого любовь мнѣ другомъ избрала.

Т В Е Р С К І Й.

На поруганье ль ты меня сюда звала,
 Готовивъ шоржество сопернику надъ мною?

К С Е Н І Я.

Ахъ нѣтъ! винишь себя хочу передъ тобою:
 Негодованію что бы не знавши мѣръ,
 Ты казнь мою свершилъ для слабыхъ душъ въ примѣръ.
 Что бы онѣ моимъ проступкомъ изумились,
 Содроглись казни сей, и такъ любилъ спрашивались,
 Не оправдаюсь шѣмъ, что слова не дававъ,
 Твоихъ я надъ собой непризнавала правъ,
 И быть рукъ моей еще свободной мнила,
 Искать супруга мнѣ по сердцу болѣ мила.
 Не извинюсь и шѣмъ, что нѣжная мнѣ мать
 Позволила любовь къ Димитрію питать.
 Конечно шѣнь ее спрадаешъ вокругъ безмолвно
 За сердце дочери передъ тобой виновно.

Т В Е Р С К І Й.

Виновно! и ничто не можетъ оправдать.
 Родитель могъ одинъ тобой располагать,
 И съ обрученіемъ имъ право то священо
 Мнѣ было надъ тобой по смерти твоею вручено.

Ты не должна съ того торжественнаго дня,
И мысли бы имѣшь сокрытой опъ меня.

КСЕНІЯ.

Такъ правомъ пользуйся, что далъ тебѣ родители;
И въ наказаніе назначь мою обитель:
Обитель строю, среди пустынныхъ мѣстъ,
Гдѣ бы въ трудахъ несла я тяжкій жизни крестъ.
Назначь хоть въ той странѣ, гдѣ часть большую года
Безъ солнечныхъ лучей печалился природа;
Гдѣ бурь порывистыхъ мнѣ будетъ грозный ревъ
На память приводить твоей справедливый гнѣвъ.
Но гнѣвъ довольствуй сей ты казню мою.
И васъ, Князья, о томъ молишь я нынѣ смѣю.
Для имени супругъ, сестеръ и дочерей,
Всего, что мило вамъ бытъ можетъ въ жизни сей,
Моею казню прервите огнь раздора;
Соединитесь вновь къ изглаженью позора,
И рабства блѣдности съ Россійскаго чела.
Я распрю между васъ съ собою принесла:
Извергните меня, въ безлюдный край ссылайте,
Но днесъ спенящее отечество спасайте.

ТВЕРСКІЙ.

Какъ ни обиденъ былъ твой, Ксенія, отказъ,
Но свисходительнымъ еще хочу бытъ разъ.
Вражда ль прошивъ Ташаръ, копорыхъ жажду крови,
Иль память о моей предъ симъ къ тебѣ любви,
Внушаютъ мнѣ теперь забыть прощупокъ твой,
Простишь обиды всѣ, ищи въ кровавый бой,
И вновь Димитрію союзникомъ бытъ вѣрнымъ,
Какъ духомъ я его ни оскорбленъ надмѣрнымъ.
Но для забвенія моихъ опъ васъ обидъ,
Что бы твой бракъ со мной предъ войскомъ спертъ мой спыдъ.
Клянись, что въ сей же день пойдешь къ вѣнцу, и снова
Союзный мечъ принявъ рука моя гошова.

КСЕНІЯ.

Ахъ! ты неумолимъ ко мнѣ, какъ гнѣвный рокъ.
 Будь менѣ жалоспливъ, иль менѣ жестокъ!
 Ты хочешь пощадишь, и сердце раздираешь.

БЪЛОЗЕРСКІЙ.

Подумай, Ксенія, что можешь быть спасаешь
 Ты должнымъ бракомъ симъ честь Русскія страны,
 Свободы ждущія плодомъ сея войны.
 Какой примѣръ подашь! чье сердце оробѣетъ,
 Коль сердце Ксеніи любовь преодолѣетъ,
 И болѣе нежелъ жизнь на жертву принесетъ?
 Но ты молчишь! скажу ль, что оный бракъ спасетъ
 Того, къ кому вся мысль твоя спремится тайно;
 Что дни Димитрія

ДИМИТРІЙ.

Какое чрезвычайно

Усердіе за дни покинушы опъ васъ!
 Такъ, Ксеніи теперь согласье иль отказъ
 Рѣшатъ мою судьбу, и чувства и желанья;
 Но вашего меня избавьте sospраданья.
 Погибну, или нѣтъ, что нужды до того.

СМОЛЕНСКІЙ.

Предъ слабостью Княжны, предъ гордостью его

(Указывая на Димитрія.)

Не щещно ли слова, и время мы теряемъ.
 Проходитъ ночи мракъ, и миръ еще съ Мамаемъ
 Не совершенъ у насъ. Къ предупрежденью бѣдствъ
 Пошлемъ дань собранну, коль нѣтъ надеждъ и средствъ,
 Къ разсудку преклонишь Димитрія упорство,
 Которо Ксеніи питаетъ непокорство.

Т В Е Р С К І Й.

Смущаюся стыдомъ, о твердыя друзья!
 Что могъ унизиться прошеньемъ нынѣ я.
 Но предъ ошцомъ Княжны, и предъ Россіей всею,
 Я несомнѣнныхъ въ васъ свидѣтелей имѣю.
 Вашъ голосъ возвѣсипшъ опечесиву въ слезахъ,
 Кого должно винить оно въ своихъ бѣдахъ,
 Надъ чьей главой возлечь должно негодованье.
 И пусть позоръ гражданъ, и общее спраданье
 Виновныхъ поражаютъ. Пустьъ Ксеніи отецъ
 Внимавъ спенанію всѣхъ ропщущихъ сердець,
 И ждавшій отъ нее предъ гробомъ утѣшенья,
 Кланетъ пресупницы и самый день рожденья.

(Хочетъ итти.)

Д И М И Т Р І Й.

Что смѣешь ты вѣщать?

К С Е Н І Я.

(Останавливая Тверскаго.)

Жестокій Князь, постой!

Отъ страшныхъ сихъ угрозъ, весь духъ содрогся мой.
 Кто, я, опечесивомъ въ несчастьяхъ обвинена,
 Я буду клятвою отца обременена!
 Сей клятвою тяжкою, которую и смерть
 Съ главы уже моей не въ силахъ будетъ стереть;
 Отъ коей самый прахъ въ могилѣ неизбѣгнешъ,
 И съ коей тѣнь мою, тѣнь матери опвергнешъ.
 О мысль ужасная! избавь отъ клятвы сей!
 И можешь коль еще желать руки моей,
 Котору не любовь, но трепень предлагаетъ,
 Прими: и пусть меня отецъ не проклинаятъ.

Д И М И Т Р І Й.

Несчастлива Ксенія! что дѣлаешь?

КСЕНІЯ.

Мой долгъ.

Природы спонъ велишъ, чтобъ гласъ любви умолкъ.

*(Димитрій въ отчаяніи склоняетъ голову на перси
Бренскаго.)*

ТВЕРСКІЙ.

Души швоей, Княжна, побѣдъ удивляясь,
Довольствуюсь рукой: на время полагаясь,
Что и любви швоей достойнымъ буду я.

(Къ Князьямъ.)

О битвѣ помышляшъ намъ слѣдуетъ друзья.

Нашъ храбрый духъ предъ симъ обидою былъ связанъ,

Она опомщена; Димитрій самъ наказанъ:

*(При селѣ стихъ Димитрій отъ чины перешодитъ
къ ярости.)*

И Ксенію во храмъ.

ДИМИТРІЙ.

Во храмъ не поведешь;

Искашъ сраженія ты далѣ не пойдешь.

(Хочетъ обнажить мечъ и бросающъ къ Тверскому.)

Чтобъ мечъ рѣшилъ

БЪЛОЗЕРСКІЙ.

(Останавливая Димитрія.)

Постой! соперникъ безоруженъ.

ДИМИТРІЙ.

Пусть мечъ велишъ подашь!

КСЕНІЯ.

(Становится между Димитрія и Тверскаго.)

Нѣтъ, мечъ ему не нуженъ.

Ему прошивъ тебя моя защитой грудь.

Рази, и въ ярости законы всѣ забудь!

Счастлива коль спасу дни будуща супруга.

ТВЕРСКІЙ.

Димитрій! пощадимъ взаимно другъ мы друга.

Обычай боевъ сихъ, въ спранахъ иныхъ законъ,

Въ просые нравы къ намъ до нынѣ не введенъ. —

Намъ мечъ прошивъ враговъ опечесство вручаешъ:

И врагъ его Мамай насъ въ битву вызываетъ.

Тамъ храбрыхъ воиновъ сіянье ждетъ вѣнцовъ:

Но плачь и спонъ семействъ преслѣдуетъ бойцовъ.

Пойдемъ, и въ подвигахъ явимъ на ратномъ полѣ,

Кто будетъ Ксеніи изъ насъ достойнъ болѣ.

*(Тверскій ведетъ Ксенію, за ними слѣдуютъ Избрана и
предстоявше Князя.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Димитрій, Бренской.

ДИМИТРІЙ.

Недвижимъ . . . Ксенію позволилъ я опвесить!

Какую можетъ въ насъ несчастье произвестъ

Безчувстввенность души! я мыслишь неспособенъ:

Весь умъ разсѣянъ мой; и я теперь подобенъ

Тому несчастному, кто друга въ смертный часъ

Ловилъ слова, и вдругъ . . . прервался томный гласъ:

Своей печали онъ мгновенно неизмѣришь;

Другъ смершью похищенъ, и смерти онъ невѣришь.

О рокъ! какой ударъ судилъ мнѣ испыташь.

БРЕНСКОЙ.

Уклонимся въ шашеръ, чшобъ вмѣстѣ шамъ спенать.

Здѣсь любопытный взоръ бытъ можетъ привлекаемъ

Сей грустью, коей ты жестоко шоль перзаемъ.

ДИМИТРИЙ.

Пускай все воинство и вся Россія пусть
 Познають коль хопяшь любовь мою и грусть.
 Лишь Ксенія признашь любви сей нехотѣла;
 Всей горести моей она не пожалѣла.
 Сей вѣчной горести.

(За театромъ слышны трубы.)

Но трубный слышу гласъ !

БРЕНСКОЙ.

Въ сраженъе, Государь, онъ призываетъ насъ.
 Приди опять въ себя, и мужество приспойнымъ
 Димитрія душѣ, явился ты достойнымъ
 Надежды общія опечесства всего.

ДИМИТРИЙ.

О часъ! желанный часъ для сердца моего,
 Копоро въ ярости обманушой любви
 Пылаешь алчностью къ пролишью нынѣ крови.
 Васъ встрѣчу наконецъ Мамай, иль Челубей,
 Свирѣпы, ищущи мечемъ главы моей.
 Пойдемъ и ихъ искашь.

*(Идетъ нѣсколько шаговъ и оста-
 навливается.)*

Но не владѣвъ собою,
 Не въ силахъ учредишь моихъ полковъ я къ бою;
 Ихъ погубишь могу опчаяньемъ моимъ.
 О Бренской, вѣрный другъ! подъ знаменемъ большимъ,
 На мѣсто спанъ мое: и мужествомъ спокойнымъ
 Ты раши предводи ко подвигамъ достойнымъ;
 Ты замѣни меня въ рѣшипельный сей день,
 И знаки Княжески, и шлемъ ты мой надень.

БРЕНСКОЙ.

Чего ты пребуешь? какая мысль сурова! . . .

Д И М И Т Р І Й.

Въ сей день приличенъ видъ мнѣ война просцова.
Сіяніе сихъ бармъ всѣхъ Русскихъ соберешъ,
И опъ главы моей погибель опженешъ :
А я опасностей, и смерти лишь желаю.

Б Р Е Н С К О Й.

Съ слезами, Государь, еще къ тебѣ взываю !
Позволь опасности съ тобою мнѣ дѣлить.
Когда погибнешъ ты, какъ возмогу я жить ?
Передъ опечеснвомъ мой будетъ стыдъ безмѣрный,
Что пережилъ тебя оруженосецъ вѣрный.

Д И М И Т Р І Й.

Для друга дни свои ты долженъ сохранить,
Они полезны мнѣ по смерти могутъ быть.
Вотъ цѣпь, которая груди моей касалась :
Вручи ее Княжнѣ. Когда она являлась
Или очамъ моимъ, иль мысли лишь моей,
Грудь билась пламенна подъ скромной цѣпью сей.
Залогомъ ей опдай, когда меня неспанешъ ;
Какъ сердце ужъ мое и бишься перестанешъ.
Но коль любовника оплачетъ хоть слезой,
Ту радость принеси на гробъ печальный мой.

К о н е ц ъ ч е т в е р т а г о д ѣ й с т в і я.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

*Театръ представляетъ долину между горъ, покры-
тую лѣсомъ. Съ правой стороны срубленное дерево
лежитъ надъ большимъ камнемъ.*

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Ксенія, Избрана.

КСЕНІЯ.

Что далѣе бѣжать? дай Ксеніи унылой
Въ пустынныхъ сихъ мѣстахъ собратся съ новой силой;
Иль лучше будемъ здѣсь свирѣпыхъ ждашь Тамаръ.
Чтобъ ихъ кровавыхъ рукъ убивственный ударъ
Достигъ, сразилъ меня, и смерть моя бы слезна
Плашила днесь за смерть Димитрія любезна.

ИЗБРАНА.

Ужель извѣстна ты что онъ въ бою убишь,
Иль кто вѣщалъ?

КСЕНІЯ.

Ни кто: но все о томъ гласишь.
Разстройство нашихъ войскъ, спремительно ихъ бѣгство,
И дикой крикъ Тамаръ, кошорыхъ нагло звѣрство
До спана нашего, и даже въ самый спанъ
Преслѣдуетъ мечемъ несчастныхъ Россіанъ,
Не всель Димитрія погибель возвѣщаетъ?

ИЗБРАНА.

И такъ опечесство съ свободою теряетъ
И вождя крѣпкаго, главу своихъ Князей!

КСЕНИЯ.

День злополучнѣйшій изъ всѣхъ несчастныхъ дней!
Въ который я могла всѣхъ бѣдствій быть виною,
И руки согражданъ моей сковать рукою.

ИЗБРАНА.

Но чемъ виновна ты? иль жертва ты мала,
Которую ты въ даръ Россіи принесла,
Когда во храмъ иппи дала Тверскому слово?
Что насъ спасши могло, коль небо къ намъ сурово?

КСЕНИЯ.

Ахъ! мечъ Димитрія спасши бы насъ возмогъ.
Великому душой покоренъ въ браняхъ рокъ.
Великимъ небеса Димитрія послали:
Но духъ его упалъ подъ бременемъ печали.
И я испочникомъ печали шажкой сей;
Не могъ конечно онъ измѣны снести моей.

ИЗБРАНА.

Но должность можешь ли измѣной называться;
И клятва ли опца могла ты подвергаться?

КСЕНИЯ.

Невѣдаю, увы! не клятва ль надо мной
Уже положена десницей роковой.
Но опъ рожденія, Избрана, я несчастна,
И посюяненъ рокъ до дня сего ужасна,
Въ которой яроспи измѣну испоцилъ.
Димитрій можешь быть любовь мою винилъ
О мысль жестокая! и я не умираю!
Опъ смерти и Ташаръ изъ спана убѣгаю!
Ахъ! возвратимся въ спанъ, чтобы Ордынцовъ мечъ
Мое опчаянье могъ съ жизнью пресѣчь.

ИЗБРАНА.

Зрю Русскихъ воиновъ, Бояринъ имъ предводишь.

Я В Л Е Н І Е В Т О Р О Е.

Ксенія, Избрана, Бояринъ Московской съ
нѣсколькими воинами.

К С Е Н І Я.

Бояринъ доблестный, скажи ужель приходишь
Конечна гибель намъ? неистовый Мамай
Порабощаетъ ли несчастный Русской край?

Б О Я Р И Н Ъ.

Спокойся, о Княжна! побѣда совершенна:
Разбитый Ханъ бѣжитъ, Россія свободенна.

К С Е Н І Я.

О милосердый Богъ! Ты нашъ услышалъ гласъ,
Не до конца еще прогнѣвался на насъ,
И Русскихъ осѣнилъ Ты силою своею!
Ахъ! въ полной радости надѣяюсь я смѣю,
Что Ты Димитрія въ бою спасши возмогъ;
Чтобъ видѣлъ взоръ его, Ордынцовъ спертый рогъ,
И возходящее опечесство изъ плѣна.

(Къ Боярину.)

Но Расскажи шы мнѣ, какая перемѣна
Къ спасенью Россіанъ послѣдовать могла?

Б О Я Р И Н Ъ.

Рука Всевышняго опечесство спасла.
Кпо сильный устоишь пропиву сей десницы?
Она съ торжественной срываетъ колесницы
Кичливаго душей, среди самихъ побѣдъ;
И гордый какъ скала кремнистая падетъ,
Подобно замыслы обрушились Мамай.
Полки Россійскіе опмщеніемъ старая,

Спѣшили къ шѣмъ мѣстамъ спояли гдѣ враги.
 Едва завидя ихъ, удвоили шаги:
 Но вскорѣ шуча спрѣлъ, какъ градъ средѣ лѣшня зноя,
 Спустилась съ свисомъ къ намъ предшественницей боя.
 Безмолвно войны межъ шѣмъ идушъ впередъ:
 Шаговъ лишь только шумъ гулъ въ полѣ опдаешъ.
 Ряды сомкнувъ, и щипъ о щипъ сомкнувши ближней,
 Являли рашники видъ крѣпости подвижной.
 Идемъ, и съ нами вдругъ Ордынцовъ рашъ сошлась,
 Раздался воевъ крикъ, и съча началась.
 Незапно сонмъ бойцовъ Ташарскихъ показался,
 Предъ исполинами войскъ нашихъ духъ смѣшался.
 Какъ вихри бурные рожденны среди горъ,
 Чрезъ степь пространную лепяшъ въ дремучій боръ,
 И слабыя древа порывами ломаюшъ,
 И сосны швердыя въ верхъ корнемъ изшоргаюшъ,
 Такъ два богатыря: Темиръ и Челубей
 Спрямяшъ къ намъ въ полки чрезъ тысячи мечей.
 Предъ ними спрахъ бѣжишъ, и съ ними смершъ лешаешъ,
 И мертвая гряда ихъ бѣга слѣдъ являешъ.
 Ужъ множество Бояръ, и сильныхъ Воеводъ,
 И доблестныхъ Князей, какъ рушенный оплотъ,
 Въ крови, на грудяхъ шѣлъ разсѣянныхъ лежало.
 Опъ сихъ богатырей все съ трепетомъ бѣжало.
 И Бѣлозерскій Князь, чѣмъ войско удержашъ,
 Вошше отважности примѣръ хопѣлъ подашъ.
 Всѣ шесть его сыновъ въ глазахъ его сраженны:
 Всѣ шесть смершей душъ опцовской нанесенны.
 Но швердъ, изъ глазъ нѣшъ слезъ, изъ успъ неслышанъ спонъ,
 Онъ хочешъ вмѣспъ пасшъ, и палъ на вѣрно бѣ онъ,
 Коль не явились бы два воина Россійскихъ,
 Чѣмъ грозну смершъ изъ рукъ изхишишъ богатырскихъ.
 Одинъ изъ нихъ Чернецъ, извѣстный Пересвѣшъ,
 Жопорый въ мирны дни оставивъ шумный свѣшъ,
 Въ обители скрывалъ Боярства санъ высокой;
 Но гласъ опечеснѣва изъ тишины глубокой

Его призывалъ на брань со славой прежнихъ дѣлъ.
 Широко, могущъ плечьми, душею бодръ и смѣлъ,
 Темира вызвалъ онъ, съ Темиромъ онъ сразился,
 И такъ какъ глыба съ горъ съ нимъ вмѣстѣ мертво свалился.
 Но между тѣмъ въ близи идетъ ужасный бой,
 Огромный Челубей, и воинъ топь другой,
 Который прибылъ къ намъ, какъ помощью небесной,
 Влекутъ вниманье всѣхъ ихъ битвою чудесной.

К С Е Н І Я.

Но кто сей воинъ былъ? и какъ до дня сего
 Молчалъ народный гласъ о доблести его?

Б О Я Р И Н Ъ.

Незнаемъ онъ ни кѣмъ. Опущенно забрало
 Черты его лица опъ взоровъ сокрывало.
 Безъ украшеній шлемъ, обыкновенный щипъ
 Простова воина на немъ являли видъ;
 Повязка на рукѣ лишь только отличала;
 Но поступъ родъ его высокій обличала.
 Искусству воина дивится Челубей,
 И въ первый разъ призналъ онъ страхъ въ душѣ своей.
 Россійскаго меча удары сильны, быстры,
 Гдѣ язвы не несутъ, тамъ сыплютъ съ брони искры.
 Ордынца же рука поднявшись шлемъ разсѣчь,
 Вспрѣчаешь твердый щипъ, или проворный мечъ.
 Въ безмѣрной ярости, какъ звѣрь оспервенѣлый,
 Тапаринъ наконецъ бросаетъ щипъ тяжелый;
 И отступивъ назадъ, и въ двѣ руки принявъ
 Булашный длинный мечъ, мечтаетъ, что нападъ
 Съ разбѣга скорого, безъ хитрости воинской,
 Онъ раздвоитъ врага подъ силой исполинской.
 Стремится къ воину: сей зрѣтъ грозу, и ждетъ;
 Ударъ уже надъ нимъ, ужъ на главу падетъ,
 Но воинъ отступилъ, мечъ въ воздухъ ударяетъ,
 И тягостью своей Ордынецъ упадетъ:

Тупъ смертію къ землѣ на вѣки онъ приникъ.
 Съ его паденіемъ поднялся въ полѣ крикъ.
 Мамай изъ далека смерть видѣлъ Челубея;
 И изумившись ей, и страхомъ цѣпенѣя,
 Не вѣдалъ что начашъ; въ боязни умъ исчезъ.
 Тѣмъ временемъ съ полкомъ покинувъ ближній лѣсъ,
 Вдругъ братъ Димитрія въ Ташаръ ударилъ съ пыла.
 Тогда Ордынцовъ рашъ побѣгомъ степь покрыла.
 Мамай и Вишязи оружье побросавъ,
 Опъ нашея руки бѣгутъ, спѣшашъ спремглавъ,
 Имъ степь широкая, какъ тѣсная дорога:
 И Русской въ полѣ спалъ, хваля и слава Бога.

КСЕНІЯ.

Но о Димитріѣ ты мнѣ не говоришь!
 О страхъ! несчастіе ль опъ Ксеніи таишь!

БОЯРИНЪ.

Объ участи его ни кто еще не знаетъ:
 Сіе невѣденіе все войско сокрушаетъ.
 Ни онъ несущеся, ни воиновъ храбрый топъ,
 Кѣмъ пораженъ Ташаръ надежнѣйшій оплошъ.
 Въ долину сей Князя назначили собратъ
 Близъ поля рашнаго, чтобъ вмѣстѣ совѣщашъ,
 Какъ имъ Димитрія и воина найши.
 Надѣясь видѣть ихъ, слѣшилъ сюда приши.

КСЕНІЯ.

Увы! чего намъ ждашь опъ хладныхъ ихъ стараній!
 Но мнѣ сомнѣнія нельзя сносить спраданій.
 Чибъ время не теряшь, Бояринъ, въ спашъ пойдемъ:
 Московскихъ воиновъ и Низовыхъ сберемъ;
 Пускай бѣгутъ они, разсѣются повсюды;
 Чибъ мертвыхъ ни одной не пропускали груды,
 Гдѣ бы усердный взоръ ихъ вождя не искалъ.
 Быть можешь раненный средъ мертвыхъ онъ упалъ,

И нужной помощи къ спасенью ожидаетъ ;

(Къ Избранъ.)

Быть можеть, что меня онъ мысляю призываетъ.

(Ксенія уходитъ и всѣ за нею слѣдуютъ.)

Я В Л Е Н І Е Т Р Е Т І Е.

Димитрій, раненный, въ видѣ проспаго Воина показывается на горѣ при послѣднихъ двухъ стихахъ предъидущаго явленія, и выждавъ, чѣмъ всѣ удалились, сходитъ съ горы тихо, и опираясь на мечъ.

Д И М И Т Р І Й.

(Поднимая забрало шлема.)

Я Ксенію ль теперь въ долину видѣлъ сей ?

Иль то обманъ моихъ слабѣющихъ очей,

Прельщеніе души, мечта воображенья,

Которою мои сугубятся мученья ;

Которая въ сей часъ напоминаетъ мнѣ,

Что въ спанѣ брачный храмъ готовился Княжнѣ ;

Что въ спанѣ Но шуда уже невозвращуся :

Уединенный здѣсь кончины я дождуся.

О язвы тяжкія , благословляю васъ !

Вы приближаете шоски послѣдній часъ.

(Садится на камень.)

Сей камень будетъ одръ, гдѣ кончу дни унылы ,

И онъ будетъ кровь Димитрія могилы.

Щасливъ, что возмогу близъ мѣстъ священныхъ лечь,

Гдѣ поразилъ Ташаръ опечесивенный мечъ.

(Прерывающимся голосомъ.)

А ты, чью испыталъ я дружбу чрезвычайну,

Одинъ повязки сей хранящій мрачну тайну,

По коей друга ты искашь въ сей день хошѣлъ,
Средь умирающихъ или умершихъ шѣлъ,
О Бренской! поспѣши!

(Упадаетъ на камень.)

Я В Л Е Н І Е Ч Е Т В Е Р Т О Е.

Димитрій, лежащій подъ деревоиѣ, Бѣлозерскій,
Тверскій, Ксенія, Избрана, Бояринъ Мо-
сковской, нѣсколько Князей и Бояръ, Воины.

Т В Е Р С К І Й.

Друзья! скажашъ незнаю:

Веселье ли теперь, что Ксенію встрѣчаю,
Или предчувствіе надежду подаетъ,
Что наше общее усердіе найдетъ
Того воишеля, кѣмъ Челубей суровый
Какъ горда башня палъ, и спали съ насъ оковы.
О праотцы мои! вы днесъ опомщены;
Ордынцовъ кровію поля обагрены;
Возстаньте опъ гробовъ вы всѣ Ташаровъ жертвы,
И къ радости шѣла изчислише ихъ мертвы.
Я вами здѣсь клянусь, воишеля сего
Приняшъ, признашъ, и чшишъ за брата моего;
Хотябъ рожденіе въ немъ родъ простой явило.

Б Ѣ Л О З Е Р С К І Й.

Когда Всевышнему угодно нынѣ было
Лишишъ меня надеждъ сраженьемъ сыновей,
Симъ гнѣвомъ посѣшишъ на старости моей,
Недопустивъ опца насъ мертвымъ съ ними въ полѣ;
Уже ль опкажешъ мнѣ въ своей святой Онъ волѣ
Ошмспишеля сыновъ чело высоко зрѣшъ,
И съ ушѣшенемъ симъ спокойно умерешъ.

Т В Е Р С К І Й.

(Къ Воинамъ.)

Усердны Воины! искашь его идите!

Б Ъ Л О З Е Р С К І Й.

Но болѣе еще Димитрія ищите!

Вспомните, друзья, что сей великій мужъ

Воспламенилъ умѣлъ отважность Русскихъ душъ;

Что первый нашу мощь онъ мыслию измѣрилъ,

И славѣ Россіанъ подъ игомъ даже вѣрилъ.

Стремитесь но шлемъ и бармы зрю его!

Я В Л Е Н І Е П Я Т О Е.

Всѣ прежніе, Воинъ сопровождаемый большимъ числомъ другихъ Воиновъ приносятъ шлемъ, бармы и цѣпь Великаго Князя. Приносятъ такъ же бунчуки Татарскіе.

К С Е Н І Я.

(Увидѣвъ шлемъ и бармы упадаетъ къ Избранѣ.)

Погибъ! . . . свершилось все для сердца моего.

Т В Е Р С К І Й.

О Ксенія!

К С Е Н І Я.

(Въ отчаяніи.)

Ахъ! слезъ моихъ нескрываю:

Тебя, о Государь, я ими оскорбляю;

Карай, виновницу во гнѣвѣ твоемъ!

Но и подъ гнѣвомъ симъ, и подъ твоимъ мечемъ,

Скажу, что слово давъ, тебѣ я измѣняла;

Что я Димитрія любитьъ непреставала,
 Обманывала всѣхъ, его, Князей, тебя,
 И небо и людей, и самую себя.
 Пускай пресупницу рука твоя сражаетъ,
 Когда опчаянье меня не убиваетъ.

Т В Е Р С К І Й.

Соперникъ мой погибъ: Чтобъ съ смертію его
 Погасла навсегда страсть сердца твоего,
 Для тишины моей, а болѣе для чести.

Б Ъ Л О З Е Р С К І Й.

(Къ Воину.)

О ты! въ сихъ знакахъ намъ принесшій скорбны вѣсти
 Скажи, Димитрія въ какихъ мѣстахъ нашель?

В О И Н Ъ.

Не на Димитріѣ я шлемъ Княжой обрѣлъ:
 Но между мертвыми лежалъ въ сихъ знакахъ Бренской;
 По близости его поверженъ Князь Смоленской;
 И на земли вокругъ ихъ Татарскихъ куча шѣлъ
 Являетъ сколь враговъ ихъ мечъ сразилъ успѣлъ.

Д И М И Т Р І Й.

(Возставая.)

Ахъ! силы здѣсь мои сонъ нѣсколько поправилъ.
 Но Бренскаго не зрю! иль онъ меня оставилъ
 Подобно Ксеніи?

Б Ъ Л О З Е Р С К І Й.

Я слышу чей то стонъ.

(Идетъ къ дереву.)

Д И М И Т Р І Й.

Внимаю шумъ въ близи.

(Опускаетъ забрало.)

Б Ъ Л О З Е Р С К І Й.

(Подожедъ къ Димитрію.)

О небо! это онъ!

Тотъ Воинъ, чья рука богатыря сразила,
 И смерть моихъ сыновъ достойно опомстила.
 Повязку узнаю. Отъ скорбнаго отца,
 О Випязъ! не скрывай ты свѣтлаго лица;
 Дай взору моему симъ зрѣньемъ насладиться;
 Повѣдай имя намъ, копорымъ ты гордишься
 Въ отечеснвѣ своемъ отъ нынѣ долженъ въ вѣкъ.
 Хопябъ судьбою былъ не знашый человекъ,
 Но храбростью смиривъ гордыню Ханской выи,
 Великъ ты имянемъ спасителя Россіи.
 Молчишь! . . . не внемлешь мнѣ! почтожъ меня спасалъ?
 Ахъ! лучше бъ близъ дѣтей ты умереть мнѣ далъ.

(Димитрій поднимаетъ забрало.)

Б Ъ Л О З Е Р С К І Й.

Димитрій!

Б О Я Р И Н Ъ.

(Бросаясь на колѣни передъ Димитріемъ.)

Государь!

Т В Е Р С К І Й.

(Отступая отъ Димитрія въ сторону.)

Что вижу!

К С Е Н І Я.

(Тихо къ Избранѣ.)

Оживаю,

И слезы радости я первы проливаю.

ДИМИТРІЙ.

(Къ Бѣлозерскому.)

Твое прискорбіе меня превозмогло:
Несчастному открылъ несчастнаго чело.

БѢЛОЗЕРСКІЙ.

Какъ не позналъ тебя по сильнымъ шѣмъ ударамъ,
Съ копорыми твоей мечъ несъ быстру смерть Татарамъ!
Но, Государь, твой шлемъ и твой доспѣхъ избилъ,
Что вижу я, увѣ! ты ранами покрытъ!

КСЕНІЯ.

О страхъ!

ДИМИТРІЙ.

Онъ теперь отрадою душевной;
Онъ мнѣ сокращаетъ срокъ жизни сей плачевной.

БѢЛОЗЕРСКІЙ.

Но жизнь Димитрія опечесству нужна.

ДИМИТРІЙ.

Съ лишеніемъ Ксеніи, несносна мнѣ она.
Мнѣ міръ пустынею, свѣтъ солнца ненавижу;
И только другъ одинъ но Бренскаго не вижу!
Гдѣ медлишь онъ? почто ко мнѣ не поспѣшилъ?
Но вы безъ словъ печаль на лицахъ говоритъ!
Она вѣщаетъ мнѣ, что другъ погибъ навѣрно
Мое несчастіе и полно и примѣрно!
И вы жестоки! мнѣ предлагать могли
Безъ дружбы и любви скидаться на земли.

(Упадаетъ на камень.)

К С Е Н І Я.

Избрана! спонемъ онъ, и доспуишь не смѣю,
Чѣмъ утѣшаешь его любовію моею.

Т В Е Р С К І Й.

О какъ пронзительнъ гласъ горести его!
Неволею достигъ до сердца моего.

(Подходитъ къ Дмитрію.)

Димитрій, ободрись! Тверской къ тебѣ зоветъ.

Д И М И Т Р І Й.

При краѣ гробовомъ чей голосъ поражаетъ?
Тверскій! пришелъ ли ты мою кончину зрѣть?
Ужель не дашъ ты мнѣ и съ миромъ умереть!
Но доверши вражду! вели припши невѣстѣ,
И смертію моею вы наслаждайтесь вмѣстѣ;
Умножьте радость симъ веселаго вамъ дня.

Т В Е Р С К І Й.

Приблизься Ксенія, и оправдай меня;
Увѣрь, что не пришелъ я грустью веселиться,
Но сердцемъ Ксеніи съ Димитріемъ мириться.

(Къ Дмитрію.)

Супругу днесъ прими ты ошъ руки моею!
Чего бъ не сдѣлалъ я предъ властію твоею,
То здѣсь я дѣлаю, Россіи гласъ внимая,
Предъ побѣдителемъ свирѣпаго Мамаю.

Д И М И Т Р І Й.

(Взявъ за руку Тверскаго.)

Великодушный Князь! побѣдой надъ собой

(Ко Ксеніи.)

Ты превзошелъ меня. — Я соединенъ съ тобой.

(Ксенія бросается въ объятія Дмитрія.)

Я В Л Е Н І Е Ш Е С Т О Е И П О С Л Ъ Д Н Е Е.

Всѣ прежніе, и Воинъ.

В О И Н Ъ.

Твой братъ, Серпуховской, преслѣдовавшій Хана,
Ждешь, Государь, тебя со Воинствомъ у спана.
Дивяся доблестямъ и подвигамъ твоимъ,
Всеобщій ратныхъ гласъ назвалъ тебя Донскимъ.

*(Воины опускаютъ знамена и бунтуки, на кои
складываютъ щиты.)*

Д И М И Т Р І Й.

(Возстаетъ.)

Пойдемъ, веселье ихъ щедрошами прибавимъ,
Спокоимъ раненныхъ, къ умершимъ долгъ осправимъ.

*(Поддержанный съ одной стороны Ксеніей и
Бѣлозерскимиъ, съ другой стороны
Бояриномъ, приходитъ на средину
театра и упадая на колѣни.)*

Но первый сердца долгъ къ Тебѣ Царю Царей!
Всѣ Царства держатся десницею Твоей;
Прославь, и ушверди, и возвеличь Россію;
Какъ прахъ земной, сопри враговъ кичливу выю,
Чтобъ съ трепетомъ сказать иноплеменникъ могъ:
Языки вѣдайте, великъ Россійскій Богъ.

К о н е ц ъ т р а г е д і и.

Ozerov, Vladislav A.,

Sočinenija V. A. Ozerova

Bd.: 1

Sanktpeterburg 1816

P.o.rel. 3332-1/2

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10036365-7